

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XX (IX)

СЕРИЯ Б. НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
XIV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

К 100-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК XX (IX)

СЕРИЯ Б

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

**ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
XIV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

Севастополь
2017

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XX(IX). Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы XIV Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» / под редакцией С.Б. Филимонова. – Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2017. – 152 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, прочитанных 5–7 октября 2016 г. на заседаниях XIV Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения».

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории и краеведения.

Сборник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Статьи сборника публикуются в электронной библиотеке E-library: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=62182

Все публикуемые статьи проходят внутреннее рецензирование и проверку программой «Антиплагиат»

Редакционная коллегия:

Французов П.А.	кандидат физико-математических наук, доцент, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Данильченко С.Л.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления Филиала МГУ в г. Севастополе, советник директора Филиала МГУ в г. Севастополе.
Баранов А.В.	доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.
Буйских А.В.	доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины.
Ирхин А.А.	доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета.
Козлов М.Н.	доктор исторических наук, профессор кафедры «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета.
Наумова Г.Р.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ.
Петрова Э.Б.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.
Усов С.А.	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой истории России Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (шеф-редактор серии Б «Новая и новейшая история»).
Сапрыкин С.Ю.	доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира Исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (шеф-редактор серии А «Античность и средневековье»).
Селунская Н.Б.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ.
Цимбаев Н.И.	доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России XIX – начала XX веков Исторического факультета МГУ.
Чемшит А.А.	доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Исторические, философские и социальные науки» Севастопольского государственного университета.
Юрченко С.В.	доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, заведующий кафедрой политических наук и международных отношений КФУ.
Бойцова Е.Е.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зам. директора Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета.
Гвоздева И.А.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, доцент Литературного института им. М. Горького (г. Москва).
Крапивенцев М.Ю.	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (редактор по работе с программой «Антиплагиат»).
Мартынкин А.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, зам. декана историко-филологического факультета Филиала МГУ в г. Севастополе (шеф-редактор серии В «Международные отношения»).
Ставицкий А.В.	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Теплова Л.И.	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, декан историко-филологического факультета Филиала МГУ в г. Севастополе (редактор-переводчик).
Ушаков С.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН.
Хапаев В.В.	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).
Чореф М.М.	кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований Нижневартковского государственного университета.
Выхристюк Е.В.	зав. библиотекой Филиала МГУ в г. Севастополе (редактор по работе с национальной библиографической базой данных научного цитирования РИНЦ и электронной научной библиотекой E-library).
Неделькин Е.В.	магистр истории, младший научный сотрудник Института археологического наследия (г. Алушта) (технический редактор).

Публикуется по решению Оргкомитета Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения»

Editorial Board:

Frantsuzov P.A.	Candidate of Physics and Mathematics, Deputy Director for Science, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
Danilchenko S.L.	Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Management. Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
Baranov A.V.	Doctor of History, Doctor of Politics, Professor, Professor at the Department of Political Sciences and Political Management, Kuban State University.
Buiskikh A.V.	Doctor of History, Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine.
Irkhin A.A.	Doctor of Politics, Professor, Head of the Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.
Kozlov M.N.	Doctor of History, Professor at the Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.
Naumova G.R.	Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Historical Sources, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.
Petrova E.B.	Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Ancient and Medieval History, Vernadsky Crimean Federal University.
Usov S.A.	Doctor of Politics, Professor, Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
Filimonov S.B.	Doctor of History, Professor, Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University; Head of the Department of Russian History, Vernadsky Crimean Federal University (Editor-in-Chief of Series B "Modern and Contemporary History").
Saprykin S.Yu.	Doctor of History, Professor, Head of the Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Head of the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, (Editor-in-Chief of Series A "Antiquity and the Middle Ages").
Selunskaya N.B.	Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Historical Sources, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.
Tsimbaev N.I.	Doctor of History, Professor, Professor at Department of Russian History of the 19 th – early 20 th centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.
Chemshit A.A.	Doctor of Politics, Professor, Professor at the Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.
Yurchenko S.V.	Doctor of Politics, Professor, Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University; Vice-Rector of Vernadsky Crimean Federal University, Head of the Department of Political Sciences and International Relations, Vernadsky Crimean Federal University.
Boitsova E.E.	Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University; Deputy Director of Institute of Humanities and Pedagogy, Sevastopol State University.
Gvozdeva I.A.	Candidate of History, Associate Professor at the Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Associate Professor at Maxim Gorky Literature Institute (Moscow).
Krapiventsev M.Yu.	Candidate of History, Senior Lecturer at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University (Anti-plagiarism Checking Coordinator).
Martynkin A.V.	Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Deputy Dean of the Faculty of History and Philology, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University (Editor-in-Chief of Series C "International Relations").
Stavitsky A.V.	Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
Teplova L.I.	Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Deputy Dean of the Faculty of History and Philology, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University (Translations Editor).
Ushakov S.V.	Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences.
Khapaev V.V.	Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University (Executive Editor).
Choref M.M.	Candidate of History, Research Staff Member at the Research Laboratory of Regional Historical Studies, Nizhnevar-tovsk State University.
Vykhristiuk E.V.	Head of the Library of Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University (coordinator of publications in the national database on bibliography for scientific studies citations (Russian Science Citations Index) and e-library.
Nedelkin E.V.	MA in history, Junior Researcher at the Institute of Archaeological Heritage (Alushta, Crimea) (Layout Editor).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
<i>Мемории</i>	
Филимонов С.Б. Дважды снесенный и дважды восстановленный: малоизвестные страницы истории памятника императрице Екатерине II в Симферополе	8
<i>Новая история</i>	
Агатова М.А. Материалы по истории города Севастополя на страницах периодической печати Таврической епархии за 1916 год	11
Попова О.Д. Досуговые практики как форма стирания сословных рамок в быте семинаристов	19
Черкасская Н.А. Русско-греческий проект в контексте междинастических отношений: XVIII – начало XX вв.	23
<i>Новейшая история</i>	
Данильченко С.Л. Сталинская реабилитация дореволюционной русской истории: источниковедческий анализ	26
Дедкова Г.Р. Особенности функционирования мечетей в Крыму в 20-х годах XX века	36
Каилявик К.Ю., Кирнозе З.И., Лобков А.Е. У истоков научного изучения крымско-татарского народного творчества (фольклорные сборники Алупкинського дворца-музея)	40
Крестьянников В.В. Севастопольская городская организация партии социалистов-революционеров в 1917-начале 1918 гг.	52
Крестьянников В.В. Черноморский флот и Украинская народная республика	61
Лазарева О.Г. Крымский университет в начале 20-х годов XX века (по дневниковым записям из личного фонда профессора И.А. Линниченко в Государственном архиве Республики Крым)	71
Неделькин Е.В. Крымское село Черноречье в 1944–1962 гг.	76
Никитина И.В. Балаклавский район в 1950-е годы: административные, социальные и экономические трансформации	90
Островская И.В. К вопросу о судьбах немецких врачей-иммигрантов в СССР в предвоенный период	96
Росенко М.И. Греки в истории Севастополя и Балаклавы: роль в развитии учреждений образования и сохранении культурных особенностей и национальных традиций	100
Тихонова А.А. Опыт изучения русской усадьбы как явления культуры в советский период	108
Ткаченко С.Н. Действия авиации в боях за Феодосию в середине января 1942 г.	112
Юрченко В.С. Развитие частной торговли в Севастополе в 1921–1925 годах	119
<i>Научное творчество студентов</i>	
Бичаков С.А. Организация обороны Крыма во время Второй русско-турецкой войны (1787–1791 гг.)	124
Жалейко К.А. Российские купеческие экспедиции к островам северо-восточной части Тихого океана середины XVII – конца XVIII веков	128
Солодкий В.А. Советские надводные боевые корабли, незавершенные строительством в 1937–1946 годах	132
Тузов В.В. Особенности развития белогвардейской прессы в 1917–1921 годах	135
<i>Проба пера</i>	
Баранов А.П. Опыт применения химического оружия в Первой мировой войне	143
Сведения об авторах / About the authors	148

CONTENT

Introduction	6
Memoria	
<i>Filimonov S.B.</i> Twice razed and twice rebuilt: little-known history of the monument to Empress Catherine II in Simferopol	8
Modern history	
<i>Agatova M.A.</i> Materials on the history of the city of Sevastopol in Taurida diocese periodicals in 1916	11
<i>Popova A.D.</i> Leisure practices as a form of deleting social class constraints in the way of life of seminarians	19
<i>Cherkasskaya N.A.</i> Russian-Greek project in the context of interdynastic relations: 18 th – early 20 th century	23
Contemporary history	
<i>Danilchenko S.L.</i> Stalin's rehabilitation of pre-revolutionary Russian history: source analysis	26
<i>Dedkova G.R.</i> Mosques functioning in the Crimea in 1920s	36
<i>Kachlyavik K.Y.</i> At the origin of the study of Crimean Tatar folklore (folklore collections of the Alupka palace-museum)	40
<i>Krestyannikov V.V.</i> Sevastopol city Socialists-revolutionary party organization in 1917 – early 1918	52
<i>Krestyannikov V.V.</i> The Black Sea Fleet and Ukrainian People's Republic	61
<i>Lazareva O.G.</i> Crimean University in the early 1920s: studies of Professor I.A. Linnichenko's personal diaries from the State Archive of the Republic of Crimea	71
<i>Nedelkin E.V.</i> The Crimean village of Chernorechie in 1944–1962	76
<i>Nikitina I.V.</i> Balaklava district in the 1950s: administrative, social and economic transformation	90
<i>Ostrovskaya I.V.</i> On the fate of the German immigrant doctors in the USSR in the prewar period	96
<i>Rosenko M.I.</i> The Greeks in the history of Sevastopol: role in the development of educational institutions and preservation of cultural identity and national traditions	100
<i>Tikhonova A.A.</i> Studies of Russian country estates as a cultural phenomenon in the Soviet period	108
<i>Tkachenko S.N.</i> Air operations in the battle of Feodosiya in the middle of January 1942	112
<i>Iurchenko V.S.</i> Development of private trade in Sevastopol in 1921–1925	119
Scientific work of students	
<i>Bichakov S.A.</i> Crimea defense organization during the Russian-Turkish War (1787–1791)	124
<i>Zhaleiko K.A.</i> Russian merchant expeditions to the islands in the North-Eastern Pacific (mid 17 th – late 18 th centuries)	128
<i>Solodkiy V.A.</i> Unfinished Soviet surface warships (1937–1946)	132
<i>Tuzov V.V.</i> The White Guard press development in 1917–1921	135
First attempt at writing	
<i>Baranov A.P.</i> Use of chemical weapons during World War I	143
Сведения об авторах / About the authors	148

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вниманию читателей XX (IX) выпуск сборника научных статей "Причерноморье. История, политика, культура" (серии Б), в который вошли статьи, подготовленные по материалам докладов, прочитанных на XIV Всероссийской научной конференции "Лазаревские чтения" 2016 года в секции "Новая и новейшая история". Тематически сборник разделен на 5 разделов: «мемории», «новая история», «новейшая история», «научное творчество студентов» и «проба пера». В рамках последнего из упомянутых разделов редколлегия продолжает публикацию статей старших школьников, отвечающих требованиям, предъявляемым к научному исследованию.

Сборник посвящен 100-летию установления Советской власти в России. Поэтому, большая часть публикуемых статей отражает различные аспекты истории Революции, Гражданской войны и советского строительства.

В возрожденном после четырехлетнего перерыва разделе "Мемории" публикуется статья шеф-редактора серии Б нашего сборника профессора С.Б. Филимонова, посвященная истории установки, уничтожения и возрождения памятника Екатерине II в Симферополе. Эти события имеют непосредственное отношение к основной тематике настоящего выпуска.

В разделе "Новая история" читателю предлагаются следующие публикации.

М.А. Агатова вводит в научный оборот статьи о г. Севастополе, публиковавшиеся в прессе Таврической епархии в предреволюционном 1916 году.

О.Д. Попова обращается к малоизученной в историографии теме – досуговым практикам в быте российских семинаристов середины – второй половины XIX века.

Н.А. Черкасская анализирует так называемый «русско-греческий» проект в контексте взаимоотношений династий европейских монархов в XVIII – начале XX веков.

В разделе "Новейшая история", публикуется 12 статей, отражающих основную тематику настоящего выпуска.

С.Л. Данильченко рассуждает о причинах и последствиях реабилитации дореволюционной русской истории в учебных программах 30-х годов XX века.

Г.Р. Дедкова изучает особенности функционирования крымских мечетей и взаимоотношений мусульманских общин с Советской властью в 20-е годы XX в.

Коллектив авторов (К.Ю. Кашлявик, З.И. Кирнозе и А.Е. Лобков) обращается к истории изучения крымско-татарского фольклора в 30-е годы XX века, его публикации, и трагическим судьбам занимавшихся этой проблемой исследователей.

В.В. Крестьянников предлагает вниманию читателя две статьи, посвященные революционным событиям 1917–1918 годов в Севастополе. В первой он анализирует деятельность севастопольской организации партии эсеров; во второй рассуждает о взаимоотношениях командования и личного состава Черноморского флота с властями Украинской Народной Республики.

О.Г. Лазарева на основе впервые вводимого в научный оборот источника – писем профессора И.А. Линниченко – изучила малоизвестные страницы ранней истории Таврического университета и его юридических правопреемников.

Е.В. Неделькин продолжил серию публикаций об истории одного из древнейших и крупнейших сел Севастополя – Чоргуня/Черноречья. В публикуемой статье он изучил историю села в 1944–1962 годах.

И.В. Никитина также продолжает апробацию проводимых ею исследований истории Балаклавы. В предлагаемой читателю публикации изучены административные, экономические и социальные трансформации, которые претерпел Балаклавский район в 50-е годы XX века.

И.В. Островская обратилась к малоизученной теме судьбы семей немецких коммунистов, бежавших в СССР в 30-е годы от нацистских преследований.

М.И. Росенко проследила исторические судьбы греков, проживавших на территории Севастополя и Балаклавы, их борьбу за сохранение национальной системы образования и культурной идентичности.

А.А. Тихонова публикует историографическую статью, посвященную истории изучения русской дворянской усадьбы в советский период.

С.Н. Ткаченко продолжает публикуемую в нашем сборнике серию статей об истории боевого применения авиации в сражениях за Крым в 1941–1944 годах. В новой статье анализируются действия авиационных частей в боях за Феодосию в середине января 1942 года.

В.С. Юрченко, изучающая малоизвестную проблематику социально-экономического развития Севастополя в 20-е годы XX века, в представленной публикации анализирует развитие частной севастопольской торговли в первые годы НЭПа.

Традиционно тематически разнообразен раздел «Научное творчество студентов», в котором публикуются исследования студентов историко-филологического факультета Филиала МГУ в г. Севастополе.

С.А. Бичаков обращается к основательно позабытой в историографии теме организации обороны Крыма во время Русско-турецкой войны 1787–1791 годов, анализирует роль Г.А. Потемкина и братьев Каховских в мероприятиях по недопущению высадки неприятельского десанта на полуостров.

К.А. Жалейко представила результаты изучения истории непростых взаимоотношений русских купцов-мореплавателей с аборигенами Алеутских и других прилегающих к Аляске островов в XVII–XVIII веках.

В.А. Солодкий изучил причины, по которым новейшие серии боевых кораблей (лидеров эсминцев, крейсеров и линкоров), заложенных на советских верфях в конце 30-х – начале 40-х годов XX в., так и не были достроены: ни в военное, ни в послевоенное время.

В.В. Тузов сравнивает особенности развития белогвардейской прессы в двух антибольшевистских квазигосударствах – на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока, находившейся под контролем А.В. Колчака, и на Юге, оказавшемся под властью А.И. Деникина, а впоследствии П.Н. Врангеля.

В разделе «Проба пера» публикуется статья, написанная учеником СОШ № 47 г. Севастополя **А.П. Барановым** об истории разработки и применения химического оружия в ходе Первой Мировой войны.

* * *

Оргкомитет Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» приглашает историков, политологов, культурологов, а также студентов, магистрантов и аспирантов соответствующих специальностей, проживающих в государствах Причерноморья, к научному сотрудничеству, аргументированным и толерантным дискуссиям, как на заседаниях конференции, так и на страницах сборника «Причерноморье. История, политика, культура».

Оргкомитет

I МЕМОРИИ

УДК 908:725.94Екатерина II(477.75)

DOI 10.5281/zenodo.345039

ДВАЖДЫ СНЕСЕННЫЙ И ДВАЖДЫ ВОССТАНОВЛЕННЫЙ: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ II В СИМФЕРОПОЛЕ

Филимонов С.Б.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье содержится остававшаяся малоизвестной информация о памятнике императрице Екатерине II в Симферополе, воздвигнутом в 1890 году, снесенном большевиками дважды – в 1919 и 1921 гг. и дважды – в 1919 и 2016 гг. – восстановленном.

Ключевые слова: Екатерина II, Крым, Симферополь, памятник, большевики, Таврическая ученая архивная комиссия, А.И. Маркевич.

Манифестом императрицы Екатерины II от 8 (19) апреля 1783 года Крым был присоединен к России. В ознаменование 100-летнего юбилея этого события в 1890 году в столице Крыма Симферополе Екатерине II был воздвигнут памятник. Как сообщала надпись на памятнике, он был сооружен таврическим дворянством «при участии всея России». Памятник символизировал тот факт, что благодаря Екатерине II Крым стал составной и, как покажет история, неотъемлемой частью Русского мира.

Памятник простоял лишь три десятилетия. В 1921 году победившими в Гражданской войне большевиками он был снесен.

В советское время о памятнике вспоминали, пожалуй, лишь краеведы.

Но после того, как в 1991 году Украина стала «независимой», Киев начал предпринимать энергичные попытки украинизировать Крым. Крымчане навсегда запомнили угрозу одного из активистов украинизации полуострова: «*Крым будет либо украинским, либо безлюдным*».

В ответ на это в Крыму усилились пророссийские настроения. Своеобразным символом этих настроений стала идея восстановления памятника Екатерине II в Симферополе.

В 1990-е годы в центре Симферополя появились столы, над которыми развивался российский триколор, а сидевшие за столами волонтеры собирали добровольные пожертвования (жертвователей было много) на восстановление памятника. В 2007 году при деятельном участии тогдашнего симферопольского городского головы Г.А. Бабенко, вопреки энергичным протестам со стороны крымско-татарских и украинских националистов, на месте будущего памятника был установлен закладной камень. А уже после воссоединения Крыма с Россией, 19 августа 2016 года, в светлый праздник Преображения Господня состоялось торжественное открытие восстановленного памятника Екатерине II.

Но, как свидетельствуют оставшиеся до недавнего времени малоизвестными исторические источники, это было второе по счету восстановление памятника. Первый раз снос и восстановление памятника произошли в период Гражданской войны. Вот, как это случилось.

Вскоре после революции, уже в 1918 году, памятник был поврежден: сбиты бронзовые вызолоченные буквы надписи на памятнике и герб Таврической губернии, сломан скипетр. Наконец, 1 мая 1919 года, памятник был полностью снесен большевиками.

С установлением в Крыму летом 1919 года власти генерала Деникина заботы о восстановлении памятника взяла на себя старейшая и авторитетнейшая крымская краеведческая организация – Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК). 13 августа 1919 года в симферопольской газете «Таврический голос» была напечатана статья председателя ТУАК Арсения Ивановича Маркевича (1855–1942) «Памятник Екатерине Великой». Эта статья оставалась до недавнего времени неизвестной: она не значится ни в одном из нескольких изданных к настоящему времени списков печатных трудов Маркевича. Между тем, значимость этой статьи трудно переоценить: она не только отражает взгляды выдающегося ученого–крымоведа Маркевича на роль Екатерины II в истории Крыма и значение памятника ей, но и содержит редкую по силе критику политики большевиков по отношению к исторической памяти и историческим памятникам. Этим, думается, и объясняется тот факт, что Маркевич до конца жизни предпочитал не упоминать об этой своей статье. А с учетом того, что крымские антибольшевистские газеты времен Гражданской войны являются в наши дни библиографической редкостью, становится понятным, почему до 2005 года (когда указанная статья была обнаружена автором этих строк и в апреле 2005 года, к 150-летию со дня рождения Маркевича, републикована на страницах ряда крымских изданий) она оставалась неизвестной биографам ученого. Вот текст этой замечательной во многих смыслах статьи.

ПАМЯТНИК ЕКАТЕРИНЕ ВЕЛИКОЙ

С чувством возмущения и негодования отнеслось все благомыслящее и любящее свою родину население Симферополя и всей Тавриды к снятию памятника императрицы Екатерины Великой в нашем городском саду, сооруженного в ознаменование столетия со времени одного из важнейших событий в нашей новой истории – присоединения Тавриды к России. Этот памятник, прекрасный в художественном отношении и в высшей степени удачный в воспроизведении великого момента в нашей истории, со времени своего открытия был любимым и дорогим для здешних граждан, знавших, благодаря чьему гению Таврида из полудикой страны превратилась в один из лучших уголков земли русской, понимавших хорошо, кому они обязаны здесь своим благополучием.

Но помешать снятию памятника, остановить это варварское деяние озверелых, диких людей, руководимых предателями России и изменниками (так Маркевич характеризовал большевиков. – **С.Ф.**), было невозможно. К счастью, памятник был снят осторожно, благополучно, без особенных повреждений, но, выброшенный из сарая, где он временно был положен для хранения, во дворе, подвергается порче со стороны разного рода хулиганов и может подвергнуться неисправимой порче.

Надо во что бы то ни стало как можно скорее восстановить этот памятник – это долг всех граждан г. Симферополя, с городской думой и земством во главе. Таврическая ученая архивная комиссия и губернский предводитель дворянства уже вошли по этому поводу к высшей власти с соответственными представлениями, очередь за голосом общества и массы населения города.

По уверениям специалистов, постановка фигуры императрицы Екатерины и фигуры и бюстов ее сподвижников не представляет никаких тех-

нических затруднений и обойдется очень недорого, примерно 3000 рублей, которые можно в два-три дня собрать путем подписки. Кстати, приближается начало нового учебного года, и хорошо было бы к этому времени исполнить это дело.

В течение ряда лет и особенно в последние годы вытравлялась в русском народе любовь к родине, ее светлому и славному прошлому, теми, кто хотел превратить весь русский народ в «Иванов Непомнящих». (Замечу, что те же чувства испытывали тысячи крымчан в период между декабрем 1991 и мартом 2014 года. – С.Ф.). Покажите, граждане Симферополя, что та гнусная ложь, клевета и грязь, которыми позорилась наша Россия и наша родная история, не повлияли на уменьшение нашей преданности родине и любви к ее прошлому. И русские, и инородцы должны объединиться и не отказаться исполнить свой гражданский долг.

А. Маркевич

P.S. Тридцать шесть лет тому назад я был счастлив внести свою маленькую лепту на сооружение памятника Екатерине Великой в Симферополе, не предполагая, что буду его жителем. Теперь с чувством благоговения к памяти Великой Императрицы вношу на восстановление этого памятника 100 руб., каковую сумму при сем прилагаю.

Призыв А.И. Маркевича был услышан, необходимая сумма собрана, и к 1 декабря 1919 года памятник Екатерине II был восстановлен. 11 декабря 1919 года на заседании ТУАК А.И. Маркевич *«сообщил собранию заимствованные им из дел архива канцелярии Таврического губернского предводителя дворянства сведения о сооружении памятника императрице Екатерине II в Симферополе, из которых видно, что две трети пожертвований на памятник были сделаны разного звания и сословия людьми всей России, путем мелких взносов, и, т[аким] обр[азом], памятник этот является в полном смысле "всенародным" и "всероссийским"»*.

Увы, год с небольшим спустя, в январе 1921 года, большевики вновь снесли памятник Екатерине II. 21 января 1921 года в газете «Красный Крым» появилась глумливая заметка «Сверженный кумир», автор которой, скрывший свое имя за псевдонимом Ч., писал: *«На днях на городском бульваре был снят памятник "матушки-Екатерины" и её верных друзей (у ног бронзовой Екатерины были расположены скульптуры её сподвижников, сыгравших выдающуюся роль в деле присоединения Крыма к России: Г.А. Потемкина, В.М. Долгорукова, А.В. Суворова и Я.И. Булгакова. – С.Ф.). Второй раз покойница – второй раз свергаемая с пьедестала – она теперь уже навсегда перестанет ласкать взор "верноподданных" и золотопогонников»*.

Как видим, автор заметки ошибался. Через 95 лет, в 2016 году, памятник был вновь восстановлен. Надпись на восстановленном памятнике гласит: *«Памятник возрожден в честь воссоединения Крыма с Россией в 2014 году. Навсегда»*.

* * *

Filimonov S. B. Twice razed and twice rebuilt: little-known history of the monument to Empress Catherine II in Simferopol / Filimonov S. B. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P.8–10.

This article contains little-known information about a monument to Empress Catherine II in Simferopol. The monument was erected in 1890, then twice demolished by the Bolsheviks – in 1919 and 1921 and then twice restored – in 1919 and 2016.

Key words: Catherine II, Crimea, Simferopol, the monument, the Bolsheviks, Taurida Scientific Archives Commission, A.I. Markevich.

II

НОВАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).08:070(477.75)

DOI 10.5281/zenodo.345085

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ТАВРИЧЕСКОЙ ЕПАРХИИ ЗА 1916 ГОД

Агатова М.А.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В Таврической епархии с 1906 по 1917 г. издавался журнал «Таврический церковно-общественный вестник». В номерах журнала за 1916 год выявлены публикации о важных, но малоизвестных страницах истории города Севастополя. Среди событий столетней давности – открытие Морского кадетского корпуса и освящение ряда новых церквей города. В епархиальном журнале уделено внимание известным личностям, в то время жившим или гостившим в Севастополе – императору Николаю II с семьей, архиепископу Димитрию Абашидзе, священнику Роману Медведю, командующему Черноморским флотом адмиралу Александру Колчаку и др.

Ключевые слова: «Таврический церковно-общественный вестник», Севастополь, Таврическая епархия, Морской кадетский корпус, Роман Медведь.

Начало Нового 1916 года ознаменовалось важным событием для православных верующих Севастополя. В праздник Рождества Христова в Покровском соборе впервые со времени основания Севастополя служилась Архиерейская торжественная служба. Богослужение это во главе с севастопольским епископом Сильвестром (в миру Александр Алексеевич Братановский, 1871–1932 гг.), викарием Таврической епархии, произвело особенно сильное впечатление на граждан Севастополя [14, с. 25–26].

Следующим событием стало освящение 27 марта 1916 г. вновь выстроенного храма во имя св. Иоанна Воина в гарнизоне Севастопольской крепостной артиллерии [15, с. 299]. Этот храм размещался на территории, которая сейчас находится за памятником «Матрос и Солдат». В книге Георгия Огородникова «Свет лица твоего» есть цитата из дореволюционного источника: «...Свернули на Наваринскую улицу, к новой церкви крепостной артиллерии – святого мученика Иоанна Воина. Чудная картина открывалась от ее алтаря. Внизу, вдоль крутого восточного склона горы рассыпались аккуратные дома Артиллерийской слободки, чуть справа, под обрывом, блеснул купол церкви Трех Святителей...». Увы, церковь не сохранилась [8]. Храм св. Иоанна Воина отличался тем, что строили его только военные, ктиторм храма был штабс-капитан Н.М. Шашин, старостой И.М. Лепигов, настоятелем священник М. Ласский, а пел собственный хор крепостной артиллерии под руководством С.П. Кузнецова. Проведение праздничного события в гарнизоне крепостной артиллерии было освещено в разделе «Таврического церковно-общественного вестника» (далее по тексту – «ТЦОВ») «Хроника. Архиерейские служения» [5, с. 278–279].

В июле 1916 г. на площади перед Херсонесским собором была освящена молебная деятельность Севастопольского военно-спортивного комитета. Молебен проводили два

архиерея – архиепископ Димитрий и епископ Сильвестр. Владыка Димитрий произнес речь, обращенную к молодым людям, изучающим воинское дело до призыва на военную службу [1, с. 528].

И, пожалуй, самым знаменательным событием столетней давности в истории Севастополя, стало открытие 5/19 октября 1916 года Морского кадетского корпуса. Открытие благословил и освятил строящееся здание севастопольский епископ Сильвестр в присутствии множества офицеров. На открытии также присутствовал и выступал с речью о целях и направлениях обучения кадетов назначенный в июне 1916 г. Командующим Черноморским флотом вице-адмирал А.В. Колчак [2, с. 529–530; 9, с. 676–678].

Морской корпус в Петербурге готовил флотских офицеров с 1701 г. Кадетов, в основном, набирали из потомственных дворян. Положение об открытии Севастопольского Морского корпуса было утверждено в октябре 1915 г. В его состав вошли общие классы, выделенные из Петроградского морского училища. Корпус, по всем замыслам, должен был дать хорошее образование и воспитание, соответствующее военному предназначению. Севастопольский Морской корпус, освященный в честь святителя Алексия Московского, получил шефство наследника цесаревича Алексия Николаевича, а также стал именоваться «Ротой Его Высочества». К сожалению, корпус не успел произвести ни одного выпуска, т.к. был упразднен в июне 1917 г. Адмиралтейским советом. Вновь он открылся в начале 1919 г. и просуществовал на территории России лишь год. В ноябре 1920 г. Севастопольский Морской кадетский корпус был эвакуирован на кораблях Черноморского флота в Бизерту (Тунис). В то время им командовал капитан 1-го ранга С.Н. Ворожейкин [6].

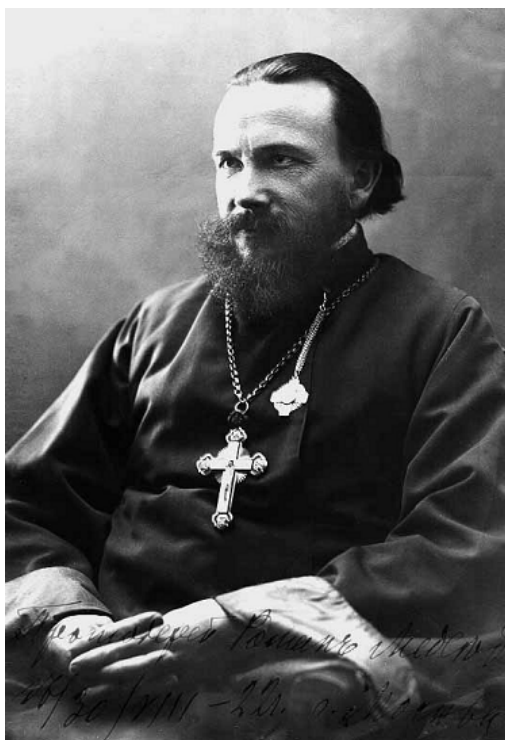

Рис. 1. Здание Морского кадетского корпуса в Севастополе (фото втор. пол. XX в.)

Что, касается здания, в котором размещался корпус, то оно было построено в районе бухты Голландия (рис. 1). Проект разработал архитектор А.А. Венсан. Здание возводилось с перерывами 43 года – с 1917 по 1960 гг.! Однако все выполнено было в полном соответствии с первоначальным проектом Венсана. Лишь башню со шпилем в целях экономии не построили. Длина его развернутого фасада достигала более полукилометра. С 1952 года в корпусах располагалось Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище, с 1996 года – Севастопольский институт ядерной энергии и промышленности, ныне входящий в состав Севастопольского государственного университета.

Как уже отмечалось, в Севастополе в 1916 г. находились (или побывали) известные высокопоставленные духовные и светские деятели, чей вклад в историю Севастополя является историческим достоянием современного города. Знаменательно, что многие из этих людей причислены ныне к лику святых. Одной из находок в «ТЦОВ» за 1916 г. можно назвать малоизвестную публикацию подвижника русской православной церкви о. Романа Медведя, напечатанную в № 3, под названием «Слово в день Нового года (сказанное 1.01.1916 в храме св. Владимира в г. Севастополе)». Это единственная его статья, опубликованная в периодических изданиях Таврической епархии. Много в его статье обращений к горожанам, рассуждений о великом призвании Севастополя – защите южных границ Отечества [7, с. 40–48]. С 1907 года о. Роман был назначен настоятелем Свято-Владимирского адмиралтейского собора в Севастополе и благочинным береговых команд Черноморского флота. Помимо того, в его подчинении оказались храмы Покрова Божией Матери, Архистратига Михаила и святителя Николая на Братском кладбище на Северной стороне, и около пятидесяти священников.

В этом качестве он пребывал вплоть до 1918 года (рис. 2). В годы лихолетий о. Роман претерпел гонения за веру, вплоть до кончины в 1937 году трудился на тяжелых работах в ссылке в Карелии в г. Кемь. Архиерейским Юбилейным собором 2000 г. протоиерей Роман Медведь был причислен к лику святых. В Севастополе освящен храм в честь этого святого [4, с. 355–415].

**Рис. 2. Протоиерей Роман (Медведь),
Фото 1922 г.**

В «Таврическом церковно-общественном вестнике» в №№ 17–18 и 19 также были опубликованы две небольшие заметки о посещении 15 мая 1916 г. последним российским императором и его семьей Балаклавского Георгиевского монастыря и представления епископа Сильвестра императору Николаю II и наследнику престола цесаревичу Алексею. Знаменательно, что это было последнее посещение Императорской семьей так любимого ими Балаклавского монастыря. Они посетили Георгиевский храм, древний пещерный храм и место закладки соборного Вознесенского храма, которому, увы, не суждено было быть построенным. Наблюдая с террас остров Святого Явления, семья еще не знала, что это будет последний их визит сюда, и впереди их ожидает мученическая кончина. В дни пребывания Императорской семьи в Севастополе преосвященный епископ Сильвестр был представлен Императору Николаю II и наследнику престола цесаревичу Алексею. Владыка благословил императора и юного цесаревича иконой св. кн. Владимира и вручил просфору [10, с. 420–421; 11, с. 447–449].

Много потрудился в защиту Севастополя во время Первой мировой войны архиепископ Димитрий, в схиме Антоний (Абашидзе). В «ТЦОВ» за 1916 г. имеются публикации о службе архиерея на корабле в качестве простого судового священника. Такое смирение и разделение участи военных моряков было под силу только великому человеку, что и определило в дальнейшем его подвижнический путь. Две статьи судовых священников об архиепископе были опубликованы в Вестнике. Первая статья священника Иоанна Хорошунова, опубликованная в № 14–15, называлась «Высокопреосвященный Димитрий на походе в Черном море» [13, с. 347–352]. Вторая, предположительно священника Валентина Бельского, в № 20–21 «Архипастырь на войне» [3, с. 498–501]. В публикациях повествуется о каждом дне неустанного служения Владыки на корабле: он практически каждый день в нелегких условиях (постоянной качке) проводил службы в приспособленной под переносную церковь каюте. Сейчас такое служение тоже практикуется на российских кораблях. Архиепископ Димитрий причислен к лику святых новомучеников.

Периодическая печать Таврической епархии 1869–1918 гг. является важным источником по истории не только отдельных городов Крыма, но и всего полуострова. В качестве приложения предлагаю вниманию читателя малоизвестную статью священноисповедника о. Романа (Медведь). Текст приводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

СЛОВО В ДЕНЬ НОВОГО ГОДА (СКАЗАННОЕ 1 ЯНВАРЯ 1916 ГОДА В ХРАМЕ СВ. ВЛАДИМИРА В Г. СЕВАСТОПОЛЕ)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Ежегодно, встречая Новый год, мы привыкли вглядываться в туманную даль будущего с трепетными ожиданиями для себя и для ближних добра и благополучия.

Времена и лета положил Господь в своей власти, а посему вполне правильно в начале Нового года обращаться с молитвою к Жизнодавцу и всех благ Подателю.

Но насколько наши молитвы могут быть успешными, на чем мы можем основать свое дерзновение в просьбах благ и благословения для наступившего года.

Не то ли случится, что уже предрешиено в премудрых Божиих советах. Могут ли изменить наши молитвы.

А советы Господни построены на началах вечной правды. Что посеял человек, то и пожнет. Каким заслужил предстоящий год, такой и получит. Но нашим ли прошедшим, по вере нашей, определяется даже и вечность наша. Хорошо подвизавшийся получит блаженство вечное, а богоотступники и грешники унаследуют мучения вечные в аду.

Однако наша вера учит и тому, что иногда видоизменяется уже и предрешиенная злая участь. Ниневитяне покалялись, слушая проповедь чужестранца – пророка Божия Ионы, – Бог пощадил город, уже было обреченный на гибель.

Вот почему совершенно правильно, ежегодно в новогодних молениях Церковь Божия предлагает нам и покаяние во всех делах, в мимошедшее лето люто нами содеянных. К покаянию мы приглашаемся и ныне.

Но долготерпение Божие имеет свои пределы. Пощаженная Ниневия все-таки не избежала своей участи. Ее разорение было только отложено. Воистину весьма трудно решительное покаяние для тех, кто во всем жил несправедливо. Старая привычка берет свое, и после временного сожаления человек и народы устремляются на прежний легкий путь, ведущий в геенну.

Да и вообще-то жизнь наша редко создается внезапными переменами. Тихо струятся час за часом, год за годом, незаметно переходя из одного в другой, незаметно сменяясь, как волны морские.

Бывают и внезапные перемены и к добру, и ко злу. Так, в настоящие тяжкие минуты войны, не внесла ли бесконечно много благих последствий внезапно предписанная трезвость, а каким одушевлением прокатился по всей России неожиданный подъем веры, могучими струями проникший решительно во все слои нашего общества, а наиболее, конечно, в ряды нашего доблестного воинства. Индифферентисты стали верующими, полные неверы познали Христа, стыдившиеся чувств любви к Отечеству, познали на себе величие и трогательность патриотизма.

Верим, что за этот духовный подъем умиласердится над нами Божественный Промысел, невзирая на то, что в последние месяцы наша внутренняя жизнь стала омрачаться печальнейшими картинами необычайного вздорожания жизни, последствие злостной спекуляции наших дурных соотечественников. Мы все-таки верим, что общий подъем научит, кого следует, как справиться с этим злом нашей жизни, и Бог нам дарует решительную победу над нашим врагом.

Итак, бывают решительные перемены, совершаются и в наши дни, но гораздо предпочтительнее строить свои надежды не столько на них, сколько на общем добропорядочном направлении нашей жизни.

При этом неизбежность покаяния нисколько не колеблется, но каяться приходится лишь в том, что в нашей жизни не соответствует христианскому идеалу.

Нормальная жизнь христианина проходит в постоянном подвиге, не в резких переменах всего строя жизни, а в последовательных небольших усилиях. И все учителя духовной жизни утверждают, что духовная жизнь строится именно таким образом. Немного усилия, немного перемены, но всегда, ежедневно, чтобы постоянно жизнь шла в некотором напряжении, не в ленивом покое, а в постоянной деятельности. Тогда у христианина является в душе то чувство внутреннего самоодобрения, которое всегда должно сопровождать всякую добрую деятельность. Это не наш собственный домысел. Апостол Павел в послании к Галатам требует, чтобы каждый христианин, твердо стоя на основах веры, имел в себе это внутреннее самоодобрение. Апостол прибавляет лишь одно неперенное условие: лишь бы это одобрение не было за счет другого, т.е. происходило от сознания добропорядочности избранного пути безотносительно, с точки зрения идеала правды, а не от фарисейского: несъм якоже прочии человецы хищницы, неправедницы, прелюбодеи и проч.

Имея в себе это внутреннее одобрение, мы знаем твердо, что из нашей прошедшей жизни подлежит сохранению и в чем необходимы перемена и раскаяние. Только при этом условии в нашем внутреннем хозяйстве обстоит благополучно. Определенное добро постоянно возрастает, а ясно сознанное зло последовательно и неуклонно исчезает из атмосферы нашей жизни.

Нередко приходится слышать, что жизнь наша, в частности русская, слишком связана неустройствами и дурными условиями как в области государственной, так равно и в области церковной. Эти обстоятельства настолько связывают волю и отдельных лиц, и целого общества, что, при их наличии, почти невозможно никакое органическое развитие. Тяжесть этих обстоятельств будто бы обрекает на полное бесплодие всякие усилия и повергает всех в общее равнодушие и уныние.

Отрицать существование подобного рода условий и обстоятельств нет никакой возможности. Но в этих утверждениях заключается только доля правды.

Кроме условий дурных, мы унаследовали от наших предков и массу условий благоприятных, что побуждает всех и каждого в отдельности вспоминать предшествовавшие поколения с чувством глубокой признательности. Это чувство благодарности должно нас понудить: не только принять добро, унаследованное от предков, но и потрудиться над уничтожением унаследованного от предков зла. Это будет и самым лучшим к ним отношением, так как наши предки заинтересованы, как живущие доселе у Бога живых, а не мертвых, чтобы на их совести не оставалось никакого зла, особенно наследственно вредящего целым поколениям.

Во-вторых, существующие тяжелые условия нашей жизни в области и церковной, и государственной, например, несоответствующие идеалам Церкви и христианского государства узаконения, вовсе не обнимают всю жизнь нашу во всех сторонах. При добром желании можно отыскать совершенно свободные новые духовные территории, которые можно занимать свободно по праву первого завладения. Все дело лишь в добром настойчивом желании и вдохновенной инициативе.

А, наконец, в нас есть Бог, через нашу совесть предписывающий нам свои ненарушимые законы. В нас есть Богом дарованная свобода, которую

мы вправе употреблять только на служение Ему – Богу правды. А посему зло, нас окружающее, в каких бы формах оно ни сказывалось, в каких бы сторонах церковной и государственной жизни ни выражалось, должно вынуждать нас к энергичной и неуклонной с ним борьбе и, ни в каком случае, не может стать извинением нашей апатии и уныния.

Общие узаконения не обнимают всех сторон жизни, и отдельные представители церкви и государства при добром согласии на местах имеют полную возможность достигать весьма важных улучшений и в этой области, и в той. Закон предоставляет значительный простор для своего применения на местах. И добрые усилия здесь гораздо предпочтительнее постоянного бесплодного уныния.

Таким образом, будем ли мы иметь в виду жизнь личную, семейную, общественную, государственную, всюду применим тот же указанный нами закон добропорядочной христианской жизни. Всюду желательно и необходимо иметь и каждому лицу в отдельности, и всему обществу внутреннее чувство одобрения, которое дает спокойствие совести и право смело глядеть в будущее.

Но обратимся к Севастополю. Насколько мы, севастопольцы, можем претендовать на это право внутреннего самоодобрения?

Вот уже шестое новолетие мы встречаем в Севастополе, и за пережитое время у нас не могло не накопиться некоторого количества наблюдений. Мы, конечно, будем иметь в виду наблюдения характера религиозного, так как только благочестие имеет обетование живота нынешнего и грядущего.

Когда мы в Севастополь вступали, мы отовсюду слышали, что это – город нерелигиозный, что религиозная инициатива здесь обречена на полное бесплодие, вследствие общего индифферентизма. Но, наблюдая за посещением храмов молящимися, мы неуклонно замечали, что из года в год они все более наполнялись молящимися и, таким образом, утверждение о неблагочестии Севастополя мало по малу отходит в прошедшее.

Если кто-либо, ссылаясь на народную мудрость, станет утверждать, что состояние паствы не может не зависеть от того, каковы в паствах священники, мы этого оспаривать не намерены. Наоборот, мы скажем, что за истекшие годы мы были свидетелями и пастырской ревности.

Севастополь, по преимуществу, город морской.

Среди общероссийских сожалений о тяжком состоянии, вернее о последовательном падении веры и нравственности по всему простору нашего обширного отечества, особенно в последние годы, немало грустных замечаний подано по адресу нашего флота.

Но вот, что нам говорят точные наблюдения всей массы нашего морского духовенства. Из года в год религиозно-нравственный уровень нашего флота неизменно в последние годы повышается. Ранее сильно свирепствовавшие пороки не только в значительной мере ослабевают, но кое-где и совершенно исчезают, общая религиозная атмосфера становится все более и более благоприятной. В настоящее время многое сделано для того, чтобы приходящая из народа молодежь в морской обстановке не растеривала принесенных из домов добрых качеств, а в некоторых моментах часть ее приобретает здесь, кроме практических знаний и разного рода умений, и дальнейшее духовное развитие.

По точному суждению совести, не на чужой счет, а безотносительно, морской Севастополь получает право на внутреннее самоодобрение.

Но где источник этих общих успехов?

Он заключается в том благопожелании и добром содействии, которые неизменно оказывают развитию религиозного дела во флоте наши морские

начальники. Во время нашего служения в Севастополе несколько раз сменялись и флотские и береговые начальники, но мы счастливы засвидетельствовать, и почитаем долгом сделать это в настоящем торжественном церковном собрании, что мы никогда не видели со стороны наших морских начальников не только какого-либо отрицательного отношения к вопросам утверждения в чинах флота основ веры, а, напротив, всегда и неуклонно замечали только одно благожелательное, мощное содействие в этом отношении.

Вот уже второй год у нас на юге идет война. Флот наш постоянно соприкасается с врагом, но доселе Господь видимо хранит наш флот. Ведь за прошедшие время потери нашего флота были совершенно ничтожны, и в составе кораблей, и в составе личном. Севастополь почти не чувствовал на себе тяжести войны. А, между тем, сколько урона нанесено за это время нашему врагу? Сколько раз наши корабли находились в весьма затруднительных обстоятельствах, но всегда и неизменно они выходили из опасных положений почти без всякого вреда?

Правда, весьма многое в этих успехах нужно отнести на доблесть и знания моряков. Но всякому моряку прекрасно известно, что за всем личным старанием, за всякого рода предвидением, в море постоянно приходится встречаться с массой непредвиденных случайностей, в которых, по религиозному выражению моряков, приходится положиться только на св. Николая Чудотворца, или, с перевода на общий язык, на Божественный Промысел. Не знаменательно ли, в самом деле, что в Японскую войну почти всегда случайности складывались не в нашу пользу, а в настоящую войну почти без исключений они складываются против нашего врага. В трудные моменты мы наносили врагу не малый урон, а нам он не причинил почти никакого вреда.

Чем же объяснить эту благосклонность к нашему флоту Божественного Промысла в настоящую войну?

Люди неверующие пусть находят, какие угодно объяснения, но для нас, людей веры, ясно, что это благословение Божие за те усилия в благочестии, которые наш флот неуклонно совершал в последние годы.

Итак, Севастополю есть на чем основаться в своих трудах для Бога в наступившем году. У него есть право на внутреннее одобрение. Опираясь на него, тем с большею готовностью принесем раскаяние и в зле, нами содеянном в минувшем лете. Сохраняя старые добрые приобретения и раскаиваясь в том злом, что мы невольно сделали в прошедший год, или от чего, по немощи своей, не успели избавиться, с дерзновением устремимся к молитвенным новогодним призываниям. Господь, Милостивый в прошедшем, да будет Милостив к нам и в будущем. Аминь.

Прот. Р. Медведь

Источники и литература.

1. Архиерейские служения в Севастополе // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 22. С. 528.
2. Вице-адмирал А.В. Колчак // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 22. С. 529–530.
3. В. Б-ский [В. Бельский]. Архипастырь на войне // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 20–21. С. 498–501.
4. Доненко Н. Наследники Царства. Симферополь: Н. Оріанда, 2000. Т. 1. С. 355–415.
5. К.В. Освящение нового храма в Севастополе // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 10–11. С. 278–279.
6. Материалы с сайта www.ruscadet.ru
7. Медведь Р. Слово в день Нового года. (Сказано 1 января 1916 года в храме св. Владимира в г. Севастополе) // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 3. С. 40–48.
8. Огородников Г. Свет лица твоего. Севастополь: Юготехніка, 2008. 38 с.
9. Открытие морского кадетского корпуса в Севастополе // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 29–30. С. 676–678.

10. Посещения Их Императорских Величествами Балаклавского Георгиевского монастыря // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 17–18. С. 420–421.
11. Представление Его Императорскому Величеству, Государю Императору и Его Императорскому Высочеству, Наследнику Цесаревичу Преосвященнейшего Сильвестра, епископа Севастопольского // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 19. С. 447–449.
12. Проводы останков графа И.И. Воронцова – Дашкова в Севастополе // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 4. С. 116–117.
13. Хорошунув И. Высокопреосвященный Димитрий на походе в Черное море // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 14–15. С. 347–352.
14. Хроника. Архиерейские служения // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 1–2. С. 25–26.
15. Хроника. Архиерейские служения // Таврический церковно-общественный вестник. 1916. № 12. С. 299.

References.

1. Arkhiyereyskiye sluzheniya v Sevastopole // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 22. S. 528.
2. Vitse-admiral A.V. Kolchak // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 22. S. 529–530.
3. V. B-skiy [V. Belskiy]. Arkhipastyr na voyne // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 20–21. S. 498–501.
4. Donenko N. Nasledniki Tsarstva. Simferopol: N. Orianda, 2000. T. 1. S. 355–415.
5. K.V. Osvyashcheniye novogo khrama v Sevastopole // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 10–11. S. 278–279.
6. Materials from web-site www.ruscadet.ru
7. Medved R. Slovo v den Novogo goda. (Skazano 1 yanvarya 1916 goda v khrame sv. Vladimira v g. Sevastopole) // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 3. S. 40–48.
8. Ogorodnikov G. Svet litsa tvoyego. Sevastopol: Yugotekhnika, 2008. 38 s.
9. Otkrytiye morskogo kadetskogo korpusa v Sevastopole // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 29–30. S. 676–678.
10. Poseshcheniya Ikh Imperatorskikh Velichestvami Balaklavskogo Georgiyevskogo monastyrya // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 17–18. S. 420–421.
11. Predstavleniye Ego Imperatorskomu Velichestvu. Gosudaryu Imperatoru i Ego Imperatorskomu Vysochestvu. Nasledniku Tsesarevichu Preosvyashchenneyshego Silvestra episkopa Sevastopolskogo // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 19. S. 447–449.
12. Provody ostankov grafa I.I. Vorontsova – Dashkova v Sevastopole // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 4. S. 116–117.
13. Khoroshunov I. Vysokopreosvyashchennyy Dimitriy na pokhode v Chernoye more // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 14–15. S. 347–352.
14. Khronika. Arkhiyereyskiye sluzheniya // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 1–2. S. 25–26.
15. Khronika. Arkhiyereyskiye sluzheniya // Tavrisheskiy tserkovno-obshchestvennyy vestnik. 1916. № 12. S. 299.

* * *

Agatova M. A. *Materials on the history of the city of Sevastopol in Taurida diocese periodicals in 1916* / Agatova M. A. // *The Black Sea region. History, politics, culture.* – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P.11–18.

In 1906 – 1917 Taurida diocese published the “Taurida Church and Community Bulletin”. In issues from the year 1916, we have found publications on significant but little-known events in the history of the city of Sevastopol. These century old events are: opening of the Naval Cadet Corps and consecration of several new churches. The Bulletin also features famous personalities who lived or stayed in Sevastopol at that time– the Emperor Nikolas II and his family, archbishop Dimitrii Abashidze, priest Roman Medved, the Black Sea fleet commander admiral Alexander Kolchak and others.

Key words: “Taurida Church and Community Bulletin”, Sevastopol, Taurida diocese, the Naval Cadet Corps, Roman Medved.

УДК 94(47).081

DOI 10.5281/zenodo.345086

ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ КАК ФОРМА СТИРАНИЯ СОСЛОВНЫХ РАМОК В БЫТЕ СЕМИНАРИСТОВ¹

Попова О.Д.

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

В статье проанализирована проблема стирания сословных границ в российском обществе середины XIX века. На основе мемуаров выпускников духовных училищ и семинарий автор рассматривает, как протекал данный процесс в среде духовенства. Через призму досуговых практик в статье показано, что дети представителей духовного сословия сочетали в себе традиции разных социальных слоев. С одной стороны, от крестьян они заимствовали игры, с другой стороны, с ростом уровня образования, тянулись к интеллектуальным занятиям, принятым в дворянской среде.

Ключевые слова: досуговые практики, сословия, духовенство.

Эпоха «Великих реформ» второй половины XIX века, характерной чертой которой было стремление преодолеть сословное деление общества, сменилась эпохой контрреформ. В наибольшей степени влияние новой политики правительства ощутили учебные заведения духовного ведомства. В соответствии с Уставом духовных семинарий 1884 года семинаристам был закрыт доступ в университеты. И одновременно рубеж веков был отмечен всплеском студенческих движений, в которые были вовлечены и воспитанники духовных семинарий. Одной из форм осмысления учащимся проблем духовного образования можно назвать написание и публикацию мемуаров о своей семинарской юности. Текстовый анализ документов показывает, что авторы воспоминаний не просто повествовали о своих детских годах, но и через те или иные сюжеты пытались переосмыслить специфику социального статуса духовенства.

Важное место в мемуарах занимало описание бытовых сцен жизни семинаристов. Представляется, что данный сюжет был частью размышлений о том, чем должна быть наполнена жизнь мальчиков из духовного сословия. Особенно контрастно эти сцены повседневного быта смотрелись в условиях активного насаждения на рубеже XIX–XX веков монастырских порядков в духовных семинариях. Для осознания специфики социального статуса детей духовного сословия, необходимо проанализировать, насколько в быте учащихся духовных семинарий пересекались элементы повседневной жизни других сословий. Досуговые практики в данном случае очень показательны, поскольку оказывались в наибольшей степени вне контроля семинарского начальства.

Специфика сословного устройства России состояла в том, что сословная организация российского общества затрагивала все сферы общественной жизни и проявлялась даже в досуговых практиках. Однако в ряде моментов жизнь некоторых сословий тесно соприкасалась, определяя очень размытые отличия некоторых аспектов повседневного существования. В частности, достаточно близким к образу жизни крестьянского сословия оказывалось сельское духовенство. Народная пословица «*каков поп, таков и приход*» имела и буквальное обратное значение: жизнь сельского священника во многом была близка к жизни его паствы. Уровень дохода священника напрямую зависел от уровня жизни крестьян его прихода. Среди бедных крестьян не могло быть богатого священника. Однако крестьяни-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках научно-исследовательского проекта «Мемуары воспитанников духовно-учебных заведений как отражение процесса трансформации ментальности духовенства на рубеже XIX–XX веков», проект номер 16-01-00468/16.

на и священника роднили не только уровень дохода, питание и прочие аспекты материального существования. Священник не мог не пропитываться особенностями мировоззрения крестьян, в культурном развитии многие батюшки не многим отличались от своей паствы. В том числе это ярко отражалось в досуговых практиках семинаристов.

Напомним, что практика направлять сыновей духовенства в духовные учебные заведения (училища, а потом семинарии) была повсеместна. Духовные училища и духовные семинарии представляли собой сословные учебные заведения, то есть учились там преимущественно дети священников. Однако большинство мальчиков, приезжающих в уездный город, выросли в деревне вместе с крестьянскими детьми. Поэтому уровень их развития, традиции и обычаи тесно переплетались с народными. Даже общий уровень культуры развития мальчиков-поповичей порой ничем не отличался от крестьянского. Выпускник одесского училища и одесской семинарии Ю.А. Галабутский отмечает: *«Из деревень, вместе с запасами домашней провизии, привозились и огромные запасы невежественных понятий и грубых суеверий, которыми кишит темная народная масса. Между учениками ходило множество самых нелепых рассказов о домовых, чертях и ведьмах, рассказов, не возбуждавших в массе ни малейшего сомнения в их истинности и выслушивавшихся с суеверным страхом»* [1, с. 11].

Народными были и формы проведения досуга. Как показывают воспоминания семинаристов, руководство семинарий и духовных училищ не особо стремилось использовать досуговое время для развития воспитанников. Роль воспитателей, а точнее надзирателей, сводилась к контролю за посещением богослужений, занятий, недопущению нарушений дисциплины. Попытки правильно организовать досуг практически не отмечены в мемуарах семинаристов. Только как исключение тот же Ю.А. Галабутский указывает, что некоторые время молодые преподаватели пытались проводить с ними беседы на различные темы. В целом же нормой было, что воспитанники развлекали себя сами, перенося в стены учебного заведения привычные для себя игры и забавы, которым научились у крестьянских ребят.

Прежде всего, это касалось физических упражнений и игр. Вполне естественная потребность мальчиков в движении реализуется в подвижных играх. В одесском духовном училище ученики проводили досуг в играх, которые были широко распространены среди крестьянских мальчиков: на перемене «давили масло» или играли в «тесную бабу», а после занятий кидали свайку [1, с. 2]. Все эти игры были широко распространены в крестьянской среде. Первые две заключались в том, что мальчики толкались на перемене (в первом случае стоя, во втором случае – сидя на лавке). Эти игры имели еще одну цель – согреться, так как топили в учебных заведениях зимой очень плохо. Игра в свайку заключалась в метании в цель металлического штыря или большого гвоздя [2, с. 228]. Игра как никогда отражала специфику крестьянской жизни – большой гвоздь или штырь имелся в каждом крестьянском доме.

На семинаристах отражалась одна из специфик народной жизни – потребность в демонстрации физической силы и ловкости, неудовлетворенная в организованной форме, то есть в спортивных состязаниях, что порождало традицию кулачных боев. Кулачные бои или просто драки были распространенным явлением у низших сословий в городах и сельской местности. Это находило отражение и в жизни семинаристов. Драки были нормой в их жизни. *«Дрались ежедневно и, можно сказать, ежечасно; дрались и в одиночку, один на один, и толпами, класс на класс, и прочее. Дерущихся сейчас же окружала жадная до таких зрелищ толпа и поощряла своими замечаниями. Силачей просто боготворили, слабым же приходилось до крайности плохо»* – отмечает Ю.А. Галабутский [1, с. 5]. Надзиратели и инспектор не обращали внимания на такие патологические явления. Периодически семинаристы принимали участие в городских драках между жителями Одессы. Регулярные бои с горожанами составляли черту повседневной жизни воспитанников и Волынского духовного училища [5, с. 12].

Более интеллектуальные занятия – организация литературных вечеров и постановок – тоже несли в себе след народной культуры. В том же Одесском духовном училище ученики по своей инициативе ставили театрализованные представления. Ввиду того, что на-

чальство этим процессом практически не руководило, не помогая выбирать репертуар, ставились пьесы, принятые в народных бродячих труппах. Одной из самых популярных была пьеса «Царь Максимилиан»¹. Автор мемуаров сам отвечает на вопрос, как она попала в духовное училище: *«Вероятно, ученики слышали ее в селах, в исполнении доморощенных деревенских артистов, а может быть, и сами принимали в этом исполнении участие»* [1, с. 8]. И это вполне логично: какую пьесу могли поставить мальчики, которые выросли в деревне и в детстве видели именно ее, если никто не руководил их выбором?

В то же время, как отмечал С.В. Римский, в эпоху Александровских реформ духовенство все более начинало тяготеть к образу благородных сословий. В среде духовенства стало принято носить модную одежду, пить чай, правильно говорить [3, с. 104]. А вот с такими занятиями, характерными для высоких слоев, как чтение, и посещение театра, картина в духовно-учебных заведениях была очень мозаичной и во многом зависела от конкретного учебного заведения. В середине XIX века для многих духовных учебных заведений была характерна бедность ученических библиотек: *«... библиотека в училище была какая-то в высшей степени жалкая и скудная, да и книги из нее выдавали чрезвычайно редко, так что были ученики, которые оканчивали курс, не видав в глаза никакой другой книжки, кроме учебной»*, – писал выпускник Одесского духовного училища [1, с. 11]. Ему вторит выпускник Волынского духовного училища: *«Библиотека была поразительна бедна, просыпавшаяся любознательность не находила себе пищи...»* [5, с. 11]. В Киевской духовной семинарии с учениками обсуждали произведения Гоголя, Пушкина, Гончарова, Тургенева, но в библиотеке книги этих авторов были в одном экземпляре [4, с. 7].

В этом плане семинаристы и ученики духовных училищ оказывались в разных ситуациях. В некоторых учебных заведениях существовал жесткий контроль за тем, что воспитанники читают. В некоторых его не было совсем, и ученики использовали разные источники получения книг – публичную библиотеку, частные библиотеки, знакомых. И порой в стенах того или иного учебного заведения складывалась особая атмосфера: ученики стремились читать, приобщали друг друга не просто к лучшим произведениям, а к наиболее передовым для своего времени. В особом почете была философская литература и политическая публицистика. Читали Спенсера, Бокля, Лассалья, Герцена и даже Дарвина. В художественной литературе мальчиков тоже привлекали писатели, поднимавшие актуальные проблемы современности – Щедрин, Некрасов, Левитов, Наумов, Михайлов-Шеллер [1, с. 33]. Именно такая атмосфера сложилась в одесской и воронежской семинарии. А вот протоирей П. Руткевич, который учился в Киевской духовной семинарии, отмечал, что они «были профанами» даже в таких произведениях, которые входили в программу духовной семинарии – «Тарас Бульба», «Ревизор», «Горе от ума». Поэтому от первого сочинения по словесности на тему: «Степь, по сочинению Гоголя “Тарас Бульба”» преподаватель пришел в ужас [4, с. 7].

Также весьма мозаична картина с посещением театра. Как свидетельствуют мемуары воронежских семинаристов, которые описывают свою учебу в Воронежской семинарии, посещение театра у них было распространено, начальство за этим строго не следило, хотя для многих это было дорогим удовольствием. В частности, Цезаревский пишет о том, что *«галерка всегда бывала набита зрителями до избытка, и семинаристы были в ней постоянными гостями частью за деньги, частью по поддельным билетам»* [6, с. 259], смотрели пьесы Островского, «Горе от ума», «Гамлет» и др. По воспоминаниям П. Руткевича киевские семинаристы также увлекались посещением театра. Однако в Киевской семинарии начальство не только запрещало своим воспитанникам получать эстетическое наслаждение, но строго карало ослушников карцером. Поэтому киевские семинаристы посещали театр контрабандно. Интересно, что сам автор воспоминаний П. Руткевич весьма странно относится к своим светским устремлениям юности: *«Многие из нас на себе испытали истинность слов св. Иоанна Златоуста, указывающего на вред посещения театра»* [4, с. 5].

В то же время анализ мемуаров показывает, что характерным для духовного сословия занятием, таким как посещение богослужений, мальчики занимались очень неохотно. Более

¹ Народная драма, которая имела много вариантов.

того, большинство из них воспринимали эту обязанность как тяжелую повинность. Например, протоирей П. Руткевич, описывая шалости семинаристов (или как он пишет: «наши проделки»), главное внимание сосредоточил именно на разных способах уклонения детей от службы. По словам автора, фактически это превращалось в игру в прятки с инспектором классов. Подростки укрывались в темных уголках семинарского здания, на заднем дворе, а один из мальчиков, убегая от педагога, спрятался в бочке с водой [4, с. 10]. Одновременно этот же автор указывает, что в семинарии процветала игра в карты.

Таким образом, анализ мемуаров семинаристов показывает, что процесс слияния сословий проявлялся многопланово. На него влияли как образ жизни духовенства (фактическое проживание в крестьянской среде), так и меняющиеся ментальные установки, рост уровня образованности. В результате ученики духовных училищ и семинарий оказывались на своеобразном перекрестке, на котором встречались досуговые практики сословий, стоявших ниже по социальному статусу, и в то же время досуговые практики привилегированных сословий. Однако, если по отношению к учебному процессу намечались осознанные действия властей в плане сближения сословий, то в повседневной жизни данный процесс шел стихийно и не являлся результатом продуманной политики в системе воспитания и образования.

Источники и литература.

1. Галабутский Ю.Г. Из воспоминаний о духовной школе 70-х годов // Киевская старина. 1902. Т. 79. № 11. С. 187–222.
2. Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские: (В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М.: Типо-литография В.Ф. Рихтер, 1895. 189 с.
3. Римский С.В. Российская церковь в эпоху Великих реформ. М.: Общество любителей церковной истории, 1999. 567 с.
4. Рудкевич П. Семинарские годы (Воспоминания о Киевской духовной семинарии за 1873–1879 гг.). К.: Тип. АО Н.Т. Корчак-Новицкого, 1912. 21 с.
5. Смоленский Н. Очерки современной бурсы. Картины, типы и типики. М.: Демократ, 1906. 67 с.
6. Цезаревский П.В. Шестидесятые годы в духовной семинарии // Звонарь. 1906. № 5. С. 253–262.

References.

1. Galabutskiy Yu.G. Iz vospominaniy o dukhovnoy shkole 70-kh godov // Kiyevskaya starina. 1902. T. 79. № 11. S. 187–222.
2. Pokrovskiy E.A. Detskiye igry. preimushchestvenno russkiye: (V svyazi s istoriyey, etnografiyey, pedagogiyey i gigiyenoy). M.: Tipo-litografiya V.F. Rikhter, 1895. 189 s.
3. Rimskiy S.V. Rossiyskaya tserkov v epokhu Velikikh reform. M.: Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii, 1999. 567 s.
4. Rudkevich P. Seminarakiye gody (Vospominaniya o Kiyevskoy dukhovnoy seminarii za 1873–1879 gg.). K.: Tip. AO N.T. Korchak-Novitskogo, 1912. 21 s.
5. Smolenskiy N. Ocherki sovremennoy bursy. Kartiny, tipy i tipiki. M.: Demokrat, 1906. 67 s.
6. Tsezarevskiy P.V. Shestidesyatyye gody v dukhovnoy seminarii // Zvonar. 1906. № 5. S. 253–262.

* * *

Popova A. D. *Leisure practices as a form of deleting social class constraints in the way of life of seminarians / Popova O. D. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 19–22.*

The article analyses the issue of deleting class boundaries in the Russian society in the middle of the 19th century. The author uses the memoirs of graduates of religious schools and seminaries to examine this process in the clergy. Describing recreational practices, the author concludes that children of the clergy combined traditions of different social strata. They played peasant games, and at the same time due to an increased level of education they tended to take up traditional for the nobility intellectual pursuits.

Key words: recreational practices, social classes, the clergy.

УДК 94(47)

DOI 10.5281/zenodo.345087

РУССКО-ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИНАСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ:
XVIII – НАЧАЛО XX ВВ.

ЧЕРКАССКАЯ Н.А.

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

В статье рассматривается греческий проект Екатерины II, а также его итоги для Российской империи. Основное внимание уделяется связям дома Романовых с династией Глюксбургов, утвердившейся на греческом троне в середине XIX в. Немаловажное значение имеют и различные политические и социокультурные трансферы, возникшие в результате династической унии и повлиявшие на мировую политическую ситуацию XVIII – начала XX вв.

Ключевые слова: династические браки, империя, Российская империя, Греция, Дания, Романовы, политика.

Знаменитый греческий проект Екатерины II 1760–1770-х гг., изложенный в письме к австрийскому императору Иосифу II, предполагал освобождение Греции от власти Османской Империи, ее возрождение и избрание для нее православного царя [1]. Екатерина вовсе не собиралась присоединять Грецию к России, она предполагала существование ее как отдельной державы под властью своего внука Константина, который был так наречен именно потому, что императрица хотела сделать его византийским императором. Она обосновывала свой проект тем, что Россия восприняла православную веру от Византии и теперь должна помочь ей возродиться. При этом Константин и его потомки непременно должны были отказаться от прав на Российский престол и соединиться с Россией узами дружбы. Европу же Екатерина считала наследницей Западной Римской империи [1, с. 33–36].

В то же время Вольтер, с которым императрица вела активную переписку, считал возможным утверждение на греческом троне самой Екатерины. Во время русско-турецкой войны Екатерине посвящались многочисленные оды, в которых ее сравнивали с греческими богинями, а русские, действующие на «священной земле», превращались в греков [1, с. 54]. Сама же Екатерина на маскарадах появлялась в образе гречанки. Но греческий вопрос во время ее правления так и не был решен, и Греция осталась под властью Османской империи [1, с. 67]. Однако, когда она была освобождена, Россия, Франция и Великобритания подписали на Лондонской конференции 1832 г. договор, по которому никто из их династий не мог занять греческий трон. Таким образом, проект Екатерины II, казалось бы, уже не имел перспектив. Однако эта история все же имела продолжение. Связано это было, в том числе, с одним из направлений династической политики России XIX в. – Данией.

Цесаревич Александр Александрович (будущий Александр III), женившийся на датской принцессе Дагмар, через нее стал свояком принца Уэльского, а вскоре и Греческого короля Георга I. Ранее Георг был датским принцем Вильгельмом, но затем его избрали королем Греции. Две свадьбы датских принцесс и избрание Вильгельма-Георга королем создали многонациональное семейство, которое разговаривало на семи языках и на семейные праздники съезжалось в датский дворец Фреденсбург к королю Христиану IX.

Георг был родным братом императрицы Марии Федоровны, и факт его избрания именно греческим королем высоко оценили в России, так как в те годы назревал очевидный конфликт с Турцией. Когда же он женился на русской великой княжне Ольге Константиновне, внешнеполитические возможности существенно расширились для обеих стран. Немаловажен был и тот факт, что именно Россия со времен Екатерины II много раз выступала защитницей Греции от Османской империи, и теперь праправнучка великой императрицы становилась греческой королевой.

«Долгие годы афиняне вспоминали изумительный въезд девочки-королевы в Афины. Она была одета в бело-голубую тунику, т.е. в цвета греческого флага, с которым греки

сражались за свою независимость, и толпа на улицах приветствовала ее восторженными криками» [2, с. 8]. Очевидно, что визуальная репрезентация образа новой греческой королевы была важна при ее первом въезде в столицу Греции, учитывая тот факт, что первое впечатление зачастую становится решающим.

Ольга Константиновна, ставшая королевой Греции, играла большую роль в политике страны. Они с Георгом были родоначальниками новой династии, а это означало, что все последующие греческие короли будут потомками русских императоров, что, хотя и не повторяло проект Екатерины II в полной мере, но было приближено к нему.

Ольга Константиновна оставалась русской патриоткой, поэтому, ее политические взгляды всегда были на стороне России. Она постоянно посещала русскую военную миссию, что вызывало недовольство или даже народные волнения среди греков.

Самым показательным является случай, когда королева решила перевести Евангелие на новогреческий язык. Это было воспринято в Афинах как панславистская интрига [3], так как греческая королева была русской. Судя по всему, любой намек на ущемление национальной гордости греки воспринимали как новые попытки забрать у Эллады ее суверенитет, и несмотря на дружбу с Россией, транслировали это отношение и на нее. Чтобы остановить народное восстание, королю пришлось отправить в отставку весь свой кабинет и митрополита Прокопия, известного русофила [3].

По свидетельству современников, для Ольги в приоритете была все же Россия. Во второй половине XIX в. греки все еще были охвачены «мегаломанией», т.е. идеей Великой Греции, мечтами о возвращении Константинополя. Но, в то же время, при дворе сталкивались панславистские и панэллинские тенденции. Когда однажды один из придворных спросил королеву: *«Когда же, наконец, греческий флаг (греки украшали флагами свои церкви – Н.Ч.) будет развиваться над бывшим Византийским собором?»*, королева ответила одним словом: «Пота» («Никогда») [3].

За время правления Георга и Ольги связи между российской и греческой династиями закрепились еще тремя свадьбами: две их дочери вышли замуж за великих князей. Один из сыновей был женат на русской великой княжне. И хотя греческие королевны и великие княжны не играли роли в политике, сам по себе факт серьезного укрепления родственных связей значил для обеих стран очень много. Очевидно и то, что для Ольги Константиновны, в силу ее патриотизма, русское направление было в приоритете.

Ольга Константиновна напрямую не вмешивалась в политику до конца XIX в., когда на Крите вспыхнуло восстание против засилия мусульман. Тогда она стала активной участницей политической жизни Греции, написав несколько писем своему племяннику Николаю II, и брату – великому князю Константину, в которых стремилась подтолкнуть императора взять инициативу в свои руки и убедить Европу в необходимости совместных действий. Вскоре началась греко-турецкая война, а Грецию захлестнула волна антирусских настроений, которая была вызвана несбывшимися ожиданиями греков о более активных политических действиях православной России [2, с. 109].

Во многом благодаря Ольге Россия и другие державы все-таки вмешались и сумели остановить конфликт. Она использовала для этого родственные связи, а также дружбу Николая II и своего сына Георга, который спас будущего императора в Японии от удара саблей, напомнив ему об этом спасении. В той ситуации Греция обратилась к державам с просьбой прекратить кровопролитие, а Ольга в письме указывала, что не знает, *«было ли это обращение официальное, или секретное»*, намекая на использование родственных связей. Показателен тот факт, что королева обращает в письмах внимание на большую важность этих связей. *«Все знают, что без нашего присутствия здесь Россия вряд ли помогла Греции, после ее прошлогоднего поведения! Теперь видят, что наше присутствие здесь и наши родственные связи имеют громадное значение и влияние на судьбу страны»* [2, с. 114].

Таким образом, подтверждается, что в отношении Греции российская политика могла бы быть совершенно особенной, в основном, из-за близкого родства правящих монархов. Император был обеспокоен не только ситуацией в Греции, но и положением своих родственников во время антидинастических волнений, чувствуя влияние Ольги Константиновны в том числе. При этом Россия получила право назначить нового генерал-губернатора Крита. И в

этом вопросе снова решающим стал голос королевы Ольги, которая продвигала кандидатуру своего сына Георга [2, с. 114]. Во время Русско-Турецкой и двух Балканских войн, которые в 1912–1913 гг. следовали одна за другой, Ольга Константиновна писала письма родственникам в Россию [2, с. 48], где рассказывала о положении Греции. Часто она излагала свои мысли, касающиеся хода событий, нередко намекала на то, что Греции нужна та или иная военная или политическая помощь, или же говорила об этом прямо.

В 1912 г. Россия помогла Сербии, Греции, Болгарии и Черногории заключить союз, который был направлен против Османской Империи. Таким образом, в политике большую роль сыграли родственные отношения не только России и Греции, но и России с балканскими государствами.

Основные направления династической политики и ее динамика менялись в зависимости от политики внешней, что довольно четко прослеживается на разных этапах. Греческое направление стало едва ли не самым значимым, т.к. явилось своего рода продолжением греческой идеи. На троне оказалась русская великая княжна, которой, при содействии супруга, удалось осуществить некоторые задуманные ее прапрабабкой проекты. В социокультурном плане реализованными оказались, в первую очередь, Олимпийские игры, а новая королева въехала в Афины в образе гречанки, как когда-то, возможно мечтала сделать Екатерина, склонная к художественным аллегориям. Символизм пребывания на греческом троне русской великой княжны был и в том, что все последующие короли Греции были потомками русских императоров, что является своего рода отголоском идеи братских государств «звезды Севера и звезды Востока» [1, с. 36]. Кроме того, главной для королевы Ольги была не мегаломания, а идея панславизма, о чем свидетельствуют ее мечты о русском Константинополе. В полной мере в силу многочисленных политических факторов греческий проект так и не был осуществлен, однако, до 1970-х гг. Грецией правили потомки Екатерины II.

Источники и литература.

1. Зорин А. Кормя двуглавого орла. Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
2. Соколовская О.В. Греческая королева Ольга Константиновна. Под молотом судьбы. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 212 с.
3. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922. [Электронный ресурс] // Литература и жизнь. Режим доступа: http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html

References.

1. Zorin A. Kormya dvuglavogo orla. Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2001. 416 s.
2. Sokolovskaya O.V. Grecheskaya koroleva Olga Konstantinovna. Pod molotom sudby. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2011. 212 s.
3. Solovyev Yu.Ya. Vospominaniya diplomata 1893–1922. [Electronic resource] // Literatura i zhizn. Url.: http://dugward.ru/library/solovyev_diplomat/solovyev_vosp_diplomata.html

* * *

Cherkasskaya N. A. Russian-Greek project in the context of dynastic relations: from XVIII to the 1st part of XX century / Cherkasskaya N. A. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 23–25.

This article considering history of Catherine II's Greek project and its results for Russian Empire. Attention focuses on dynastic ties of Romanovs and Glucksburgs whose dynasty was established on the Greek throne in the middle of XIX century. Various political and socio-cultural transfers which appeared as result of dynastic union and have influenced to the world political situation XIX – early XX centuries have a great importance.

Key words: dynastic marriages, the Empire, the Russian Empire, Greece, Denmark, the Romanovs, politics.

III

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).084.6

DOI 10.5281/zenodo.345088

СТАЛИНСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Данильченко С.А.

Филиал МГУ в г. Севастополе

В статье отмечается, что преодолев нигилизм 1920-х годов по отношению к дореволюционному периоду истории России, частичной реабилитацией дореволюционной русской истории, И.В. Сталину удалось обеспечить концепции советского патриотизма историческую легитимность и духовную преемственность со старой Россией, особенно в вопросах укрепления российской государственности и защиты национальной независимости страны.

Ключевые слова: дореволюционный период истории России, исторический нигилизм, реабилитация истории, историческая легитимность и преемственность, концепция традиционного патриотизма.

Весь ход мировой истории свидетельствует о том, что каждое великое государство разрабатывало государственную идеологию с целью объяснить миру свое предназначение, великую миссию: Великобритания заявила о себе как о «владычице морей», США выдвинули жесткую «доктрину Монро», Германия, провозгласив себя «превыше всего», требовала расширения «жизненного пространства». СССР, по мере возрастания его геополитического веса в мире, нуждался в сильной и цельной идеологии. Такой идеологией стал советский патриотизм, во главу угла которого была поставлена сталинская идея построения социализма в одной стране.

Отправной точкой в изучении советского патриотизма является **проблема частичной реабилитации И.В. Сталиным дореволюционной русской истории**, определившая среди исследователей два подхода.

Одни историки считают, что Сталин обратился к пересмотру дореволюционной истории России в целях «возвращения к имперскому мышлению», ради «откровенного возрождения имперских принципов» во внешней и внутренней национальной политике, результатом чего явился «почти полный отказ от объективной оценки имперской политики» царской России [1, с. 76–79]. Одной из главных особенностей поворота И.В. Сталина к имперской национал-большевистской идеологии они считают внедрение в общественное сознание тезиса о двойном капиталистическом окружении – внешнем и внутреннем, что позволило успешно укрепить режим личной сталинской диктатуры [27, с. 18–19].

Другие исследователи последовательно отстаивают тезис о том, что «трансплантация русского патриотизма в социалистическую идеологию» была следствием освобождения советского руководства «от ультрареволюционной эйфории первых послеоктябрь-

ских лет» и связана «с провалом расчетов на революционный выход из мирового кризиса в 1929–1933 годах и победу социализма в новой группе стран», и в итоге она способствовала «постепенному возвращению людям отечественной истории» [3, с. 108–109].

В том же духе в годы горбачевской перестройки высказывался историк Ю.Н. Емельянов, критиковавший американского советолога Стивена Коэна за то, что тот сильно преувеличивал «обеление царистского прошлого» в идеологии большевизма 1930-х годов. Полемизируя со С. Коэном, Емельянов указывал на то, что «упрощенной картине прошлого, созданной в 1930-е и 1940-е годы, предшествовало полное зачеркивание прошлого в 1920-х годах» [5, с. 76].

Кто же из исследователей прав?

Ближе к истине продвинулась вторая группа историков по той причине, что в их пользу свидетельствуют имеющиеся в распоряжении исследователей документы. Некоторые из этих документов уже известны и требуют только обновленного концептуального осмысления, другие обнаружены в архивах недавно и пока еще остаются мало востребованными исследователями.

Основная проблема заключается в выяснении причин преодоления И.В. Сталиным в 1930-е годы нигилизма по отношению к истории и культуре дореволюционной России, который прочно утвердился в партии большевиков и некоторых кругах интеллигенции в 1920-е годы. Анализ источников приводит к выводу о том, что таких причин было две.

Первая причина – крушение иллюзий руководства ВКП(б) и самого И.В. Сталина относительно скорой перспективы победы пролетарской революции в каких-либо других странах.

Такого рода суждения были отголоском старых споров Л.Д. Троцкого с И.В. Сталиным о зависимости строительства социализма в России от успехов мирового революционного движения. Именно в этих спорах Сталин постепенно изживал иллюзии на предмет скорой победы социалистической революции в других странах, все более ориентируясь на решение тех или иных проблем международной политики ВКП(б) в интересах строительства социализма в России.

Эта тенденция политической эволюции И.В. Сталина уходит корнями в период подготовки партии большевиков к событиям октября 1917 года. Еще в августе 1917 года на VI съезде РСДРП (б), когда Е.А. Преображенский отстаивал традиционный в то время тезис о том, что строительство социализма в России будет возможно только «при наличии пролетарской революции на Западе», Сталин заявил: «Надо откинуть отжившее представление, что только Европа может указать нам путь» [24, с. 186–187].

В середине 1920-х годов троцкистской химере мировой пролетарской революции И.В. Сталин предпочел государственный прагматизм, основанный не на марксистской идеологии, а на комплексном анализе геополитических факторов.

Вторая причина преодоления традиционного нигилизма по отношению к дореволюционной истории России была следствием постепенного отхода Сталина от доктрины мировой революции.

Речь идет о сталинской теории построения социализма в одной стране, в которой троцкистская оппозиция видела главную опасность для своих планетарных доктрин.

Взвешенный анализ политической борьбы И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого приводит к выводу о том, что усиление элементов традиционного русского патриотизма в идеологии ВКП(б) 1930-х годов было закономерным результатом преодоления европоцентризма Троцкого, который во многом и способствовал насаждению нигилизма к истории и культуре дореволюционной России в 1920-е годы.

И.В. Сталин прекрасно разобрался в тех мотивах, которые толкнули Л.Д. Троцкого и его сторонников на бескомпромиссную борьбу против его концепции. Поэтому он усиленно взялся за создание нового образа России и русской революции, стремясь постепенно изжить тот нигилизм по отношению к историческому прошлому страны, с которым большевистская партия прожила все 1920-е годы.

С начала 1930-х годов Сталин постепенно начинает подготавливать общественное мнение к восприятию идеи о том, что русская революция произошла не на пустом месте, а в стране, чья история знала эпохи великих государственных преобразований, в которых и

вырос народ, сумевший совершить еще одно, на этот раз самое крупное и самое прогрессивное историческое преобразование – Октябрьскую революцию.

Разгром в конце 1930-х «исторической школы» Михаила Николаевича Покровского, восстановление преподавания русской истории в вузах и общеобразовательных школах, некоторыми отечественными и зарубежными историками расцениваются как возрождение русского национализма в идеологии ВКП(б) во взглядах самого И.В. Сталина.

Современных исследователей интересует вопрос о том, почему и как конкретно проявились в идеологии ВКП(б) 1930-х годов элементы традиционного русского патриотизма?

Введение в систему советского вузовского и школьного образования и гражданского воспитания основополагающих основ русской истории и культуры было вызвано необходимостью пробудить в народе патриотические чувства в связи с растущей угрозой войны против СССР со стороны гитлеровской Германии и союзных с ней Японии и Италии.

Новый поворот на идеологическом фронте требовал радикальных изменений в сфере исторического образования. Представители школы М.Н. Покровского не смогли воспринять новых идеологических веяний.

Писатель Константин Михайлович Симонов был прав, когда писал в воспоминаниях о том, что *«Покровский отвергался, а на его место ставился учебник Шестакова не потому, что вдруг возникли сомнения в тех или иных классовых категориях истории России, а потому, что потребовалось подчеркнуть силу и значение национального чувства в истории и тем самым в современности, в этом и был корень вопроса. Сила национально-исторических традиций, в особенности военных, была подчеркнута в интересах современной задачи. Задача эта, главная в то время, требовала мобилизовать все, в том числе и традиционные, национальные, патриотические чувства, для борьбы с германским нацизмом, с его претензиями на восточное пространство и с его теориями о расовой неполноценности славянства»* [22, с. 183–184].

Насколько И.В. Сталину удалось справиться с решением такой задачи можно судить по некоторым документам из архивов немецкого МИДа. В Меморандуме МИД Германии от 27 июля 1939 года говорилось о том, что *«слияние большевизма с национальной историей России, выражающееся в прославлении великих русских людей и подвигов..., изменило интернациональный характер большевизма, как нам это кажется, особенно с тех пор, как Сталин отложил на неопределенный срок мировую революцию»* [8, с. 30].

Грандиозность празднеств по случаю памятных дат русской истории и ее выдающихся персоналий, прославление мощи великих русских полководцев в кинематографе и литературе, возобновление преподавания дореволюционной русской истории в школах и вузах, естественно, ассоциировались у иностранцев с возрождением русского национализма.

И сегодня многие зарубежные исследователи пишут о том, что в 1930-е годы И.В. Сталин воскресил русский национализм. Эту идею широко развил французский исследователь Николя Верт, книга которого «История Советского государства. 1900–1991 годы» многие годы использовалась в постсоветской России в качестве учебного пособия по отечественной истории. Н. Верт утверждал, что в 1930-е годы *«возрождение русского национализма явилось фактором, ведущим к консолидации значительной части русского общественного мнения»* [4, с. 236].

Отечественные историки не склонны к таким обобщениям, они не считают Сталина латентным русским националистом, а мнение Н. Берта оценивают как досадное недоразумение. В своих суждениях Берт исходил из фактологически ошибочного тезиса о том, что Российская Империя признавалась официальной советской историографией «тюрьмой народов» только «до начала 1930-х годов» [4, с. 236].

Тезис о России как «тюрьме народов» просуществовал весь советский период, хотя и подвергался серьезным корректировкам.

В 1934 году Сталин, Киров и Жданов в своих известных замечаниях на конспект школьного учебника по истории, подготовленный группой под руководством Н.Н. Ванага, указали на то, что:

- *«В конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками (царизм – тюрьма народов)»;*

- «В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времени Екатерины II и до 50-х годов 19-го столетия и дальше «царизм как международный жандарм»» [11, 27 января].

Тезис «царизм как международный жандарм» был внедрен И.В. Сталиным взамен формулы «царизм как оплот реакции в Европе и Азии» [16, л. 3].

Такие указания не были ни случайностью, ни маскировкой. В сталинской концепции советского патриотизма они работали на усиление новых патриотических чувств к новой России, а не на воскрешение традиционного русского национализма.

В основу нового патриотизма было положено представление о том, что Советская Россия является закономерной наследницей лучших традиций русской истории: ликвидировав «отсталый» и «реакционный» социально-экономический строй царской России и политику национального неравенства, большевики не уничтожили, а спасли и укрепили российскую государственность, выведя страну в конце 1930-х годов в число самых сильных держав мира.

Такова, вкратце, была концепция школьного учебника по истории СССР А.В. Шестакова.

Маститый русский историк Павел Николаевич Милюков, анализируя состояние исторической науки в СССР 1930-х годов, писал, что «для недоучившегося семинариста Сталина теоретические споры и высшие достижения русской историографии были недоступны», но «политическое значение преподавания русской истории он понимал прекрасно. И задача вернуть жизнь старым схемам совпала с его собственной тенденцией – одеть теоретическую и спорную «генеральную линию» в живой национальный костюм. Сам он был не прочь занять в этой бутафории роль «единственного божественного творца и чудотворца», чье имя жило бы в веках ... ну хоть по образу Петра Великого, с которым Покровский не знал, что делать. Для этого нужно было вернуть школьную историю ко временам более отдаленным, чем времена непосредственных предшественников и современников Покровского» [7, с. 122].

«Живой национальный костюм», в который И.В. Сталин «одел» свою теорию социализма в одной стране, походил на какой-то лоскутный наряд, что нисколько не повредило общему делу формирования сталинской концепции советского патриотизма.

В этом можно убедиться, ознакомившись с некоторыми документами, в которых отражен процесс выхода в свет учебника по истории СССР А.В. Шестакова.

Речь идет о тех замечаниях, которые были сделаны в июне 1937 года к макету учебника членами жюри конкурса на создание школьного учебника по истории СССР: А.А. Ждановым – секретарем ЦК ВКП(б), А.С. Бубновым – наркомом просвещения РСФСР, В.П. Затонским – наркомом просвещения Украины.

Жданов, как главное доверенное лицо Сталина в вопросах идеологии, вносил наиболее жесткие правки в макет учебника Шестакова, твердо отстаивая принципы интернационализма и классовый подход к истории. Не особенно считаясь с историческими фактами, он тяготел к упрощенчеству, что порою приобретало просто анекдотический характер. Так, в том месте, где Шестаков писал, что славяне были предками русского народа, А.А. Жданов счел необходимым добавить: «... славяне ... образовали три больших народа – русских, украинцев и белорусов» [15, л. 4].

Далее, к главе 5 «Расширение русского государства» он сделал такую вставку: «При Иване IV положение крестьян очень ухудшилось. К концу его царствования было воспрещено крестьянам уходить от своих владельцев даже в Юрьев день. Тогда и сложилась поговорка: “Вот тебе бабушка и Юрьев день!”» [15, л. 20].

В главе 6 «Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII веке» Жданов вычеркнул абзац, в котором излагались факты разгрома восстания Болотникова и написал, что восставшие потерпели поражение из-за того, что «крестьяне не имели тогда такого союзника и руководителя, как рабочий класс. Да и сами крестьяне были несознательны. Они воевали не против царизма и помещичьего строя, а против плохого царя и плохих помещиков за «хорошего царя» и «хороших помещиков» [15, л. 22].

В рассказ о восстании стрельцов при Петре I А.А. Жданов включил тезис о том, что *«это было реакционное восстание»*, поскольку стрельцы *«требовали возвращения к старому»* [15, л. 31].

В § 32, посвященном «захватнической политике» Екатерины II, он не счел нужным сделать добавление о том, что в то время Грузия добровольно присоединилась к России, и перечеркнул портрет А.В. Суворова, считая ненужным его присутствие в учебнике, поскольку в тексте особо акцентировалось внимание на активном участии полководца в подавлении польского восстания под руководством Т. Костюшко [15, л. 37].

Подобные правки делал в макете учебника Шестакова и А.С. Бубнов, руководствуясь, как и Жданов, принципами интернационализма и классового подхода.

Так, в рассказ о Петре I он предложил вставить новый абзац, в котором подчеркивалось, что *«деятельность Петра Великого была попыткой вывести страну из отсталости. Для снабжения армии нужными предметами оборудования и вооружения он строил заводы и фабрики. Он привлек на службу к себе иностранцев..., он заводил новые войска на иностранный лад..., он проводил ряд реформ в области государственного устройства. Но он был царем крупных землевладельцев–крепостников и купцов, а эти классы не могли уничтожить отсталость нашей страны. Эта задача была не по плечу ни помещикам, ни капиталистам. Ее мог, как следует поставить и надлежащим образом разрешить только рабочий класс, вставший во главе масс и установивший свою крепкую и сильную власть. И мог он сделать это только на основе победоносного строительства социализма в нашей стране»* [14, л. 15–16].

В приведенных документах отчетливо видна «перекличка» эпох, начатая Алексеем Толстым, и обеспечившая сталинской концепции советского патриотизма историческую легитимность и духовную преемственность.

Одной из наиболее сильных сторон советского патриотизма явилась апелляция большевиков к истории не только русского, но и многих других народов России. Она компенсировала национальным окраинам те моральные издержки, которые они накопили в дореволюционном прошлом. Одной из самых главных мер такой компенсации было настойчивое желание руководства ВКП(б) добиться того, чтобы в школьных учебниках уделялось как можно больше внимания истории всех народов СССР. Эту идею активно отстаивал В.П. Затонский.

В замечаниях к учебнику Шестакова он писал: *«Истории СССР пока не получилась. В основном это история государства российского. Хотя несколько страниц в начале для декорации отведено Закавказью, Средней Азии, Казахстану, Сибири, но это относится ко временам царства высоких, горбоносых и голубоглазых усуней с рыжими волосами ... 2000 лет тому назад. История Украины, по сути, обойдена, а то, что есть, подано неправильно, а о Белоруссии совсем ничего нет. Лишь в связи с Литвой упоминается о белорусах, да и в разделе о польском восстании 1863 года появляется термин Белоруссия»* [14, л. 5].

Особенно возмущало Затонского то, как «упрощенчески» и «во вкусе украинских националистов» Шестаков подал историю Украины «во главе с демократическим гетманом» и колонизацию Средней Азии как всего лишь принуждение колонизаторами местного населения «вместо хлебных злаков сеять хлопок»: *«От такого упрощения ничего кроме отвращения к хлопку не останется»* [14, л. 3–4].

Любопытно, что опыт включения в отечественную историю фрагментов истории народов Востока вызвал у упоминавшегося нами Г.П. Федотова подозрения в том, что *«Сталин, несомненно, смотрит на историю России из Азии, точнее с Кавказа. О личном корне советского евразийства напоминает подчеркнутое упоминание Грузии – задолго до включения ее в империю. Станным образом с Грузии (а не с Греции или скифов) и начинается история СССР: “Самые древние государства в нашей стране возникли на юге Закавказья. Это было около 3000 лет назад. Первое государство Закавказья называлось Урарту, в районе Арарата ... Это было государство родоначальников нынешней Грузии”»* [26, с. 157].

И.В.Сталин никогда «не смотрел на историю России с Кавказа», однако сталинская увлеченность грузинской историей оказала определенное влияние и на советскую историческую науку, и на идеологию советского патриотизма.

Показательна в этом плане следующая история. В конце августа 1940 года на имя Сталина поступило письмо от секретаря ЦК КП (б) Грузии Кандида Нестеровича Чарквиани с жалобой на то, что в вышедшем в 1940 году вузовском учебнике «История СССР» были допущены *«совершенно недопустимые искажения и игнорирование истории грузинского народа»*. Письмо Чарквиани содержало настолько объемный перечень претензий к авторам вышеназванного учебника, что впору было не переделывать «Историю СССР», а писать историю Грузии.

В письме с возмущением говорилось о том, что грузинской культуре, *«одной из самых древних культур на территории Советского Союза»*, и вопросу *«о происхождении грузинского народа, об его неоспоримом родстве с митанским и хеттским народами, создавшими древнейшие культурные центры мира»*, было уделено *«немногим больше места, чем истории, например, хазаров, гуннов и других кочевников, не внесших ничего в сокровищницу человеческой культуры»*.

Далее в письме указывалось на игнорирование авторами «Истории СССР» последних археологических раскопок, свидетельствующих *«о высоком развитии культуры грузинских племен»* во II и I тысячелетиях до нашей эры, истории Грузии в эпоху Александра Македонского и позднеримских завоевателей. Особенно отмечались ошибки, создающие *«неверное представление о том, будто в V–VI веках у грузинского народа не было собственной письменности, тогда как уже с V века сохранились грузинские надписи, являющиеся древнейшими из надписей на языках народов Советского Союза»*.

Чарквиани и стоявшие за ним грузинские историки были недовольны и тем, что в «Истории СССР» не получили должного освещения царствования Давида-Строителя и царицы Тамары, имело место *«умалчивание»* о грузинском зодчестве, неточности и недостаточность в освещении вопросов взаимоотношений Московской Руси с грузинскими царствами, присоединения Грузии к России, истории и культуры Грузии в XIX веке [12, л. 116–118].

Перечислив все эти претензии, Чарквиани попросил И.В. Сталина от имени ЦК КП (б) Грузии *«обязать руководство Института истории Академии наук СССР переработать и исправить для следующего издания главы книги «История СССР», относящиеся к Грузии, с участием историков – научных работников Грузинского филиала Академии Наук СССР, уделив истории грузинского народа в учебнике подобающее ей место»* [12, л. 119].

Разобраться с этим делом Сталин поручил Жданову, а виновника искажений истории Грузии в учебнике «История СССР» нашли почему-то не в Институте истории и не среди историков, а в лице заведующего отделением общественных наук АН СССР, академика-философа А.М. Деборина. На письме Чарквиани И.В. Сталин наложил следующую резолюцию: *«Т. Жданов. Просьба обратить внимание. Дебориным вообще недовольны люди. И. Сталин»* [12, л. 116].

5 октября 1940 года начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Георгий Федорович Александров подготовил и отправил на имя А.А. Жданова справку о проверке фактов, изложенных в письме Чарквиани, и о предлагаемых мерах.

В ней отмечалась обоснованность замечаний Чарквиани. Институту истории АН СССР было предложено устранить все недостатки, указанные в его письме, с привлечением к работе грузинских историков, а А.М. Деборин должен был уйти с должности заведующего отделением общественных наук АН СССР. Деборину вменялись в вину *«формально-бюрократические методы работы»*, выразившиеся в том, что он не входил *«в существо научной работы таких, например, институтов, как институты философии и истории»* и не заботился *«о связи объединяемых им институтов с институтами филиалов академии и республиканских академий, результатом чего в значительной мере и являются факты, указанные в письме товарища Чарквиани»* [12, л. 120–121].

На этой справке Жданов наложил резолюцию, в которой дал указание Александрову о снятии с работы Абрама Моисеевича Деборина и о необходимости сообщить Чарквиани о принятых Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) мерах, что было исполнено 15 октября 1940 года [12, л. 120, 123]. В октябре 1940 года И.В. Сталин проявил живой интерес к сценариям фильма «Георгий Саакадзе», подвергнув критике оба сценария этого фильма: один – Леонидзе, другой – Антоновской и Черного.

Забраковав сценарий Г.Н. Леонидзе за историческую *«примитивность»* и *«бедность в художественном отношении»*, Сталин отметил в лучшую сторону сценарий А.А. Антоновской и Б. Черного. Тем не менее, он считал, что Антоновская и Черный чрезмерно превозносили деятельность Саакадзе по объединению грузинских царств в единое государство, не замечая того, что в то время Грузия *«еще не успела созреть ... для объединения в одно государство путем утверждения царского абсолютизма и ликвидации власти князей»* [6, с. 91–92].

Столь пристальное внимание к грузинской истории не могло не сказаться на идеологии. В 1940 году в СССР активно пропагандировалась необходимость укрепления русско-грузинской дружбы. В статье, посвященной 100-летию со дня рождения известного грузинского писателя Акакия Церетели, А. Толстой писал о том, *«весь русский народ особенно любит и ценит прекрасную Грузию и сокровища грузинской культуры»*, а песни А. Церетели поют *«во всех республиках Советского Союза, например, трогательную песню о Сулико»* [25, с. 338, 341].

Таким образом, идея братства между народами СССР была неотъемлемой частью сталинской концепции советского патриотизма, априори исключающей идеологию русского национализма.

Формированию идеологии советского патриотизма способствовал и полный отказ Кремля от большинства нигилистических трактовок русской истории, насаждаемых школой М.Н. Покровского. Героизация отдельных периодов и личностей дореволюционной истории, необходимая для усиления советского патриотизма, была чужда Покровскому и его ученикам. История дореволюционной России с позиции Покровского рассматривалась как процесс возникновения и развития торгового капитализма, его дальнейшей борьбы с промышленным капитализмом и возникновения империализма.

В 1935–1937 гг., когда шла активная работа над новыми учебниками по истории СССР, концепция Покровского еще не была развенчана. Это произошло в конце 1930-х – начале 1940-х годов, когда были изданы известные сборники *«Против исторической концепции М.Н. Покровского»* и *«Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского»*. Однако, концепции М.Н. Покровского, достаточно основательно проработанной и весьма удобной для популяризации среди широких слоев населения, противопоставить нечто равноценное было непросто.

И.В. Сталин не спешил предложить историкам новую концепцию дореволюционной истории, он ждал от них встречной инициативы. Поэтому в апреле 1937 года, при обсуждении вопроса об учебниках истории для партийных школ, Сталин предложил временно использовать лучшие старые учебники дореволюционного периода, внося в них необходимые поправки до появления приемлемого советского учебника [2, с. 133].

Помимо апелляции И.В. Сталина к дореволюционной историографии, как к приемлемому для переработки материалу, в 1937 году началось активное возвращение в науку историков, пострадавших в начале 1930-х годов. В авторский коллектив по созданию учебника под редакцией А.В. Шестакова вошел видный ученый дореволюционной школы Юрий Владимирович Готье.

И.В.Сталин лично принимал меры к тому, чтобы оградить еще недавно гонимых историков. В июне 1937 года, когда в советской прессе появились разгромные рецензии на книгу Евгения Викторовича Тарле *«Наполеон»*, ученый попросил у Сталина предоставить ему возможность выступить в печати со статьей против Константинова и Кутузова – наиболее суровых рецензентов *«Наполеона»*.

30 июня 1937 года И.В.Сталин направил Тарле письмо, которое отчетливо показывает характер взаимоотношений вождя с маститым историком:

«Товарищу Тарле.

Мне казалось, что редакционные замечания *«Известий»* и *«Правды»*, дезавуирующие критику т.т. Константинова и Кутузова, уже исчерпали вопрос, затронутый в Вашем письме, насчет Вашего права ответить в печати на критику этих товарищей антикритикой. Я узнал, однако, недавно, что редакционные замечания этих газет Вас не удовлетворяют. Если это

верно, можно было бы, безусловно, удовлетворить Ваше требование насчет антикритики. За Вами остается право остановиться на форме антикритики, наиболее Вас удовлетворяющей (выступление в газете или в виде предисловия к новому изданию «Наполеона»).

И. Сталин

30.06.1937 год» [13, л. 92].

Во второй половине 1930-х годов наметился откат историков к дореволюционным методическим приемам преподавания истории в школе, что, несомненно, имело позитивное значение. П.Н. Милюков с удовлетворением отмечал, что в учебнике Шестакова произошёл возврат *«к педагогическим приемам времен учебников Иловайского»* [7, с. 125].

Те же историки, кто вовремя не отошел от установок и методических приемов Покровского, были обречены на провал.

В 1935 году специальная комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по созданию новых учебников по истории СССР и по всеобщей истории отвергла два учебника истории СССР для начальной школы, подготовленных коллективами историков под руководством З.Б. Лозинского и И.И. Минца. В них история России подавалась сугубо по Покровскому. Вот – некоторые фрагменты из учебника под редакцией Минца:

- о Дмитрии Донском в битве на Куликовом поле – *«Сам князь Дмитрий исчез, но скоро нашелся. Еще в начале боя князь заполз под свежие ветви срубленного дерева и пролежал весь бой. На теле князя не было ни одной раны: только доспехи слегка помялись»;*
- о причинах похода Ивана Грозного на Казанское ханство – *«Русские помещики давно точили зубы на татарские земли»;*
- об освоении Сибири – *«Слезами и кровью местных народов отмечен каждый шаг русских захватчиков»;*
- о значении победы в Отечественной войне 1812 года – *«Русские помещики отстояли свою империю»* [20, л. 59, 76; 21, л. 7, 45].

Подобные узкоидеологические трактовки истории России в 1935 году были уже не актуальны. Учебник под редакцией Минца был весь исчеркан замечаниями заведующего отделом школ ЦК ВКП(б) Б.М. Волина, а в одном месте свой автограф оставил И.В. Сталин.

Авторы учебника назвали раздел об освобождении Москвы от поляков в 1612 году «Контрреволюция», а ополчение Минина и Пожарского «контрреволюционной армией». В ответ на это Волин написал на полях: *«Непонятно: выходит, что поляки были революционной армией?»*, а Сталин добавил: *«Что же, поляки, шведы были революционерами? Ха-ха. Идиотизм»* [20, л. 86–87].

Если в случае с отрицанием тезиса о контрреволюционном характере ополчения Минина и Пожарского возобладал здравый смысл и историческая правда, поскольку отвергалась одиозная установка Покровского о том, что *«в лице Минина и Пожарского одержал победу торговый капитал, для которого купцы были хозяевами, а помещики первыми слугами»* [10, с. 76], то в описании деятельности Петра I был налицо отход от истины, поощряемый негласно И.В. Сталиным, заинтересованным в идеализации этого царя.

Учебник, подготовленный в 1937 году О. Жемчужиной и С. Глязер, вызвал недовольство у Волина из-за того, что в нем содержался слишком подробный рассказ о жестокости Петра I при подавлении стрелецкого бунта. Свое недовольство Волин выразил следующим замечанием: *«Автор одобряет стрелецкий бунт?»* [17, с. 116].

Таким образом, идеализация Петра I вынуждала предать забвению более правдоподобную оценку этого царя, данную Покровским, который считал, что Петр *«был не только самым талантливым и энергичным, но и самым жестоким из Романовых»* [9, с. 8].

Слепое следование концепции М.Н. Покровского негативно сказалось на содержании учебников под редакцией Минца и Лозинского. Увлеченные рассказами о крепостниках, тюрьме народов и о различных народных восстаниях, авторы забыли о некоторых важнейших событиях и персоналиях отечественной истории. В учебнике под редакцией Минца ничего не говорилось о разгроме Хазарского каганата князем Святославом, ни разу не упоминались полководцы А.В. Суворов, П.Н. Румянцев, Ф.Ф. Ушаков, и ни слова не говорилось об обороне Севастополя во время Крымской войны [20, л. 25–26; 21, л. 32–33, 62–63].

Подобные пробелы восполнялись сведениями по всеобщей истории. В учебнике под редакцией Минца нашлось место для целых разделов о древних греках и римлянах, книге германского посла при Василии III Сигизмунда Герберштейна «Московия» и о Наполеоне I, а в учебнике под редакцией Лозинского, помимо обязательных сведений по всеобщей истории (английская и французская революции, создание I Интернационала, Парижская Коммуна), содержались главы о крестовых походах и великих географических открытиях [20, л. 7–14, 69–70; 21, л. 41–43; 18, л. 43–46, 62–64].

Такое размещение материала для учащихся начальной школы было крайне неудачным: получалась эклектическая смесь отечественной и всеобщей истории, практически недоступная для усвоения детьми 10–11 лет. Кроме того, и в учебнике под редакцией Минца, и в пособии Лозинского содержалось очень мало информации о культуре России.

Прочитав вторую часть учебника под редакцией Лозинского, Волин отметил: *«Нигде ничего нет о появлении книгопечатания на Руси, ничего вообще о письменности»* [19, л. 1].

Еще большие изъяны Волин нашел во второй части учебника под редакцией Минца: *«Из оглавления, а также дальнейших подзаголовков и самого, конечно, текста выходит, что вся история есть только история революционных движений и восстаний. Борьба классов имеет в виду также и экономику, идеологию, культуру, чего здесь мало или вообще нет»* [21, л. 3].

Данные замечания были, безусловно, справедливы.

Отойдя от классической марксистской доктрины о необходимости мировой революции, ее непрерывности, «перманентности», И.В. Сталин выдвинул и обосновал идею о необходимости строительства социализма «в одной стране», которая была призвана мобилизовать народ на модернизационный прорыв, должный обеспечить неуязвимость нашей страны от иностранной агрессии.

Заставив Коминтерн «без всяких условий» защищать СССР, Сталин сформировал в общественном сознании образ великой страны, в которой делается все возможное для уничтожения капитализма. Мрачному царству капитала и беспощадной эксплуатации противопоставлялась светлая картина социальной справедливости и гармоничного развития человека. Этот образ Сталину удалось реализовать на практике. СССР 1930-х годов у многих западных политиков и интеллектуалов ассоциировался со страной, успешно решавшей самые сложные социальные проблемы. Достаточно вспомнить статью классика американской литературы Теодора Драйзера «Благодарю Маркса и Красную Россию».

Преодолев нигилизм 1920-х годов по отношению к дореволюционному периоду истории России, И.В. Сталину удалось обеспечить концепции советского патриотизма историческую легитимность и духовную преемственность со старой Россией, особенно в вопросах укрепления российской государственности и защиты национальной независимости страны.

Сталину удалось сбалансировать необходимые пропорции между национальным патриотизмом русских и чувством уважения и почитания ко всем народам России. Проповедуемые им интернационализм и братство между народами гармонично сочетались с пропагандой идей укрепления и защиты многовековой российской государственности.

Новая государственная идеология отвечала геополитическим устремлениям СССР и дала немало положительных результатов, в том числе в исторической науке, воскресшей после длительного политического забвения.

Источники и литература.

1. Анисимов Е. Стереотипы имперского мышления // Историки отвечают на вопросы. М.: Московский рабочий, 1990. Вып. 2. С. 60–82.
2. Артизов А.Н. В угоду взглядам вождя // Кентавр. 1991. октябрь–декабрь.
3. Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. М.: Московский рабочий, 1993. 160 с.
4. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991 гг. М.: Прогресс-Академия, 1992. 480 с.
5. Емельянинов Ю.В. Заметки о Бухарине. Революция, история, личность. М.: Молодая гвардия, 1989. 320 с.
6. Латышев А. Две сталинские премии // Искусство кино. 1990. № 11. С. 91–93.
7. Милуков П.Н. Величие и падение Покровского // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 114–126.
8. Оглашению не подлежит. СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М.: Московский рабочий, 1991. 367 с.

9. Покровский М.Н. Избранные произведения. М.: Мысль, 1967. Т. 3. 672 с.
10. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М.–Л.: Госиздат, 1929. 316 с.
11. «Правда». 1936.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 10.
13. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130.
14. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 847.
15. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 854.
16. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3156.
17. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 63.
18. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 189.
19. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 190.
20. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 217.
21. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 218.
22. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1989. 478 с.
23. Сироткин В.Г. Предисловие // Тарле Е.В. Талейран. М.: Высшая школа, 1992. С. 3–27.
24. Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 3. 428 с.
25. Толстой А.Н. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1986. Т. 10. 511 с.
26. Федотов Г.П. Как Сталин видит историю России? // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 156–157.

References.

1. Anisimov E. Stereotypy imperskogo myshleniya // Istoriki otvechayut na voprosy. M.: Moskovskiy rabochiy, 1990. Vyp. 2. S. 60–82.
2. Artizov A.N. V ugodu vzglyadam vozhdy // Kentavr. 1991. oktyabr–dekabr.
3. Barsenkov A.S., Vdovin A.I., Koretskiy V.A. Russkiy vopros v natsionalnoy politike. XX vek. M.: Moskovskiy rabochiy, 1993. 160 s.
4. Vert N. Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991 gg. M.: Progress-Akademiya, 1992. 480 s.
5. Emelianinov Yu.V. Zametki o Bukharine. Revolyutsiya, istoriya, lichnost. M.: Molodaya gvardiya, 1989. 320 s.
6. Latyshev A. Dve stalinskiye premii // Iskusstvo kino. 1990. № 11. S. 91–93.
7. Milyukov P.N. Velichye i padeniye Pokrovskogo // Voprosy istorii. 1993. № 4. S. 114–126.
8. Oglasheniye ne podlezhit. SSSR – Germaniya. 1939–1941. Dokumenty i materialy. M.: Moskovskiy ra-bochiy, 1991. 367 s.
9. Pokrovskiy M.N. Izbrannyye proizvedeniya v 4-kh tt. M.: Mysl, 1967. Т. 3. 672 s.
10. Pokrovskiy M.N. Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke. M.–L.: Gosizdat, 1929. 316 s.
11. «Prawda». 1936.
12. Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F. 17. Op. 125. D. 10.
13. RGASPI. F. 71. Op. 10. D. 130.
14. RGASPI. F. 77. Op. 1. D. 847.
15. RGASPI. F. 77. Op. 1. D. 854.
16. RGASPI. F. 558. Op. 1. D. 3156.
17. RGASPI. F. 558. Op. 3. D. 63.
18. RGASPI. F. 558. Op. 3. D. 189.
19. RGASPI. F. 558. Op. 3. D. 190.
20. RGASPI. F. 558. Op. 3. D. 217.
21. RGASPI. F. 558. Op. 3. D. 218.
22. Simonov K.M. Glazami cheloveka moyego pokoleniya. M.: Izd-vo Agentstva pechati Novosti, 1989. 478 s.
23. Sirotkin V.G. Predisloviye // Tarle E.V. Taleyrn. M.: Vysshaya shkola, 1992. S. 3–27.
24. Stalin I.V. Sochineniya. M.: Gospolitizdat, 1954. Т. 3. 428 s.
25. Tolstoy A.N. Tolstoy A.N. Sbranie sochineniy. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. Т. 10. 511 s.
26. Fedotov G.P. Kak Stalin vidit istoriyu Rossii? // Voprosy filosofii. 1990. № 8. S. 156–157.

* * *

Danilchenko S. L. *Stalin's rehabilitation of pre-revolutionary Russian history: source analysis / Danilchenko S. L. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 26–35.*

The article states that due to overcoming the nihilism of the 1920s to the pre-revolutionary Russian history and partial rehabilitation of it, Stalin was able to ensure historical legitimacy for the concept of Soviet patriotism and spiritual continuity with the old Russia, especially in issues of strengthening Russian statehood and protection of national independence of the country

Key words: *the pre-revolutionary period of Russian history, historical nihilism, rehabilitation of history, historical legitimacy and continuity, conception of traditional patriotism.*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕЧЕТЕЙ В КРЫМУ В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА

ДЕДКОВА Г.Р.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Исследование посвящено изучению на архивных материалах особенностей функционирования мечетей Крыма в 20-х гг. XX в. Описаны наиболее интересные и малоизвестные юридические аспекты функционирования мечетей в сравнении с другими конфессиями.

Ключевые слова: мечеть, договор, верующие, здание, аренда, расторжение, антирелигиозный.

Культовая архитектура Крымского полуострова на протяжении многих веков отличалась разнообразием культовых зданий, благодаря значительному количеству представленных на полуострове конфессий. Это было связано также с тем, что строительство религиозных сооружений не встречало каких либо серьезных преград. В связи с чем, к началу XX в. на территории Крымского полуострова функционировали культовые сооружения представителей различных конфессиональных групп.

В данной статье рассматриваются особенности крымских мечетей и других мусульманских культовых зданий в 20-е годы прошлого века. После установления в Крыму Советской власти религиозная жизнь на полуострове столкнулась с рядом изменений и ограничений. Коснулись изменения и функционирования мечетей.

Вопрос функционирования мечетей выделен мною в тему отдельного исследования, поскольку закрытие культовых зданий мусульман производилось несколько иначе, чем религиозных сооружений других конфессий. Еще 20 ноября (2 декабря) 1917 г. СНК РСФСР выпустил воззвание к исповедующим ислам: *«Мусульмане России – татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными»* [12, с. 76].

Такое заявление, в первую очередь, связано с тем, что советское руководство было заинтересовано в сохранении мирных взаимоотношений с представителями национальных меньшинств, дабы расположить их и обезопасить себя от народных волнений. В связи с чем был сделан ряд послаблений для функционирования мечетей по всей территории РСФСР, в том числе и в Крыму.

Для ведения регистрации всех культовых сооружений в начале 20-х годов были созданы специальные отделы при НКВД: *«Утверждение и регистрацию религиозных обществ в порядке декрета ВЦИК и СНК от 3/VIII 22 г. и инструктаж НКВД РСФСР от 27/IV 23 г. Изъять из ведения органов милиции и сосредоточить в НКВД и Райисполкомах»* [3, л. 12]. В январе 1923 г. при НКВД и окрисполкомах были созданы ликвидационные комиссии. В их функции входила ликвидация культовых сооружений всех конфессий. По архивным данным по состоянию на 1 июля 1924 г. в Крыму насчитывалось 433 мечети. В период с 1 декабря 1923 по 1 июля 1924 гг., была закрыта всего одна из них. Для сравнения: за этот же период было закрыто 17 православных храмов [7, л. 9]. Но, не смотря на послабление для мусульманских культовых сооружений, на территории РСФСР активно продолжалась антирелигиозная пропаганда, целью которой оставалось устранение религии из традиционного уклада жизни советских граждан.

С этой целью советское руководство на местах вводило ряд ограничений на использование религиозных сооружений. Религиозные организации не были больше собственни-

ками той или иной мечети: они становились арендаторами, поскольку все здания были переданы в собственность государства. С верующими подписывался договор аренды, который включал в себя ряд правил и обязательств по использованию культовых сооружений. До половины переданных в аренду культовых сооружений всех конфессий были представлены мечетями: *«30–50% застрахованных культовых зданий падает на мусульманский храм...»* [7, л. 7].

Несмотря на то, что мечети становились собственностью государства, все расходы, связанные с эксплуатацией и ремонтом сооружений по договору возлагались на самих верующих, арендовавших здание. В городе Саки в 1923 г. верующие взяли в пользование мечеть, но уже в 1927 г. договор с религиозной общиной был расторгнут. Причиной этого послужило то, что якобы верующие: *«не проводили своевременного ремонта, благодаря чему здание пришло в полуразрушенное состояние...»* [5, л. 11]. По мнению местных органов власти, здание очень обветшало. Но в документах не указано в каком состоянии здание передавалось религиозной общине. Кроме этого здания очень часто требовали капитального ремонта, чего не могло себе позволить местное население. Верующие пытались найти выход из сложившейся ситуации, предложив самостоятельно построить здание новой мечети, используя строительные материалы от старой мечети. Но это предложение было отвергнуто местными властями, которые так мотивировали свой отказ: *«сооружение нового культового здания с использованием строительного материала разрушенного здания, принадлежащего государству, допущено в принципе быть не может»* [5, л. 13]. Здание мечети должно было быть ликвидировано, а строительные материалы переданы в Госфонд. Верующим отчетливо давали понять, что больше они не имели никаких прав на культовое сооружение и на имущество в нем. Отныне любые действия религиозной общины должны были получить одобрение со стороны местных органов власти. Само же советское руководство не было заинтересовано в строительстве новых мечетей.

В договоре аренды были установлены правила по передаче в аренду мечетей только религиозной группе численностью не менее 20 человек. Это очень усложняло процесс заключения договора, и прежде всего это было связано с тем, что его подписание требовало присутствия нотариуса и личной подписи всех участников договора аренды. С этим был связан ряд осложнений, поскольку не все сельские жители владели грамотой или готовы были платить за услуги нотариуса. Каждая религиозная организация при участии нотариуса составляла устав своей организации, где были указаны права и обязанности религиозного сообщества. Подобный устав был и у верующих Симферопольской мечети Кебир-Джами, которые 13–26 июля 1923 г. подписали договор аренды для ее использования. В уставе закреплялись обязанности верующих по использованию культового сооружения и богослужебного имущества: *«2) управлять имуществом, полученным по договору от местных органов власти...»* [6, л. 15]. Вся ответственность за пропажу или порчу имущества возлагалась на верующих, и утрата должна была быть компенсирована. Если же ущерб не был своевременно уплачен назначалось административное наказание, а к концу 1920-х гг. наказание ужесточалось до уголовной ответственности.

Но даже если необходимое число верующих подписывало договор аренды это не гарантировало продолжительного функционирования мечети. В селении Кизилташ Ялтинского района в 1931 г. был поставлен вопрос о закрытии мечети в связи с отсутствием прихожан. Поскольку всего один человек из «20-ки» отказывался от участия в договоре договор признавался недействительным, и здание должно было быть закрыто. Оставшиеся участники договора должны были написать *«заявление об отказе пользоваться мечетью...»* [10, л. 13].

В сентябре 1927 г. в Крыму произошло землетрясение, сила толчков которого достигала 8 баллов. Многие здания были разрушены. Пострадала и мечеть в Севастополе. Группа верующих готова была возложить на себя расходы по ремонту здания. Администрация города признала ремонтные работы незаконными, а мечеть: *«необходимо было считать ликвидированной, с передачей строительного материала Госфонду...»* [2, л. 3]. Любое изменение условий договора со стороны религиозной группы должно было быть санкционировано местными органами власти. Если администрация города была не согласна с действиями верующих, договор мог быть расторгнут.

Чтобы расторгнуть договор были необходимы определенные обстоятельства, которые могли повлечь за собой судебные разбирательства. Это был достаточно длительный и затратный процесс. В связи с этим советское руководство решило упростить его. Такое изменение договора было произведено с группой верующих, которая взяла в аренду мечеть в селе Карача-Иляк¹ Симферопольского района 23 апреля 1923 г. Пункт 10 договора, регламентирующий порядок его расторжения был изменен. В первоначальном варианте он записан следующим образом: *«За непринятие всех зависящих от нас мер к выполнению вытекающих из сего договора, или же за прямое его нарушение, мы подвергаемся законной ответственности, причем этот договор может быть расторгнут судебным порядком...»* [4, л. 7]. Последняя часть пункта была зачеркнута и сверху от руки синими чернилами внесена следующая поправка: *«...мы подвергаемся уголовной ответственности, по всей строгости Советского закона, причем договор этот может быть расторгнут постановлением Кр.ЦИКа»* [4, л. 7]. Данный факт свидетельствует о том, что советское руководство старалось сократить количество переданных в аренду культовых сооружений. С этой целью условия договора постепенно ужесточались.

Жесткая политика советской власти была направлена на искоренение религиозной жизни в Крыму. Но по отношению к исламу была избрана несколько иная тактика: *«борьба не прямым отрицанием религии, а ее подтачиванием посредством распространения грамоты, открытием школ, клубов, читален»* [1, с. 205]. Однако просветительская работа была малоэффективна по нескольким причинам. В первую очередь это было вызвано низким уровнем подготовки агитаторов, которые не владели знаниями крымскотатарского языка и не знали обычаев местного населения. В свою очередь местные органы власти говоря о причинах неэффективности антирелигиозной пропаганды сетовали на то, что *«низкий культурный уровень населения служит тормозом развитию антирелигиозной работы»* [1, л. 4].

Халатное отношение к антирелигиозной пропаганде и отсутствие записей о проделанной работе приводили к тому, что часть мечетей оставались не учтенными. В селении Тав-Даир было найдено четыре не зарегистрированных мечети, которые в документах проходили как полностью разрушенные [8, л. 1]. Такая ситуация вызвала ряд проверок со стороны местных органов власти. В Мазанский сельсовет были направлены письма с требованием разъяснений: в чем причина отсутствия информация о наличии на территории сельсовета мечетей? Из отчета, поступившего из Мазанского сельсовета следовало, что все 4 мечети находятся в разрушенном состоянии: *«одна из них может быть приспособлена под избу-читальню...»* [8, л. 13]. Здания остальных трех мечетей могут использоваться лишь в качестве строительного материала. Специальная комиссия 20 февраля 1925 г. постановила: здания трех мечетей продать по низкой цене местному населению в качестве источника стройматериалов, а наиболее сохранившееся здание передать школе для проведения ремонта.

Стоит отметить, что религия занимала очень важное место в жизни сельского населения Крыма. В селах закрытие мечетей проходило менее удачно чем в городах, поскольку местные жители пытались отстоять свое право посещать культовые сооружения. В селении Акташ² Керченского района местные жители утверждали, что мечеть, которая находится в их деревне единственная, и в *«радиусе 10 верст других мечетей нет»* [9, л. 1]. Ранее эта мечеть была закрыта, но верующие были не согласны и настаивали на заключении договора передачи мечети в аренду. В свою очередь они были обязаны произвести все ремонтные работы. Комиссия, направленная для оценки здания 31 мая 1929 г. пришла к выводу, что мечеть находится в удовлетворительном состоянии и необходимо провести небольшие ремонтные работы: *«окрасить в зеленый цвет двери; окрасить в зеленый цвет хоры; опалубить кровлю...»* [9, л. 22]. Но, не смотря на то, что верующие настаивали на открытии мечети и здание было в удовлетворительном состоянии, решение о передаче его в аренду постоянно затягивалось. Причиной отказа послужило то, что ремонт мог быть

¹ (крымско-тат. *Къарача Илякъ*) – ныне несуществующее село на территории современного Первомайского района к северу от Симферополя (прим. ред.).

² (крымско-тат. *Акташ*) – ныне несуществующее село на территории современного Ленинского района близ г. Щелкино (прим. ред.).

слишком дорогостоящим и, по мнению местных органов власти, нецелесообразным. Вследствие чего мечеть так и не была передана в пользование религиозной общине.

Таким образом, эволюция отношения советской власти к сохранению мусульманских культовых построек в 20-е годы XX в. прошла ряд этапов. Отрицательный эффект проводимой агитационной политики на полуострове показал неэффективность проводимой работы, уровень религиозности среди мусульманского населения Крыма не снижался. Смена политического курса негативно отразилась на функционировании мечетей Крыма. Уже в начале 30-х гг. XX в. на территории Крымского полуострова массово начинают закрываться мечети, духовенство лишается права голоса. Религиозная жизнь мусульман на долгие годы уходила в подполье, мечети передавались под различные хозяйственные постройки, ценное имущество изымалось и передавалось в собственность государства. Временное лояльное отношение не спасло религиозную архитектуру мусульман от советской антирелигиозной кампании, оно лишь отсрочило тот исход, с которым столкнулись все остальные конфессиональные группы Крыма еще в начале 20-х гг. XX в.

Источники и литература.

1. Базаров М. Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918–1930 гг. // Этнические и региональные конфликты в Евразии. М.: Весь Мир, 1997. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. 232 с.
2. Государственный архив республики Крым (ГАРК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 693.
3. ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1041.
4. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 383.
5. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 692.
6. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 706.
7. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 786.
8. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 845.
9. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 917.
10. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1563.
11. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1615.
12. Кириченко М.Г. Свобода совести в СССР. М.: Юриздат, 1985. 198 с.

References.

1. Bazarov M. Sovetskaya religioznaya politika v Sredney Azii. 1918–1930 gg. // Etnicheskiye i regionalnyye konflikty v Evrazii. M.: Ves Mir, 1997. Kn. 1. Tsentralnaya Aziya i Kavkaz. 232 s.
2. Gosudarstvennyy arkhiv respubliki Krym (GARK). F. P-1. Op. 1. D. 693.
3. GARK. F. P-1. Op. 1. D. 1041.
4. GARK. F. R-663. Op. 10. D. 383.
5. GARK. F. R-663. Op. 10. D. 692.
6. GARK. F. R-663. Op. 10. D. 706.
7. GARK. F. R-663. Op. 10. D. 786.
8. GARK. F. R-663. Op. 10. D. 845.
9. GARK. F. R-663. Op. 10. D. 917.
10. GARK. F. R-663. Op. 10. D. 1563.
11. GARK. F. R-663. Op. 10. D. 1615.
12. Kirichenko M.G. Svoboda sovesti v SSSR. M.: Yurizdat, 1985. 198 s.

* * *

Dedkova G. R. Mosques functioning in the Crimea in 1920s / Dedkova G. R. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 36–39.

The study aims to explore the archival materials of the mosques functioning in the Crimea in 1920s. The paper gives the most interesting and little-known legal aspects of mosques functioning in comparison with other religious denominations.

Key words: mosque, agreement, the faithful, construction, lease, contract termination, antireligious.

У ИСТОКОВ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА (ФОЛЬКЛОРНЫЕ СБОРНИКИ АЛУПКИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ)

КАШЛЯВИК К.Ю.* , КИРНОЗЕ З.И.** , ЛОБКОВ А.Е.***

*НИУ «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде

**Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки

*** Севастопольский государственный университет

В начале 1930-х годов советская власть предприняла масштабную попытку подчинения фольклора идеологическим задачам. В Крыму к научному сбору народного творчества приступила фольклорная бригада Алупкинського дворца-музея. В 1934–1937 гг. было записано свыше ста крымско-татарских сказок и легенд, множество историй о Ходже Насреддине и Ахмет Ахое, пословиц и поговорок, эпические поэмы «Чора-богатырь» и «Эдиге». Деятельность бригады прервали репрессии 1937–1938 гг. Небольшая часть собранного материала была опубликована в двух фольклорных сборниках на русском языке «Сказки и легенды татар Крыма» (1936) и «Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет Ахое» (1937), а также в сборнике на крымско-татарском языке «Qrım tatar masalları ve legendaları» (1937). Вступительные статьи к книгам написал научный сотрудник музея Сергей Дмитриевич Коцюбинский.

Ключевые слова: крымско-татарский фольклор, советский фольклор, Алупкинський дворец-музей, С.Д. Коцюбинский, Ходжа Насреддин

Интерес к фольклорному творчеству, зародившийся в XIX в., в советский период приобрел «эпический» характер. На 1930-е гг. приходится масштабная общественная перестройка, массовая ликвидация безграмотности и коллективизация. Это – время энтузиазма построения нового общества. Новое время выдвинуло новых героев и требовало их воспеания. В борьбе за социалистическое строительство власть пыталась найти опору в народном творчестве – эпосе и сказках.

Сам термин «фольклор» наделялся новым содержанием, отличным от дореволюционного и западного литературоведения, видевших в основе устного творчества лишь момент архаики. Советские фольклористы со всей решимостью заявляли, что «*фольклор – это отзвук прошлого, но в то же время и голос настоящего. Раздвигая ветшающие рамки традиции и частично используя ее, это настоящее делает сказку со старым сюжетом сказкой новой и актуальной*» [10, с. 20].

Фольклор больше не воспринимается как «народное творчество», отличное языком и жанрами от «высокой», книжной литературы, а рассматривается как продукт классовой борьбы. При этом он оставался социально слабо контролируемым. Задача включить фольклор в общее русло строительства социализма была сформулирована И.В. Сталиным на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г.: «*Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире, и социализм войдет в быт, – в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопросов о национальной культуре*» [10, с. 29–30]. Власть инициировала масштабный эксперимент по созданию «советского фольклора».

Задача эта получила конкретное выражение на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. «Великий пролетарский писатель» и «основоположник литературы социалистического реализма» М. Горький в многочисленных выступлениях перед «инженерами человеческих душ» указал на ценность фольклора для советской литературы, заклю-

чающуюся в богатстве народного языка, тесной связи народного творчества с трудовой деятельностью и в создании наиболее глубоких и ярких образов большой обобщающей силы (Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, Фауст, Василиса Премудрая, Иван дурак, Петрушка).

Идею сознательного и активного управления фольклорным процессом поддерживал и выдающийся ученый-фольклорист Ю.М. Соколов, учебник которого по русскому фольклору 1938 года до сих пор является базовым учебником студентов-филологов в России. Приведем лишь одну цитату академика: *«Поскольку устное поэтическое творчество есть одна из областей словесного искусства, актуальные задачи современного рабочего и колхозного пролетарского фольклора те же, что и актуальные задачи пролетарской литературы. Осуществляя классовое планомерное руководство литературой, было бы непоследовательно оставлять устное творчество на произвол стихии, необходимо, чтобы и в устном творчестве пролетарское сознание подчинило себе стихийный процесс. Такое организованное, планомерное руководство фольклором, как в отношении идеологическом, так и художественном, диктуется самой жизнью. Выпадая из поля внимания советской и партийной общественности, фольклор зачастую становится острым орудием в руках классово-враждебных сил»* [10, с. 31].

Примером может служить листовка, распространявшаяся среди слушателей курсов «Крестьянской газеты» (в мае 1934 года): *«Политика Сталина – политика крови и нищеты трудящихся. Не случайно появился в народе анекдот. Один крестьянин где-то спас Сталина, Сталин спрашивает этого крестьянина, что за это дать. Крестьянин попросил его только не говорить крестьянам, что он его спас. Если бы крестьяне узнали о таком геройском подвиге своего товарища, то они его убили бы. За вымирание целых сел и деревень, станиц и хуторов на Кубани, на Волге и Украине большевики совершенно снимают с себя вину»* [11, с. 572].

Другой пример – «политический» анекдот, сохранившийся в дневнике С.Д. Коцюбинского (август 1933): *«В трамвае. Входят двое. Садятся. Один: “Да-а-а”. Другой: “Эхе-хе-хе-хе-”. Вагоновожатый: “Граждане, разговоры о политике в вагоне воспрещаются!”»*. Излишне говорить, что с начала 1930-х годов за исполнение и распространение «антисоветских» фольклорных текстов полагались суровые наказания.

Между тем сам характер фольклора сопротивлялся четкой социологической установке, игнорирующей саму природу его поэтики. «Голос снизу» предполагал не одного, а разных авторов, которые далеко не всегда придерживались правильной партийной линии.

Масштабная деятельность по сбору фольклора развернулась по всей стране. В Крыму научное изучение татарской народной поэзии поставили в центр своей работы Крымский научно-исследовательский институт национально-культурного строительства и краеведения (Симферополь) и Алупкинский государственный историко-бытовой музей.

Уже в 1934 г. в план научно-исследовательской деятельности Алупкинського дворца-музея была включена работа по изучению фольклора крымских татар и собиранию сведений о сказителях. Инициатива, по воспоминаниям директора музея Я.П. Бирзгала, исходила от М. Горького: *«В тридцатых годах на Южном берегу Крыма, в Тессели, недалеко от Алупки, проживал Алексей Максимович Горький. Он иногда посещал Алупкинский музей, и я бывал у него в Тессели. По совету Алексея Максимовича я при участии научных сотрудников музея организовал по Крыму экспедиции по сбору местного фольклора. Собранный нами фольклорный материал после просмотра и отбора Горьким был издан музеем в двух сборниках. Об этих сборниках в центральной прессе были помещены очень положительные критические отзывы»* [6, с. 113].

Фольклорная бригада объединила специалистов разного профиля и разного уровня – историков, филологов, художников, деятелей народного просвещения и партийных функционеров. Среди известных имен – Н.Л. Эрнст, Я.П. Бирзгал, К.У. Усеинов, С.Д. Коцюбинский, Зинай Келямов, Б.С. Ольховый. К сбору фольклорного материала были привлечены свыше сорока учащихся Алупкинской татарской неполной средней школы. Такой состав обеспечивал высокий научный уровень и широкий охват.

В 1934–1937 гг. фольклорная бригада записала свыше ста крымско-татарских сказок и легенд, множество историй о Ходже Насреддине и Ахмет Ахаве, пословиц и поговорок. В но-

востях журнала «Советская этнография» за 1937 г. сообщалось: *«Научные сотрудники Алупинского дворца-музея проводят работу по сбору фольклора на Южном берегу Крыма. Записаны крупнейшие эпические произведения «Чора-богатырь» и поэма о богатыре Эдиге»* [12, с. 180]. Масштабный замысел по идеологическим причинам остался неосуществленным, большинство записанных текстов было изъято в годы массовых репрессий органами НКВД.

Из большого массива собранного материала были опубликованы только два сборника – «Сказки и легенды татар Крыма» (1936) [9] (см. рис. 1) и «Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет-Ахаве» (1937) [2] (см. рис. 2). Оба сборника, как известно из книжных анонсов, должны были выйти и на крымско-татарском языке. Однако на нем были опубликованы только сказки [14] (см. рис. 3). Книги получили положительные рецензии в центральной печати [1; 4].

Отметим также, что крымские читатели постоянно информировались о работе фольклорной бригады и знакомились с отдельными сказителями и их сказками на страницах местной печати, в частности, в газетах «Красный Крым», «Всесоюзная здравница» и «Курортные известия» (1935–1937 гг.).

Все три книги давно стали библиографической редкостью. Они обладали высокой издательской и художественной культурой. Книги изданы малым форматом с цельнотканевым переплетом и тиснением на корешке и крышках. Над изящным, красочным оформлением первого сборника и суперобложки трудился коллектив художников – А.В. Варфоломеев, П.М. Туманский, К.М. Муратов и Б. Джеппаров под общим руководством академика Н.С. Самокиша (см. рис. 4, 5). Второй сборник иллюстрирован А.В. Варфоломеевым и К.М. Муратовым (см. рис. 6).

У первого сборника существует своя судьба, которая трагически затронула жизни школьного учителя К.У. Усеинова и партийного работника Б.С. Ольхового, а в дальнейшем и судьбы всех участников фольклорной бригады.

На титульном листе вышедшего в 1936 г. сборника значилось: запись текста К.У. Усеинова, ответственный редактор Б.С. Ольховый. Однако в 1937 г. Ольховый и Усеинов были арестованы и затем расстреляны. Фольклорный сборник был изъят из продажи и вышел вторым «первым» изданием за 1936 г., но уже без имен Усеинова и Ольхового [10]. И только в конце 1937 г. этот сборник был опубликован на крымско-татарском языке [14].

Обвинения, среди прочего, вменяли Усеинову в вину использование фольклорной деятельности для вредительской работы среди местного населения. Ср. характеристику директора школы на Усеинова: *«При сборе народных сказок допустил грубо политические ошибки. [...] Он в сборнике “Крымские сказки” врагов колхозного движения показывал как активных членов колхоза»* [7, с. 9]. Или показания Усеинова на допросе: *«Конкретно же я развернул свою контрреволюционную работу в период, когда алупинский музей пригласил меня для собирания сказок среди коренного населения. [...] Именно здесь я главным образом стремился отразить их в сугубо контрреволюционно-шовинистическом виде, что мне удалось, и сказки были отпечатаны»* [7, с. 11]. А далее он признает, что *«контрреволюционный характер этих сказок был очевиден, но они прошли, по моему глубокому убеждению, вследствие того, что члены нашей контрреволюционной организации, сидящие “в центре”, видимо, понимали, что это один из видов работы членов нашей организации, находящейся в Алупке и, в частности, моей. Это еще раз подтверждается и тем, что, несмотря на запрещение и изъятие этих сказок, они все-таки вышли в свет, только с тем изменением, что в книге были вычеркнуты фамилии Ольховый и моя – Усеинов»* [7, с. 11].

Своим признанием Усеинов ставил под удар и других участников фольклорной деятельности, повторно выпустившим сказки и легенды Крыма. В 1938 г. репрессиям подверглись директор музея Я.П. Бирзгал и профессор Н.Л. Эрнст.

Подобная участь могла ожидать и научного сотрудника Алупинского дворца-музея Сергея Дмитриевича Коцюбинского (1909–1943), являющегося автором двух больших вступительных статей к сборникам и большим энтузиастом археологической и фольклорной деятельности (см. рис. 7). Словно предчувствуя нависшую над ним опасность, Коцюбинский осенью 1937 г. поступает в аспирантуру по французской литературе к С.С. Мокульскому и переезжает в Ленинград.

С.Д. Коцюбинский закончил в 1930 г. литературное отделение Кубанского педагогического института. Он много путешествовал по стране, пробуя себя на разнообразных работах. Осенью 1932 г. Коцюбинский получает направление на работу в Алупкинский дворец-музей, где проработает в должности научного сотрудника до осени 1937 г. Обладая ярким литературным даром, он становится бытописателем музейной жизни. По его газетным, журнальным и книжным публикациям можно проследить все направления деятельности дворца-музея в середине 30-х гг. XX в.

Коцюбинский принимал самое деятельное участие в археологических, архивных и фольклорных изысканиях, проводившихся дворцом-музеем в 1934–1937 гг. На него возлагается научная обработка собранного фольклорного материала, наблюдениями над которым он делится во вступительных статьях.

В статье «О сказках крымских татар» Коцюбинский дает небольшой экскурс в историю крымской фольклористики. Он замечает, что сказки в записях В.Х. Кондараки или в стилизациях Н. Маркса искажали как суть, так и художественную манеру народного творчества. Напротив, сбор фольклорного материала бригадой Алупкинського дворца-музея осуществлялся систематически и на научной основе. Перед научным коллективом стояло множество задач – выявить «мастеров слова и памяти», проживающих на Южном берегу Крыма, собрать максимальное количество текстов, дать всеобъемлющую характеристику поэтики крымско-татарской сказки и анализ поэтических приемов. Научные задачи преследовали идеологические цели – активное воздействие на живой фольклорный репертуар, связанное с внедрением в народные массы *«идейно и художественно доброкачественных текстов»* и в вытеснении *«текстов, враждебных делу революции»*.

В научном плане С.Д. Коцюбинский отталкивался от *«сравнительного метода Бенфея-Веселовского»*, дополненного марксистским подходом. Как известно, немецкий ученый-востоковед Теодор Бенфей (1809–1881 гг.) стоит у истоков сравнительного изучения литератур. В предисловии к собственному переводу на немецкий язык сборника рассказов «Панчатантры» (1859) он указывает на сходство мотивов и сюжетов индийских сказок со сказками других народов, обусловленное, по его мнению, культурным взаимодействием («теория заимствований»). Русский академик А.Н. Веселовский признавал определенное влияние теории Бенфея, но не единственное, на свой сравнительно-исторический подход к изучению литературы *«как на комплекс влияний, веяний и скрещиваний, с которыми исследователь обязан считаться, если хочет поискать за ними, где-то в глубинах, народности непочатой и самобытной, и не смутиться, открыв ее не в точке отправления, а в результате исторического процесса»* [5, с. 33].

А.Н. Веселовский отмечал, что в заимствовании важен не сам факт заимствования, а формы национальной обработки. Марксистское литературоведение 1930-х г. опирается на многие наблюдения Веселовского, в частности, на связь синкретического искусства с ритуальной и практической деятельностью, ставя тем самым проблему взаимоотношений литературы и социальной жизни.

Вслед за Ю.М. Соколовым Коцюбинский подходит к фольклору как к литературному творчеству, имеющему с ним общие законы и тесную связь с социальной средой. Отмечаемые в крымских сказках «бродячие» сюжеты не снижают оригинальности произведений, созданных в Крыму: *«сама ткань сказки, ее couleur local и couleur historique (местная и историческая окраска), характеры действующих лиц и отдельные ситуации, в которые вступают персонажи, – в большинстве случаев порождены, или окрашены местными крымскими социально-экономическими условиями и, в первую очередь, борьбой классов в крымских условиях»* [10, с. 13]. Он неоднократно подчеркивает, что изучать странствующие сюжеты и мотивы нужно *«в связи с изучением среды, порождающей то или иное произведение»*.

Впервые на основе собранного фольклорного материала Коцюбинский попытался дать поэтику крымско-татарской сказки, описав особенности ее тематики и архитектоники и наметив тем самым ее предварительную классификацию.

Он выделил два типа сказок. Сказки *романтического* типа имеют фантастический характер и подчиняются установленным традицией клише. В них доминирует авантюрное построение сюжета, гиперболизация, мифические действующие лица, необычная геогра-

фическая почва, сакраментальные числа (3, 7 и 40). Персонажи почти лишены индивидуализирующих черт.

В сказках *реалистического (бытового)* типа влияние поэтического канона сведено практически на нет. Для них характерны нетрадиционные коллизии и индивидуализированные характеры. В них наиболее ярко проявляется социальная специфика крымской среды.

В крымско-татарской сказке Коцюбинский увидел не только мировидение простого народа, но и мотивы, восходящие к системе ценностей правящего класса, купечества и духовенства. Так он указывает на значимость религиозных мотивов для сказочной картины мира, например, на отражение в ряде сюжетов *«идеи предопределения, одной из кардинальных идей Корана»*. Более того, *«мусульманская идеология просачивалась в виде тех или иных элементов даже в сказки с более или менее оппозиционными к Корану сюжетами»* [10, с. 16].

Запись текстов сопровождается сбором сведений о сказителях. В фольклоре, как и в художественной литературе, большую роль играет личное мастерство, поэтому *«изучение фольклорных ценностей совершенно немыслимо без учета биографического и творческого облика их хранителей и передатчиков»* [10, с. 34].

Коцюбинский замечает, что мастерство сказителей и манера их повествования различны и неравноценны. Так манеру *эпически-спокойного* сказывания (образцом которой является дровосек Мустафа Топал) характеризует *«мерный ритм голоса, устойчивое положение тела, почти полное отсутствие телодвижений»*. Ее противоположностью является манера *энергичной инсценировки* (яркий образец – сказания кузнеца Исляма Демирджи). Здесь нет спокойствия и размеренности; подобно актеру на сцене рассказчик *«непрерывно перевоплощается и целой гаммой телодвижений иллюстрирует движение сюжета»*.

Справедливо отмечена связь манеры сказывания и тематики сказок, бытовая и назидательная сказка требует эпически-спокойного повествования, а фантастическая и приключенческая – сказа-инсценировки.

Отметим, что сказки расположены по исполнителям и предваряются краткими биографическими сведениями о них. В конце сборника приведены три легенды («Легенда об Арзы», «Легенда о золотой колыбели» и «Легенда об Аю-Даге») в записи проф. Н.Л. Эрнста, а также подготовленные им примечания к сказкам и легендам, поясняющие отдельные слова и детали сюжета.

Второй фольклорный сборник построен как цикл вокруг имени хорошо известного в мусульманском мире героя – Ходжи Насредина. Для него Коцюбинский подготовил большую вступительную статью «Ходжа Насреддин и его место в крымском фольклоре», составил библиографический список и подробные примечания к отдельным анекдотам, где поясняются отдельные мотивы и детали, а также даются указания на параллели в литературе и фольклоре различных народов. Все это делает книгу максимально приближенной к академическим изданиям. Попутно отметим, что Коцюбинский сознательно ориентировался на высокий научный и полиграфический уровень книг издательств «Академия» и «Художественная литература».

Ходжа Насреддин – один из непреходящих образов мировой литературы, родственный Жиль Блазу, Пантагрюэлю, Ренару, Мюнхаузену... Насреддиновские анекдоты являются неисчерпаемым материалом для сравнительной фольклористики. Коцюбинский указывает на аналогии в русском, европейском и восточном фольклоре, демонстрируя широкую осведомленность в мировой культуре.

Анекдоты о Ходже Насреддине, заимствованные из других культур, приобретают всякий раз новое внешнее выражение и внутреннее содержание в зависимости от «почвы» воспринимающей стороны. Крымский Ходжа Насреддин оказывается уникальным, самостоятельным памятником крымско-татарского народа, во всем психологизме и противоречивости этого образа, *«целиком сотканным из противоречий»*, которые и задают направление движения сюжета: *«То до предела ловкий и прозорливый, то беспредельно неуклюжий и глуповатый, то сверкающий молниеносно-остроумными ответами, то поражающий чудовищной наивностью и простодушием – Насреддин, как канатный плясун постоянно на грани – между мудростью и глупостью, между скепсисом и легковерием, между*

язвительным сарказмом и невинным добродушием. Это – комический герой, в самом абсолютном и первоначальном смысле этого слова, это сплошной парадокс в самом решительном значении термина. Отсюда и анекдоты Насреддиниады – причудливая и невероятная энциклопедия самых неожиданных *qui pro quo*, самых острых ситуаций, самых каламбурных сентенций и афоризмов» [2, с. 42].

Ходжа Насреддин является обобщающим типом героя в крымско-татарском фольклоре, вокруг которого выстроился целый цикл сказаний, объединенных общей темой: *«жизнь маленького бедного индивидуума, брошенного самой судьбою в общество, где человек человеку волк, где тысячи опасностей подстерегают на каждом шагу, где все виды государственной машины – хан, мулла, кадий и губернатор, всемогущий бей и просто богатый сосед в любую минуту могут смять, раздавить и уничтожить, если не призовешь к себе на помощь все возможные формы защиты, если не выработаешь в себе все виды иммунитета и противодействия. И много же нужно изворотливости индивидууму, чтобы выныривать невредимым из смертельных приемов этой ожесточенной повседневной борьбы. При этом выныривать, нанося попутно внушительные удары»* [2, с. 43].

1937 год положил конец деятельности фольклорной бригады Алушкинского дворца-музея, а также работе по созданию 11-ти томной энциклопедии «Полного описания Крыма», подготавливаемой под эгидой ЦИК Крымской АССР. Известно, что С.Д. Коцюбинский входил в число утвержденных авторов по отделу «Народы Крыма и национально-культурное строительство». Все материалы были изъяты сотрудниками НКВД, большинство участников энциклопедического проекта репрессированы.

Статья «Татарско-крымская литература», опубликованная в Литературной энциклопедии в 1939 г., отражает противостояние научного подхода и идеологического заказа: *«Характерными чертами советского фольклора в Крыму являются советский патриотизм, оптимизм, любовь к вождям и родине. Нужно отметить, что до последнего времени буржуазные националисты извращали сущность и смысл фольклорных произведений и всячески мешали собиранию и изданию татарско-крымского фольклора, выявлению и воспитанию кадров народных певцов и сказителей. Разгром буржуазно-националистических и троцкистско-бухаринских элементов создал условия для успешного развития советской культуры и литературы в Крыму»* [13]. «Враги народа» (напомним, что ими были объявлены Усеинов, Ольховый, Эрнст) всячески мешали *«систематической политико-воспитательной и творческой работе»* среди сказителей.

Быстрее всего перестроились авторы песен: *«За последние годы созданы многочисленные песни о Ленине и Сталине, о коммунистической партии, о колхозном строительстве, об орденосносцах, о Сталинской Конституции и о депутатах в Верховный Совет СССР и др.»* [13].

Напротив, сказочный жанр, по сравнению с песней, не столь быстро поддается влиянию новой тематики. Коцюбинский констатирует, что *«крымский фольклор почти еще не отразил новой жизни. Особенно относится это к сказке. Задача крымской общественности – создать все условия для того, чтобы сказочники дали новые тексты на нужные нам темы. Мы должны иметь сказки о революции, о гражданской войне, о колхозном строительстве, о курортах, о роли вождей, о героизме ударников. Наша задача (и это со всей силой подтверждается фольклорной политикой) – сделать все, чтобы сказители создали эти тексты. Ибо сказка живет, она подчиняется всем законам развития общества, и она отражает эти законы. И если она отстает в своем развитии, то дело нас всех это развитие стимулировать. Фольклор является не только отражением, но и орудием борьбы. Фольклор является не только фактом культуры, но и фактом строительства культуры. И хороший фольклор – не последний рычаг в этом строительстве»* [10, с. 39].

В статье «Крымская АССР» в БСЭ (т. 35, 1937) в разделе о «Крымско-татарской литературе», в частности, говорится: *«Как по своей тематике, разнообразию жанров, так и своим языковым особенностям устное творчество крымско-татарской литературы представляет огромную ценность. Крымско-татарская литература чрезвычайно богата своими сказками, легендами, народными песнями, поговорками. Богатырский эпос представлен и старинных сказаниях о подвигах богатырей Чора-Батыра и Эдиге. В этих сказаниях воспеваются героические подвиги богатыря (современника Ивана Грозного), защищающего интересы*

трудового народа. Очень интересны сказки крымских татар, к собиранию которых предприняты только первые шаги (вышел I том – 26 сказок и легенд)» [3, с. 419]. Выходные данные первого тома и имена составителей не указаны. Том 35 был сдан в производство 25 мая и подписан к печати 17 ноября 1937 года. Напомним, что двое участников издания, чьи имена стоят на титульном листе первого издания (1936), были арестованы – Б.С. Ольховый в январе 1937 г., К.У. Усеинов в сентябре 1937 г. Очевидно, второе «первое» издание «Сказок и легенд татар Крыма» вышло в конце 1937 г. В конце 1937 г. вышло и крымско-татарское издание сказок, естественно, без упоминания имен Ольхового и Усеинова.

Попытка создания советского фольклора обернулась его массовой фальсификацией. Это было связано с неправильным изначальным посылом, с которым советские исследователи подошли к устному творчеству, уравнивая фольклор и письменную литературу. Природа фольклора оказала сопротивление идеологическому диктату. Необходимо отметить и выборочный характер при сборе фольклорного материала. Предпочтение явно отдавалось героическому эпосу, сказкам, песням, пословицам. Напротив, многие фольклорные жанры сомнительного идеологического, духовного и нравственного содержания, вообще старались не замечать.

Источники и литература.

1. Андреев Н.П. Новые издания сказок на русском языке // Советский фольклор: сборник статей и материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1941. № 7. С. 205–224.
2. Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет Ахаве / Тексты записаны Фольклорной бригадой Алушкинского дворца-музея; подг. текста к печати С.Д. Коцюбинского; отв. редактор Я.П. Бирзгал. Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1937. 368 с.
3. Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика (Крым) // Большая Советская Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1937. Т. 35. С. 279–320.
4. Гофман Э. «Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет-Ахаве» // Литературное обозрение. 1937. № 22. С. 41–44.
5. Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. М.: Автокнига, 2010. 688 с.
6. Ковалевская Н.А. Дневник научного сотрудника Воронцовского дворца партизана Сергея Коцюбинского // XVI Таврические научные чтения: Великая Отечественная война и культурное наследие России. М.: ГИМСИР, 2016. С. 108–119.
7. Омельчук Д. Признание обвиняемого есть основание для ... расстрела (История одного следственного дела) // Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Книга девятая. К.: Институт истории Украины НАН Украины, 2014. С. 7–14.
8. Померанцева Э. «Сказки и легенды Крыма» // Литературное обозрение. 1937. № 21. С. 35–37.
9. Сказки и легенды татар Крыма / запись текста К.У. Усеинова; подг. текста и вступ. ст. С.Д. Коцюбинского; общ. ред. Я.П. Бирзгал. Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936. 376 с.
10. Сказки и легенды татар Крыма / Тексты записаны Фольклорной бригадой Алушкинского музея под руководством Я.П. Бирзгал; подг. текста к печати и вступ. ст. С.Д. Коцюбинского. Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936. 376 с. (Цитируется по переизданию: М.: Новости, 1992. 352 с.).
11. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3: 1930–1934 гг. Кн. 2: 1932–1934 гг. 840 с.
12. Советская этнография. 1937. № 1. 278 с.
13. Татарско-крымская литература // Литературная энциклопедия. М.: Худож. лит., 1939. Т. 11. Стб. 204–206.
14. Qıym tatar masalları ve legendaları. Fol'klor sığıntısı №1 / Tekstlerini Ya.P. Birzgalın jolbaşçılıq altında Alupka muzejn folklor brigadası jazdı. Teksti basmağa hazırlağan Z. Kel'amov. Kiriş maqaleni jazğan S.D. Kotsyubinskij. Simferopol: Qıym ASSR devletnesriyatı, 1937. 384 s. (Переиздание: Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2015).

References.

1. Andreyev N.P. Novyye izdaniya skazok na russkom yazyke // Sovetskiy folklor: sbornik statey i materialov. L.: Izd-vo AN SSSR, 1941. № 7. S. 205–224.
2. Anekdoty o Khodzhe Nasreddine i Akhmet Akhaye / Teksty zapisany Folklornoy brigadoy Alupkinskogo dvortsa-muzeya; podg. teksta k pechati S.D. Kotsyubinskogo; otv. redaktor Ya.P. Birzgal. Simferopol: Gosizdat Krym. ASSR, 1937. 368 s.
3. Krymskaya Avtonomnaya Sovetskaya Sotsialisticheskaya Respublika (Krym) // Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1937. T. 35. S. 279–320.
4. Gofman E. «Anekdoty o Khodzhe Nasreddine i Akhmet-Akhaye» // Literaturnoye obozreniye. 1937. № 22. S. 41–44.
5. Veselovskiy A.N. Izbrannoye. Na puti k istoricheskoy poetike. M.: Avtokniga, 2010. 688 s.

6. Kovalevskaya N.A. Dnevnik nauchnogo sotrudnika Vorontsovskogo dvortsa partizana Sergeya Kotsyubinskogo // XVI Tavricheskiye nauchnyye chteniya: Velikaya Otechestvennaya vojna i kulturnoye naslediyе Rossii. M.: GTsMSIR, 2016. S. 108–119.
7. Omelchuk D. Priznaniye obvinyayemogo est osnovaniye dlya ... rasstrelya (Istoriya odnogo sledstvennogo dela) // Reabilitirovannyye istoriyey. Avtonomnaya Respublika Krym: Kniga devyataya. K.: Institut istorii Ukrainy NAN Ukrainy, 2014. S. 7–14.
8. Pomerantseva E. «Skazki i legendy Kryma» // Literaturnoye obozreniye. 1937. № 21. S. 35–37.
9. Skazki i legendy tatar Kryma / zapis teksta K.U. Useinova; podg. teksta i vstup. st. S.D. Kotsyubinskogo; obshch. red. Ya.P. Birzgal. Simferopol: Gosizdat Krym. ASSR, 1936. 376 s.
10. Skazki i legendy tatar Kryma / Teksty zapisany Folklornoy brigadoy Alupkinskogo muzeya pod rukovod. Ya.P. Birzgal; podg. teksta k pečhati i vstup. st. S.D. Kotsyubinskogo. Simferopol: Gosizdat Krym. ASSR, 1936. 376 s. (Tsitiruyetsya po pereizdaniyu: M.: Novosti, 1992. 352 s.).
11. Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939: Dokumenty i materialy. M.: ROSSPEN, 2005. T. 3: 1930–1934 gg. Kn. 2: 1932–1934 gg. 840 s.
12. Sovetskaya etnografiya. 1937. № 1. 278 s.
13. Tatarsko-krymskaya literatura // Literaturnaya entsiklopediya. M.: Khudozh. lit., 1939. T. 11. Stb. 204–206.
14. Qrım tatar masallarъ ve legendalarъ. Fol'klor съѣнтыъ №1 / Tekstlarini Ja.P. Birzgalnъn jolbaşsъlyъ altъnda Alupka muzejnn folklore brigadasъ jazdъ. Teksti basmaka hazъrlaъan Z. Kel'amov. Kiriş maqaleni jazъan S.D. Kotsyubinskij. Simferopol: Qrım ASSR devletnesriyatъ, 1937. 384 c. (Pereizdaniye: Simferopol: Mediatsentr im. I. Gasprinskogo, 2015).

* * *

Kachlyavik K. Y. *At the origin of the study of Crimean Tatar folklore (folklore collections of the Alupka palace-museum) / Kachlyavik K. Y., Kirnoze Z. I., Lobkov A. E. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 40–47.*

In the early 1930s the Soviet government undertook a grandiose attempt to subdue folklore in accordance with its own ideological goals. In the Crimea, a group of folklorists assembled by Alupka State-Museum began a scientific study of folklore materials. In the years 1934–1937 more than hundred tales and legends, many stories of Nasreddin Hodja and Achmet Achae, proverbs and sayings, as well as the epic poems “Chora Batir” and “Edige” were recorded. The activities of the group were interrupted during the Great Terror, in 1937 and 1938. Some of the collected materials were published in two volumes, both in Russian: “Tales and Legends of the Crimean Tatars” (1936) and “Anecdotes of Nasreddin Hodja and Achmet Achae” (1937) the first volume also being published in Crimean Tatar “Qrım tatar masallarъ ve legendalarъ” (1937). Introductory articles to books were written by Sergey Kotsubinsky, a research scientist at the Alupka Museum.

Key words: Crimean Tatar folklore, Soviet folklore, Alupka Palace-Museum, Sergey Kotsubinsky, Nasreddin Hodja.

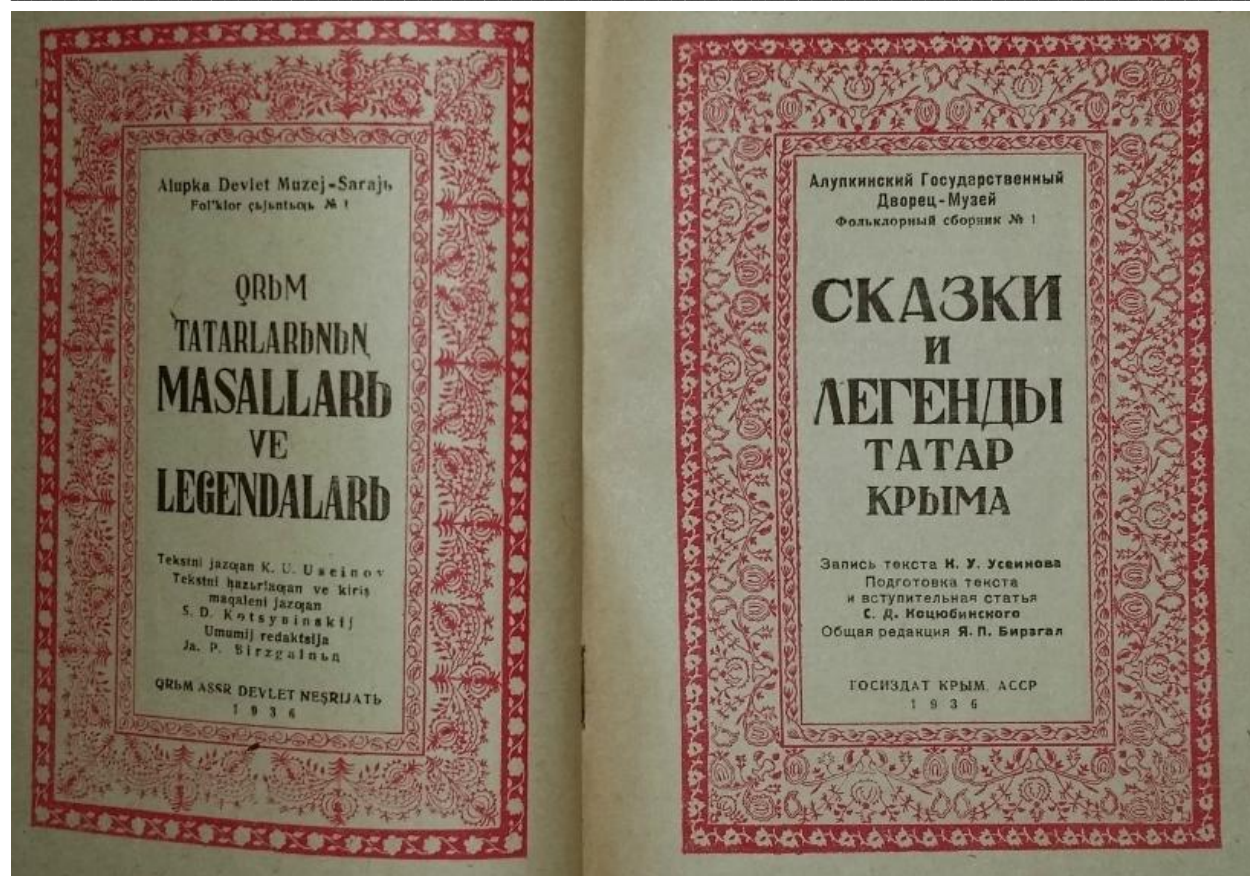

Рис. 1. Сказки и легенды татар Крыма (1936)

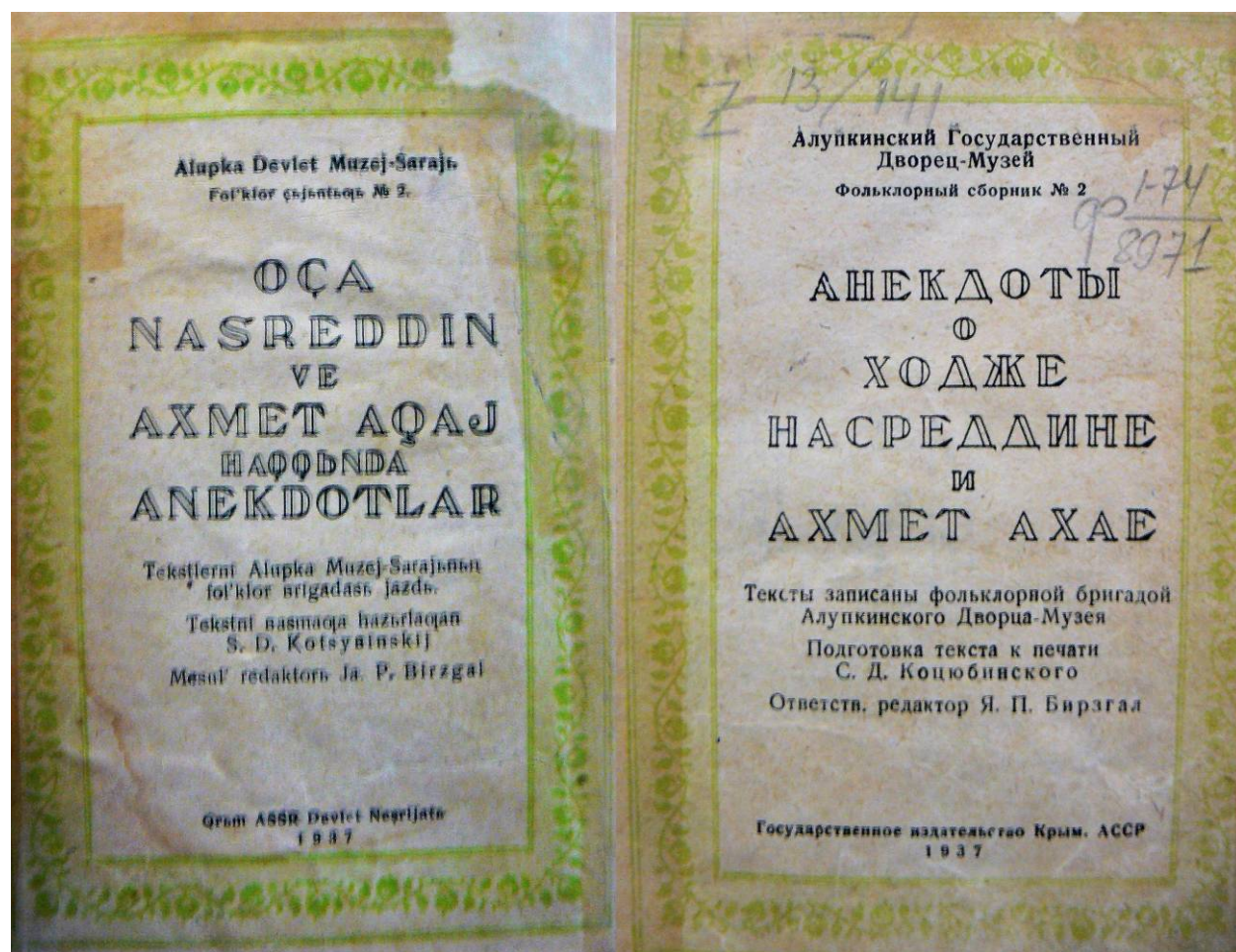

Рис. 2. Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет Ахае (1937)

Рис. 3. Qırım tatar masalları ve legendaları (1937)

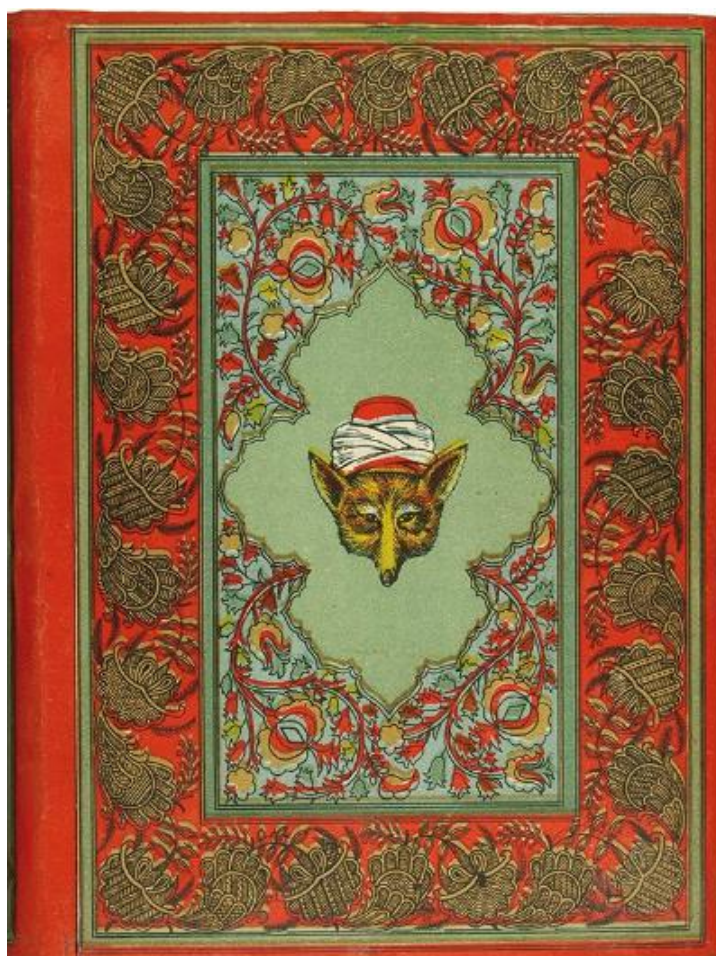

Рис. 4. Суперобложка первого фольклорного сборника художника К.М. Муратова

Рис. 5. Форзац первого фольклорного сборника художника К.М. Муратова

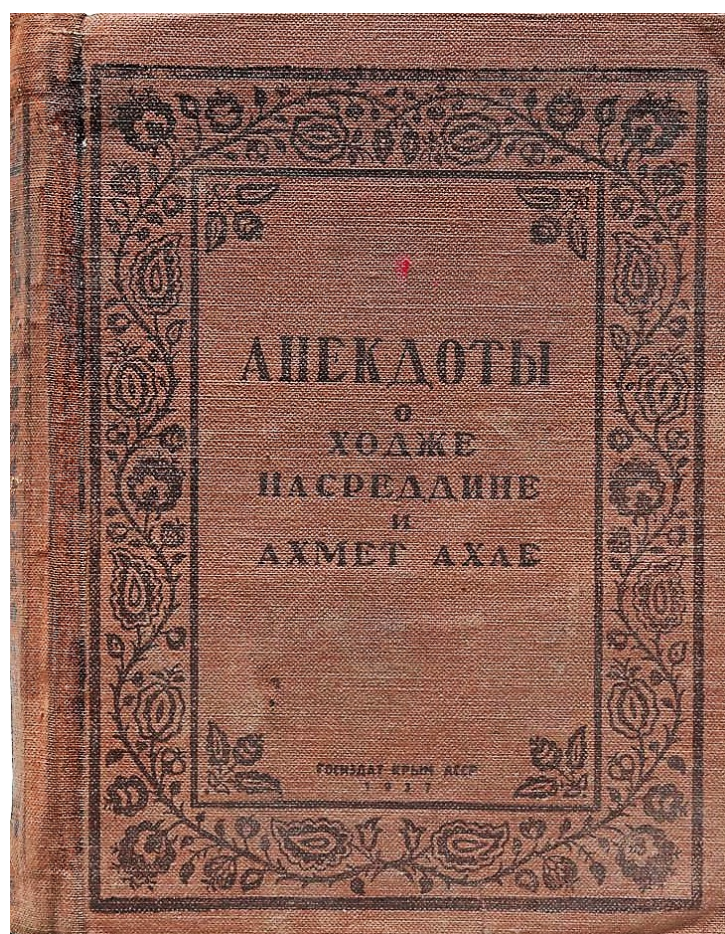

Рис. 6. Обложка второго фольклорного сборника художников А.В. Варфоломеева и К.М. Муратова.

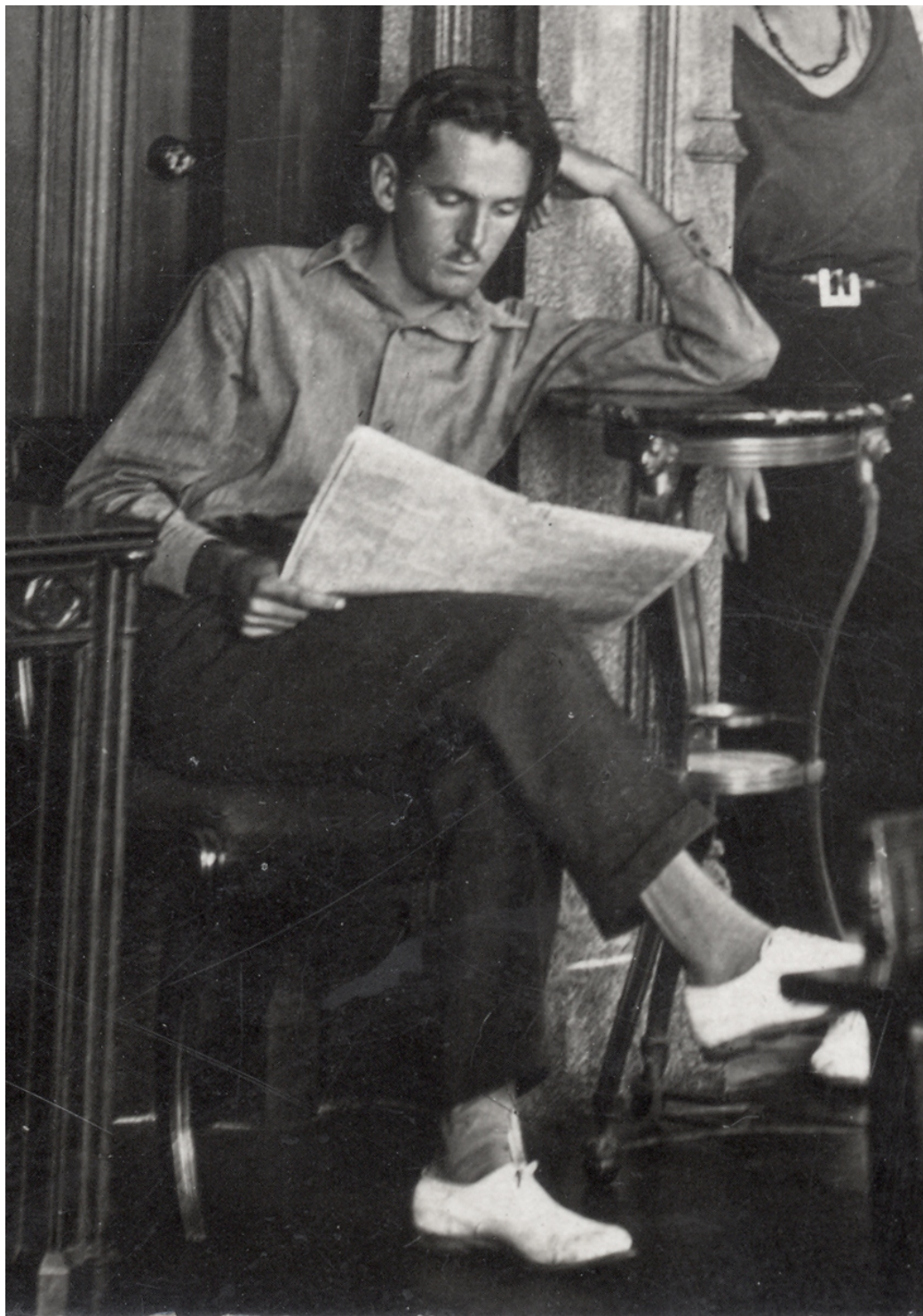

Рис. 7. С.Д. Коцюбинский (1909–1943)

УДК 94(477.75)«1917–1918»

DOI 10.5281/zenodo.345094

**СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИИ
СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В 1917-НАЧАЛЕ 1918 ГГ.****КРЕСТЬЯННИКОВ В.В.****Исследователь (г. Севастополь)**

В статье рассмотрены вопросы создания одной из самых больших в России городских организаций партии социалистов-революционеров, ее организационной структуры, влияния на матросов Черноморского флота, раскола организации и возникновения организации левых социалистов-революционеров. Организация имела громадное влияние на матросов и солдат гарнизона, однако к середине 1917 г. влияние значительно уменьшилось из-за расхождения политики ЦК партии с мнением матросских масс о введении смертной казни, о власти, о восстании генерала Краснова на Дону. В декабре 1917 г., после кровавых событий, правое крыло организации партии потеряло влияние и, в результате выборов нового состава Совета, к власти пришло левое большинство в составе левых эсеров, большевиков и анархистов. Однако, после «Варфоломеевских ночей» февраля 1918 г. левый блок, имея противоположные взгляды на строительство государства, его внутреннюю и внешнюю политику, потерял власть на выборах, так как сумел предвидеть и предотвратить февральские события.

Ключевые слова: Черноморский флот, Севастополь, социалисты-революционеры, Никитин, левые эсеры, Центрофлот, Баккал

3 марта 1917 г. вице-адмирал А.В. Колчак издал приказ № 789, сообщавший о февральском перевороте и отречении Николая II от престола [8]. Это известие всколыхнуло город и флот. Сразу же стали создаваться Временные советы, возрождаться партийные организации, распавшиеся и ушедшие в подполье в годы войны, учреждались национальные общества.

Но самой крупной и быстро набравшей силу была городская организация партии социалистов-революционеров. Партия, имевшая большие традиции и известность, ориентированная на крестьянство, имевшая обширную базу на Черноморском флоте и в гарнизоне крепости Севастополь, сумела в кратчайший срок создать низовые структуры и установить связи с Петроградом и близлежащими губернскими центрами.

Уже 15 марта в Петроград прибыла первая делегация матросов, солдат и рабочих Черноморского флота и крепости, в основном, эсеров, с заверениями о поддержке Временного правительства и требованиями к нему: войны до победы, усиления работы на оборону, созыва Учредительного собрания [25, с. 202–203].

По инициативе Харьковского временного областного комитета партии эсеров, в Харькове 2(15) – 4(17) апреля проходила Южно-Русская партийная конференция девяти губерний и области войска Донского. На ней рассматривались доклады с мест, обсуждались текущий момент, подготовка к III съезду партии и Учредительному собранию, также организационные вопросы. На конференции от севастопольской организации был избран И.Ю. Баккал¹, которо-

¹ Баккал Илья Юфудович (1894–?). Родился в Севастополе в семье караимского купца. Юрист, один из руководителей городской организации партии эсеров, лидер левого крыла. Член Севастопольского Совета, зам. Председателя Совета. Делегат II съезда Советов, член ВЦИК Совета III и IV созывов. В мае 1917 г. делегат III съезда партии социалистов-революционеров. В 1918 г. до левозеро-эсеровского мятежа председатель фракции левых эсеров во ВЦИК. В 1920 г. – секретарь Центрального бюро партии левых социалистов-революционеров (легалистов). В 09.1921 г. под его и Штейнберга подписку с поручительством была выпущена арестованная М. Спиридонова. В августе 1922 г. за «антисоветскую деятельность» осужден к высылке из пределов РСФСР за границу. Работал в Берлине в издательстве «Скиф». В 1949 г. арестован в советском секторе Берлина и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

му была вручена резолюция по отношению к войне: *«Война до полной победы, но без аннексий и контрибуций с правом каждой нации на самоопределение»* [9].

9 апреля состоялось общее собрание городской организации партии, на котором И.Ю. Баккал сделал доклад о конференции, и был избран Севастопольский комитет партии [13, л. 16–17].

Прием в партию проводился упрощенным способом. Для одиночек достаточно было выразить желание вступить в партию и предоставить две рекомендации от уже состоящих в ней; при отсутствии отвода желающий зачислялся членом партии, получал партбилет и делал первые взносы. Но происходили и коллективные вступления в партию целых воинских частей. Один из руководителей городской организации С.А. Никонов вспоминал: *«... само собой понятно, что в таких случаях на состав вновь вступающих в партию нельзя было положиться. Конечно, большинство их было совершенно малосознательным, и при первом удобном случае, при перемене обстоятельств или под влиянием умелой агитации, они так же легко могли уйти из партии социалистов-революционеров и перейти в другую, как сейчас вступили в первую»* [13, л. 16–17].

Бывший матрос Черноморского флота С.М. Матвеев писал: *«Что греха таить – весной 1917 г. севастопольцы в своем большинстве еще очень плохо разбирались в политике. Бывало, начнется митинг, вылезет на трибуну кадет и вопит: “Война до победного конца”, “Без Дарданелл нам жить нельзя” – хлопают ладонями. Кадета сменяет эсер или меньшевик – “За революционную войну против кайзера!”, “Большевики – предатели”, – тоже хлопают. Взойдет на трибуну большевик – “Война войне”, “Вся власть Советам!”, “Мир хижинам, война дворцам!”, – и опять хлопают»* [10, л. 42].

Комитет городской организации состоял из 10–15 человек. В комитет в разное время входили С.А. Никонов¹, Страхов, А.С. Панпулов, С.О. Бялыницкий-Бируля, И.Ю. Баккал, И.И. Бунаков-Фундаминский, И.П. Пчелин, Н.П. Чесноков, Н.И. Емельянов², И.И. Дроздов³, В.Н. Риш, Г.С. Старосельский и другие. Многие после революции освободились из каторги и ссылки. Город был разбит на районные организации, которые действовали и в центре города, и в каждой слободке и пригороде. Во флоте и гарнизоне каждая крупная часть, каждый корабль и экипаж имели свою ячейку, от которых было несколько представителей в горкоме. В помещении горкома на Нахимовском проспекте была устроена библиотека и читальня, почти исключительно из партийных книг, брошюр и газет. При огромном количестве членов партии (в конце июля насчитывалось около 27 тыс. человек⁴

¹ Никонов Сергей Андреевич (1864–1942). Сын участника обороны Севастополя адмирала А.И. Никонова, врач. Один из организаторов «террористической организации Народной воли», член партии социалистов-революционеров с 1902 г., один из организаторов покушения на адмирала Чухнина. Несколько раз бывал в ссылках. В 1917 году – комиссар Временного правительства в Севастополе, один из организаторов городской организации партии социалистов-революционеров, депутат Учредительного собрания. В конце 1918 – нач. 1919 гг. министр просвещения и вероисповеданий в правительстве С.С. Крыма. Умер в блокадном Ленинграде, работая в госпитале.

² Емельянов Николай Ильич (1847–1924). Бывший студент-медик, добровольцем участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в Болгарии. В конце 70-х гг. XX в. был связан с революционными народническими кружками в Симферополе, был в близких отношениях с Перовской, Тригоном, Теллаловым. Неоднократно подвергался обыскам и арестам. В 1905 г. избирался членом Севастопольского совета депутатов, в 1907 г. избран членом II Государственной Думы от Таврической губернии. В 1917 году – член руководства городской организации партии социалистов-революционеров, гласный Севастопольской городской Думы. В 1922 году получил звание героя труда.

³ Дроздов Иосиф Иванович (1894–1920). Рабочий портового завода. Один из организаторов и первый руководитель в 1917 г. «Союза рабочих и служащих металлообрабатывающих производств», член Севастопольского Совета. Один из руководителей проф. движения в 1918–1919 гг. Участник подпольной организации в 1919–1920 гг. Расстрелян белогвардейцами 7.06.1920 г. В 1921 г. его именем названа улица в Севастополе на Центральном холме. Член РКП (б) с конца 1919 г.

⁴ 7–12 (20–25) мая 1917 г. на Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП делегат от Севастополя представлял 1000 членов городской организации, седьмую по численности в России (*Всероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП 6–12 мая 1917 г. Пг.: Рабочая библиотека Организационного комитета РСДРП, 1917. С. 7*). В июле ЦК РСДРП (б) утвердил Севастопольский комитет РСДРП (б), объединявший 50 членов и 100 сочувствующих (*Сапронов С. Севастополь в 1917 году // Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М.: Воениздат, 1958. С. 489*).

[25, с. 192] устраивать общие собрания было невозможно, поэтому, высшим органом городской организации было делегатское собрание.

Городская организация к концу мая сумела организовать выпуск газеты «Революционный Севастополь» [19, с. 197] (переименованной в ноябре в «Вольный Юг»). Была приобретена большая типография (из 62 тыс. рублей 25 тыс. выделила Е. Брешко-Брешковская¹). Газета распространялась далеко за пределами Севастополя. Наряду с газетами, из города шел по стране довольно широкий поток другой пропагандистской литературы.

Горком широко использовал любую возможность для агитации и пропаганды. В городе был организован праздник в честь летнего наступления на флоте [14, с. 49], Всероссийского праздника партии социалистов-революционеров [6, 15 июля]. Широко использовала организация свои возможности через большинство в Севастопольском Совете при формировании Черноморской «патриотической» делегации во главе с подполковником А.И. Верховским. По партийности в подавляющем большинстве эсеровскую делегацию фактически возглавил эсер «матрос» Федя Баткин².

Центральный комитет партии эсеров внимательно следил за событиями на Черноморском флоте и пытался активно влиять на них, поддерживал инициативы местной партийной организации. В мае в Севастополе побывал А.Ф. Керенский [2, с. 274]³, в июне – И.И. Бунаков-Фундаминский⁴ [6, 16 июня] и «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская, в августе – В.М. Чернов [24, с. 49].

С целью усиления влияния на регион Причерноморья, Севастопольская организация партии эсеров приняла в первой половине июня постановление с требованием *«назначения в Севастополе постоянного комиссара от Военного Министра с правом непосредственного сношения с Временным правительством помимо местных военных властей и с правом приостановления распоряжения этих властей...»* [15, с. 10–11].

Уже 13 июля в Севастополь прибыл назначенный временным правительством Главный комиссар Черноморского флота Н.А. Борисов, но он был меньшевиком. Вскоре, (6 августа) он был отозван в Петроград и назначен товарищем Главного комиссара (но это уже по требованию Севастопольских меньшевиков), а Главным комиссаром 27 августа назначили члена ЦК партии эсеров И.И. Бунакова-Фундаминского² [6, 6 авг.; 20; 12, с. 519].

12 марта Главный организационный комитет Всероссийского крестьянского союза, возглавляемый эсерами, обратился с воззванием к крестьянам, находившимся в армии и во

¹ Брешко-Брешковская (урожд. Вериги) Екатерина Константиновна. Приезжала в Севастополь 16 июня, выступала на митингах в воинских частях. Революционную деятельность начала в начале 70-х гг. XIX в. в Киеве. Неоднократно арестовывалась, сидела в тюрьмах и на каторге. В начале 1900 гг. была у истоков партии социалистов-революционеров, один из основателей «Боевой организации» партии. Вернулась из ссылки после февральской революции, на I Всероссийском съезде Советов в приветствии Керенский назвал ее «бабушкой русской революции». В 1919 г. эмигрировала, умерла в 1934 г. в Чехословакии.

² Баткин Федор Анисимович (ок. 1897–1924?). Уроженец Севастополя, гимназию не окончил (по другим сведениям студент Льежского университета). В марте 1917 г. делегат Сев. Совета от союза учащейся молодежи, член согласительной комиссии при слиянии двух Советов. Как называл его А. Вертинский, «краснобай, демагог и пустомеля». Своими речами о патриотизме привлек внимание адмирала Колчака, был призван на флот и отправлен в составе Черноморской «патриотической» делегации, фактически ее возглавив. В июле 1917 г. награжден Георгиевским крестом 4 ст. В августе 1917 г. участвовал делегатом от ЧФ в работе контрреволюционного Государственного Сопоставления. В годы Гражданской войны служил в Осваге армии генерала А.И. Деникина. Эмигрировал с армией Врангеля, но в 1922 г. вернулся на родину. По некоторым сведениям арестован за спекуляцию и расстрелян Харьковским ВЧК.

³ Керенский Александр Федорович. Прибыл в Севастополь утром 17 мая на миноносце из Одессы для улаживания конфликта с генералом Петровым. Он побывал на линкоре «Свободная Россия», госпитальном судне «Петр Великий», в порту, на торжественном заседании Исполкома Севастопольского совета солдатских и рабочих депутатов.

⁴ Бунаков-Фундаминский Илья Исидорович (1879–1942). В 1906 г. участник подготовки восстания на Балтийском флоте (однако в решительный момент вместе с другими эсерами не принял участия в восстании). С 1917 г. товарищ председателя Всесоюзного крестьянского совета, член ЦК партии эсеров, с конца августа 1917 г. Главный комиссар ЧФ (сместен в ноябре 1917 г.), делегат Учредительного собрания. В 1918 г. представлял партию эсеров в контрреволюционном «Союзе возрождения России», участвовал в Яском совещании контрреволюционных организаций. С 1920 г. эмигрант, сотрудничал в журналах, один из создателей Пражского архива. В 1938 г. во время нацистской оккупации Франции был арестован и отправлен в концлагерь, погиб в Освенциме.

флоте, с призывом объединяться в своих частях и командах в крестьянские союзы [1, с. 32]. Уже 23 апреля в Севастополе был создан Крестьянский Союз «с целью защиты классовых интересов крестьянства» [7] (позже Севастопольский Совет крестьянских депутатов армии и флота). В принятой 27 апреля резолюции Союза провозглашалась также традиционная линия партии социалистов-революционеров. В начале июня Союз насчитывал около 6000 членов, в основном, матросов и солдат.

Во время кампании по выборам в городскую Думу, в июле Союз вошел в блок с партией эсеров, которая гарантировала Союзу 10 мест в Думе [6, 8 июля]. С 15 августа Совет крестьянских депутатов выпускал свою еженедельную газету «Известия севастопольского Совета крестьянских депутатов Армии и Флота». Большинство членов этой организации являлись одновременно членами партии эсеров и до сентября в основном поддерживали политику партии социалистов-революционеров. Городской комитет партии эсеров и его газета неуклонно проводили политику ЦК партии, входя с августа 1917 г. все более и более в конфликт со своими рядовыми членами по основным вопросам.

25 мая в Москве открылся III съезд партии социалистов-революционеров, на котором присутствовало 4 делегата от Севастополя. Съезд определил политику партии на ближайшие месяцы: подготовка демократических реформ, борьба с развалом армии, укрепление центральной власти, расширение государственного и общественного контроля над производством, установление федеративной демократической республики, поддержка лозунга «мир без аннексий и контрибуций».

Съезд поддержал Временное правительство «в условиях, когда буржуазия не в силах справиться с проблемами современности, а социалистическая партия еще не может взять власть», одобрил первое коалиционное правительство, куда вошли два эсера (Керенский и Чернов). На съезде проявились острые разногласия внутри партии, образовалось новое крыло (т.н. оппозиция 42-х).

Первое серьезное столкновение политики партии эсеров и масс вызвало июльское решение Временного правительства о введении на фронте смертной казни и учреждении военно-революционных судов, а вскоре и введение этого закона и на флоте [21]. Принятие этого закона вызвало волну возмущения и протеста подавляющего большинства воинских частей, но, выполняя линию партии и правительства, делегатское собрание городской организации партии эсеров 3 августа большинством голосов принимает решение «о допустимости смертной казни на фронте ввиду опасности, грозящей революции» [6, 22 авг.].

Но 19 августа, под давлением масс, после длительной дискуссии, подавляющим большинством пленарного заседания Севастопольского Совета была принята резолюция Совета крестьянских депутатов, в которой говорилось, «что смертная казнь как орудие устрашения не есть оправдание, а может служить лишь средством борьбы контрреволюционных классов с трудовой революционной демократией, поэтому, Совет военных, рабочих и крестьянских депутатов высказывается против введения смертной казни и требует отмены ее навсегда» [6, 22 авг.].

Даже газета социалистов-революционеров «Революционный Севастополь» признала 18 августа, что матросы обвиняют эсеров в поддержке контрреволюции, а матросы эскадренного миноносца «Гаджибей» приняли резолюцию, осуждающую партию социалистов-революционеров [25, с. 314, 353].

Важное значение придавалось вопросу о власти, тем более что во Втором коалиционном правительстве Керенского из 15 министров 7 были представителями социалистических партий, а во Всероссийском и Петроградском Советах эсеры составляли подавляющее большинство.

В этом плане интересно выступление члена ЦК партии эсеров И.И. Бунакова-Фундаминского на делегатском собрании армии, флота и рабочих Севастополя в конце июня. Говоря о власти, он подчеркнул, что «*решено было оставить буржуазию в министерстве, т.к. это объединяет все классы. Эта буржуазия не является большинством, несмотря на то, что в министерстве голосами она и имеет преимущество. Она подчиняется социалистам, и это потому, что она чувствует, что за ними стоит вся демократия. Если бы мы хотели, то могли бы поставить министров-социалистов, но нам это*

невыгодно. Во-первых, мы бы брали такое разрешенное хозяйство, что рисковали бы не справиться с ним и, тогда вся ответственность пала бы на социалистов, а этим бы подорвали их значение в стране. Во-вторых, в министерство мы должны были бы отдать все лучшие силы и этим демократия была нарушена» [14, с. 50].

25 октября 1917 г. произошли одновременно три события, два из которых стали поворотными в жизни государства. В этот день на Дону начался контрреволюционный мятеж генерала А.М. Каледина, вечером в Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов, провозгласивший Советскую власть, и в Симферополе открылась Таврическая губернская конференция партии эсеров.

В городе и на флоте вновь прокатилась волна недовольства политикой социалистов-революционеров, державшихся за старые идеалы. Был отстранен от должности Главного комиссара Черноморского флота эсер Бунаков-Фундаминский, на митингах принимались резолюции с требованием удалить «соглашателей» и «объединенцев» из состава Севастопольского Совета [2, с. III].

II Всероссийский съезд Советов не только установил новую власть в России, но и расколол партию социалистов-революционеров. На съезде осталась и приняла участие в его работе левая фракция партии, когда правая ее часть покинула заседание. В конце октября ЦК партии эсеров постановил исключить из партии тех членов, которые остались на II Съезде, нарушив тем самым партийную дисциплину. Однако это решение в партии было встречено негативно. В ответ на это Петроградская конференция партии 99 голосами против 9 выразила недоверие ЦК.

На заседании Севастопольского комитета партии было решено воздержаться от решения этого вопроса до съезда партии, так как 130 человек видных эсеров исключить из партии невозможно [19, с. 239].

Не ожидая очередного съезда партии, левые эсеры 19–28 ноября провели в Петрограде (учредительный) съезд левых социалистов-интернационалистов, на котором учредили свою партию. Съезд указал, что Учредительное собрание должно, в первую очередь, решить вопросы о мире, о земле и о рабочем контроле, подчеркнув, что стоит на точке зрения необходимости *«немедленного осуществления власти рабочих и крестьян»*, а *«всякую попытку превратить Учредительное собрание в орган борьбы с Советами считает посягательством на завоевание революции... считает необходимым оказать ему самое решительное противодействие»*.

26 ноября – 5 декабря, также в Петрограде, прошел IV съезд партии социалистов-революционеров. Съезд поддержал лозунг «Вся власть Учредительному Собранию!», признав, что Советы должны руководить идейно-политической жизнью масс и стоять на страже завоеваний революции, подтвердил исключение из партии левых эсеров-интернационалистов и группы эсеров-оборонцев.

Но самое главное – съезд дал оценку ЦК за прошедший год, констатируя, что ЦК не осуществлял в должной мере контроль над деятельностью членов партии, занимавших ответственные посты в правительстве и руководящих органах демократии, чем делал партию ответственной за политику, ею не санкционированную, и невольно способствовал подрыву доверия масс к партии.

Однако последней каплей, которая привела к падению в Севастополе власти эсеро-меньшевистского Совета, было отношение эсеровского большинства Совета к борьбе матросов против Каледина и конфликт между СНК и Центральной Радой в декабре 1917 г. Эта партийная коалиция потеряла поддержку людей, которые были ее сторонниками с начала революции. Произошедший в ночь с 15 на 16 декабря социальный взрыв привел к власти людей с более левыми убеждениями и более последовательных в своих действиях.

Днем 16 декабря объединенное заседание представителей судовых и береговых частей, президиумов Исполкома Совета военных и рабочих депутатов, ЦК ЧФ, представителей социалистических партий и штаба революционного отряда избрало Военно-революционный комитет из 20 членов, представителей большевиков, левых эсеров и анархистов [6, 19 декаб.]. ВРК, состоявший из представителей только леворадикальных партий, сумел в течение нескольких дней стабилизировать обстановку, прекратить кровавую вакханалию и провести выборы Совета.

На организационном собрании Севастопольского совета военных и рабочих депутатов, состоявшемся 18 декабря, оказалось, что по партийной принадлежности депутаты распределились следующим образом: эсеры – 89, беспартийные – 50, большевики и сочувствующие – 35, меньшевики – 6, польские социалисты – 6. В Исполком избраны 11 большевиков, 3 левых эсера и 5 беспартийных. Председателем избран большевик Н.А. Пожаров [4]. Хотя влияние большевиков в конце 1917 г. было бесспорно, однако, процент депутатов их фракции был не высок. После выборов в Севастопольский Совет в октябре они имели 13% мест [3, с. 184], на выборах в Учредительное собрание по Черноморскому избирательному округу (в этом округе к числу избирателей относились матросы и солдаты частей, подчиненных командующему Черноморским флотом и рабочие предприятий Морского ведомства) эсеры имели 40%, украинские эсеры 24%, большевики 20% [6, 21 нояб.], а декабрьские выборы в Совет дали эсерам 47%, а большевикам только 18,8% депутатских мест [4]. Поэтому большевики могли прийти к власти только в коалиции с левыми партиями – эсерами и анархистами. То, что большевики возглавили Совет и ВРК в декабрьские дни, можно в какой-то степени объяснить тем, что наиболее авторитетные и влиятельные лидеры их союзников по коалиции И.Ю. Баккал и А.В. Мокроусов находились в Петрограде.

В последних числах декабря 1917 – начале января 1918 ВРК удалось разгромить отряды совета Народных представителей Крыма и Крымского Штаба, и к 17 января на всей территории Крыма была установлена Советская власть. Борьба за власть была далеко не бескровной: в ней погибло много офицеров в Евпатории, Ялте, Симферополе и других городах Крыма. И, поскольку победители руководствовались только «революционным сознанием», погибло много невинных людей.

Во второй половине января – первой половине февраля жизнь в городе протекала спокойно, но на флоте прошли события, которые в корне изменили расстановку политических сил. В связи с демобилизацией, на службе в Черноморском флоте осталось менее половины личного состава. Некомплект личного состава на линкорах «Свободная Россия» и «Воля», Минной и Подводной бригадах составлял свыше 1000 человек, крейсера и береговые части были почти полностью укомплектованы матросами 1917 года призыва [16]. Численность флота сократилась в два раза, к тому же многие матросы находились в красногвардейских отрядах. Тем самым сократилась политическая база большевиков и левых эсеров (рабочие порта составляли костяк меньшевистской организации. В связи с подготовкой Брестского мирного договора наметился разлад между большевиками и левыми эсерами, которые отстаивали необходимость «революционной войны» как средства, способного подтолкнуть революцию на Западе.

26 января (8 февраля) в Севастополь прибыла делегация от Дунайской флотилии и Верховная коллегия по русско-румынским делам во главе с Х.Г. Раковским, в составе В.Б. Спиро¹, Куля и А.Г. Железнякова, с просьбой к Черноморскому флоту оказать помощь румынскому пролетариату в борьбе с поднявшейся в Румынии контрреволюцией. Комиссия избрала своим местом пребывания Севастополь [5, с. 128]. Анархистские отряды стали представлять угрозу для новой власти.

В этой ситуации 16 февраля (по новому стилю) фракции правых эсеров и меньшевиков заявили о своем возвращении в состав Севастопольского Совета [22, с. 73] (до этого фракции на заседания не являлись). На улицах города шли митинги, где выступали ораторы правых эсеров и меньшевиков, говорившие о предательстве большевистских вождей, о полном провале их политики, предсказывая гибель революции под германским сапогом, если массы не сбросят господство большевиков.

¹ Спиро Виллиам Бернгардович (1884–1939). Прибыл в Севастополь 26 января 1918 г. в составе Верховной Коллегии по русско-румынским делам. Один из лидеров партии левых эсеров, делегат II Всероссийского Съезда Советов от Румынского фронта. Перед открытием съезда Камкову, Карелину и ему было предложено большевиками войти в состав правительства, но они отказались. В ноябре назначен зав. финансовым отделом ВЦИК, в январе 1918 г. комиссаром-организатором по русско-румынским делам. В начале марта избран Главным комиссаром Черноморского флота, открыто выступал против Брестского мира и эвакуации флота в Новороссийск. За преступления по должности по приказу В.И. Ленина 6 апреля был арестован, но во второй половине апреля до суда выпущен под поручительство ЦК партии левых эсеров (открытая форма туберкулеза). Бежал за границу и поселился в Дании, занимаясь коммерцией. Умер на о. Мэн (Великобритания).

17 февраля, состоялось общее собрание партии левых социалистов-революционеров, на котором с докладом «Борьба за мир и интернациональное движение в европейских государствах» выступил В.Б. Спиро, который осуждал мирную политику Советского правительства и отстаивал необходимость «революционной войны» как средства, способного «подтолкнуть» революцию на Западе. Собрание обсудило вопрос о роспуске организации согласно проекту, выработанному новым комитетом левых эсеров, и постановило большинством голосов при 4 воздержавшихся и 5 против распустить организацию и приступить к созданию левого крыла [22, с. 73].

Около 23 часов 20 февраля вооруженная группа меньшевиков и правых эсеров ворвалась в типографию газеты «Таврическая правда» (быв. «Крымский вестник») и отпечатала заключенную в траурную рамку прокламацию «Бюллетень мира», направленную против заключения Брестского мира [5, с. 139]. В городе сложилась взрывоопасная ситуация. К этому следует добавить еще целый ряд факторов, повлиявших на последующие события. Это – отказ имущих классов под разными предлогами «платить» контрибуцию, военные действия на Дону, откуда поступали сведения о погибших красногвардейцах, и похороны их в Севастополе [19, с. 268], ослабление большевистской и левоэсеровской организаций в связи с уходом большинства их членов на борьбу с контрреволюцией, отсутствием в городе наиболее авторитетных их руководителей Н.И. Островской, Ю.П. Гавена, И.Ю. Баккала и других. К тому же не следует забывать, что Совет был коалиционный, в котором большевики большинства не составляли, а партийные интересы, входивших в коалицию партийных организаций, далеко не во всем совпадали.

Поздно вечером 21 февраля на линкоре «Борец за Свободу» состоялось собрание судовых комитетов, которое решило *«заставить буржуазию опустить голову»*. Была избрана комиссия во главе с С.И. Романовским (председатель ЦК ЧФ), Басовым и С.Г. Шмаковым – все анархисты. Под воздействием агитации матросы были уверены, что идут защищать власть Советов [18, л. 88]. Около двух часов ночи вооруженная толпа матросов вошла в город, и начались массовые обыски, грабежи и убийства.

Реакция матросов на произошедшее в городе была не однозначна. Большинство осудило «контрреволюционные выступления», однако команда линкора «Свободная Россия» в будущем обещала *«выступать с оружием в руках только по зову своих высших демократических организаций»*, но заявила, что виновных в этих событиях не должно быть. *«А если их будут предавать суду, мы выступим им в защиту»*. Команда эскадренного миноносца «Громкий» считала, что нужно расследовать действия только председателя Центрофлота С. Романовского. Команда блокшива № 9 (база Минной бригады) считала действия моряков справедливыми, заявив: *«Налагая на нас позорное пятно, вы так же ошибаетесь, как ошибались и мы, называя контрреволюционерами товарищей балтийцев, которые в первые дни революции вели решительную борьбу, уничтожая подспорье царизма»* [17, л. 2–8]. В результате виновники к ответственности привлечены не были, только отстранили от должности председателя Центрофлота С. Романовского. Главным комиссаром Черноморского флота был избран левый эсер В.Б. Спиро.

В этой ситуации проявили активность лидеры меньшевиков, возглавлявшие профсоюзное движение в Севастополе. 28 февраля на заседании конференции профсоюзных правлений в докладе о текущем моменте меньшевик Либин заявил, что *«большевистское господство окончательно совратило рабочий класс своей политикой конфискаций, национализаций и т.п.»*, что попытка большевизма *«провести социальную революцию разбилась о суровую действительность, рассеявшую иллюзию пролетариата, который остался обманутым и очутился у разбитого корыта»* [26, с. 34]. В начале марта рабочие мастерских порта стали требовать перевыборов Совета к 27 марта и немедленной выдачи оружия рабочим для защиты города от банд (был пущен слух, что к городу идет банда Маруси Никифоровой).

В это же время южная федерация анархистов отпечатала тиражом 2000 экз. и распространила в Севастополе обращение «Ко всем трудящимся», в котором отрицала все формы государственной власти и заявила: *«Мы объявили мир всему миру рабов! И призываем их порвать все цепи и разрушить все тюрьмы, называемые государством, властью и религией!»* [23].

Левые эсеры активно выступали против заключения Брестского мира. Так, выступая на делегатском собрании флота, гарнизона и рабочих В.Б. Спиро заявил о ратификации Брестского договора, что принятие германских мирных условий – предательство и призвал собравшихся отказаться от «гнилого севера» и продолжать борьбу с Германией. А 23 марта экстренное заседание Центрофлота под влиянием левых эсеров приняло резолюцию, в которой подчеркивалось, что Черноморский флот *«есть достояние всей Российской Федеративной Республики Советов в составе Великороссии, Украины, Таврии, Кавказа и всех остальных частей... Действует совершенно самостоятельно... Окончательную судьбу Черноморского флота может решить свободный конгресс республик федерации Советов»* [11, с. 181–183]. В начале апреля В.Б. Спиро был отозван в Москву и арестован.

В таких политических условиях прошли перевыборы Севастопольского Совета в первых числах апреля. В новом Совете большевики составляли около 30%, левые эсеры 15%, меньшевики и правые эсеры 20–25%, остальные – беспартийные, которые в своем большинстве тяготели к меньшевикам и правым эсерам [27, с. 131]. Коалиция большевиков, левых эсеров и анархистов потеряла в связи с демобилизацией флота и армии свою политическую базу, а доверие жителей города не приобрело, и к власти пришли правые эсеры и меньшевики, имевших среди рабочих и обывателей большое влияние. Леворадикальная коалиция пришла к власти в Севастополе, сумев подавить всплески бандитизма в декабре 1917 г., а в начале апреля 1918 г. коалиция, имея противоположные взгляды на строительство государства и задачи в международной политике, потеряла власть, не сумев предвидеть и предотвратить февральские события.

Источники и литература.

1. Авдеев Н. Революция 1917 года (хроника событий). М.–Пг.: Госиздат, 1923. Т. 2. 307 с.
2. Борьба за власть Советов в Крыму. Симферополь: Крымиздат, 1959. Т. 2. 296 с.
3. Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции. М.: Воениздат, 1958. 584 с.
4. Вольный Юг. 1917. 21 декабря.
5. Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М.: ОГИЗ-Молодая Гвардия, 1932. 288 с.
6. Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917.
7. Известия Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917.
8. Крымский вестник. 1917. 3 марта (экстренное прибавление).
9. Крымский вестник. 1917. 6 апреля.
10. Матвеев Г.М. Воспоминания об Октябрьской революции в Севастополе // Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя (ГМГООС). Фонды. Т. 12.
11. Мордвинов Р.Н. Лезвие эсеровской провокации в Черноморском флоте в начале 1918 г. // Исторический архив. 1961. № 6. С. 180–185.
12. Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. К.: Изд-во Акад. наук УССР, 1963. 687 с.
13. Никонов С.А. Воспоминания // ГМГООС. Фонды. А-10009/4.
14. Платонов А.П. Февраль и Октябрь в Черноморском флоте. Севастополь: Крымское государственное издательство, 1932. 106 с.
15. Платонов А. Черноморский флот перед и в 1917 году. Июльские дни. // Морской сборник. 1924. № 7.
16. Протоколы заседаний 2-го Общечерноморского съезда // ГМГООС. Фонды. А1157/15.
17. Протоколы заседаний 2-го Общечерноморского съезда // ГМГООС. Фонды. А1157/10.
18. Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф.183. Оп. 1. Д. 40.
19. Революция в Крыму. Сборник материалов к 10-й годовщине Октябрьской Революции. Симферополь: Крымиздат, 1927. № 1 (7). 288 с.
20. Свободный флот: Ежемесячник Морского сборника. Пг.: Тип. Морского Министерства, 1917. № 2 (9).
21. Свободный флот: Ежемесячник Морского сборника. Пг.: Тип. Морского Министерства, 1917. №4 (10).
22. Сирченко И.Т. Выполняя приказ В.И. Ленина... Потопление Черноморского флота в 1918 г. М.: Мысль, 1979. 271 с.
23. ГМГООС. Фонды. А-1144.
24. Федоров В. За боях за рідну землю. К.: Політвидав України, 1966. 138 с.
25. Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М.: Наука, 1971. 488 с.
26. Штейнбах Е.М. Профессиональное движение в Крыму. Симферополь, 1927. 107 с.
27. Ремпель Л.И. Красная гвардия в Крыму в 1917–1918 гг. Симферополь: Крымгосиздат, 1931. 158 с.

References.

1. Avdeyev N. Revolyutsiya 1917 goda (khronika sobyitiy). M.–Pg.: Gosizdat, 1923. T. 2. 307 s.

2. Borba za vlast Sovetov v Krymu. Simferopol: Krymizdat, 1959. T. 2. 296 s.
3. Voyennyye moryaki v borbe za pobedu Oktyabrskoy revolyutsii. M.: Voenizdat, 1958. 584 s.
4. Volnyy Yug. 1917. 21 dekabrya.
5. Zhukov V.K. Chernomorskiy flot v revolyutsii 1917-1918 gg. M.: OGIZ-Molodaya Gvardiya, 1932. 288 s.
6. Izvestiya Sevastopolskogo Soveta voyennykh i rabochikh deputatov. 1917.
7. Izvestiya Kharkovskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov. 1917.
8. Krymskiy vestnik. 1917. 3 marta (ekstrennoye pribavleniye).
9. Krymskiy vestnik. 1917. 6 aprelya.
10. Matveyev G.M. Vospominaniya ob Oktyabrskoy revolyutsii v Sevastopole // Gosudarstvennyy muzey geroicheskoj oborony i osvobodzheniya Sevastopolya (GMGOOS). Fondy. T. 12.
11. Mordvinov R.N. Levoeserovskaya provokatsiya v Chernomorskom flote v nachale 1918 g. // Istoricheskiy arkhiv. 1961. № 6. S. 180–185.
12. Moryaki v borbe za vlast Sovetov na Ukraine. K.: Izd-vo Akad. nauk USSR, 1963. 687 s.
13. Nikonov S.A. Vospominaniya // GMGOOS. Fondy. A-10009/4.
14. Platonov A.P. Fevral i Oktyabr v Chernomorskom flote. Sevastopol: Krymskoe gosudarstvennoe izdatelstvo, 1932. 106 s.
15. Platonov A. Chernomorskiy flot pered i v 1917 godu. Iyulskie dni. // Morskoy sbornik. 1924. № 7.
16. Protokoly zasedaniy 2-go Obshchechernomorskogo syezda // GMGOOS. Fondy. A1157/15.
17. Protokoly zasedaniy 2-go Obshchechernomorskogo syezda // GMGOOS. Fondy. A1157/10.
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voenno-morskogo flota. F.183. Op. 1. D. 40.
19. Revolyutsiya v Krymu. Sbornik materialov k 10-y godovshchine Oktyabrskoy Revolyutsii. Simferopol: Krymizdat, 1927. № 1 (7). 288 s.
20. Svobodnyy flot: Ezhemesyachnik Morskogo sbornika. Pg.: Tip. Morskogo Ministerstva, 1917. № 2 (9).
21. Svobodnyy flot: Ezhemesyachnik Morskogo sbornika. Pg.: Tip. Morskogo Ministerstva, 1917. № 4 (10).
22. Sirchenko I.T. Vypolnyaya prikaz V.I. Lenina... Potoplenie Chernomornomorskogo flota v 1918 g. M.: Mysl, 1979. 271 s.
23. GMGOOS. Fondy. A-1144.
24. Fedorov V. Za boyakh za ridnu zemlyu. K.: Politvidav Ukraïni, 1966. 138 s.
25. Khesin S.S. Oktyabrskaya revolyutsiya i flot. M.: Nauka, 1971. 488 s.
26. Shteynbakh E.M. Professionalnoye dvizheniye v Krymu. Simferopol, 1927. 107 s.
27. Rempel L.I. Krasnaya gvardiya v Krymu v 1917–1918 gg. Simferopol: Krymgosizdat, 1931. 158 s.

* * *

Krestyannikov V. V. Sevastopol city Socialists-revolutionary party organization in 1917 – early 1918 / Krestyannikov V. V. // *The Black Sea region. History, politics, culture.* – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 52–60.

The following issues are considered in the article: the formation of one of the largest city organizations of the Socialist-Revolutionary (SR) party in Russia and its structure; its influence on the Black Sea Fleet seamen; the split of the organisation and the emergence of the Left-wing radical fraction of the SRs. The organisation had an enormous influence on the seamen and soldiers of the garrison. However, by the middle of 1917 its impact decreased dramatically because of the discrepancy between the policy of the Central Committee of the Party and the opinion of the seamen masses on instituting capital punishment, state power and the uprising of general Krasnov on the river Don. In December 1917, after the atrocity, the Right wing of the party completely lost its influence. As a result, the Left majority, including left SRs, bolsheviks and anarchists, came to power after the election to the Soviet. Yet, after the so-called "Massacre of St. Bartholomen" in February 1918, the Left wing lost the election as it had opposite views on state construction, home and foreign policy and was not able to anticipate and prevent February events.

Key words. The Black Sea Fleet, Sevastopol, Socialists-revolutionaries, Nikonov, left SRs, central fleet, Bakkal.

УДК 94(477.75)«1917–1918»

DOI 10.5281/zenodo.345095

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ И УКРАИНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

КРЕСТЬЯННИКОВ В.В.

Исследователь (г. Севастополь)

После Февральской революции одними из первых национальных организаций в Севастополе были созданы украинские общественные организации, ориентированные решением 1-го Украинского войскового съезда на требование национально-территориальной автономии Украины, украинизации Черноморского флота и пополнение его исключительно украинцами. Черноморская Украинская громада начала активно проводить в жизнь политику Центральной рады с приездом в Севастополь в августе ее члена К.В. Величко. Активная деятельность украинских общественных организаций, а также несогласованные действия Временного правительства, морского министерства и командующего Черноморским флотом привели к стихийному поднятию на части судов украинских флагов. После того, как Центральная Рада и украинское правительство в феврале 1918 г. стали на позицию борьбы с Россией, подписали Брестский мирный договор на стороне Четвертного союза и призвали на Украину войска Германии и Австро-Венгрии, попытки украинизации флота прекратились. Украинское правительство пыталось получить Крым и Черноморский флот при помощи германских войск, но германское командование неоднократно отвечало, что Крым должен оставаться самостоятельным, но под контролем Германии. История показывает, что украинская националистическая верхушка, придя к власти, пытается оторвать Украину от России, вступает с ней в военный конфликт, и даже использует для этого иностранную военную силу. Так было и при Петре I, и в 1918 г., и в настоящее время.

Ключевые слова: Черноморский флот, Севастополь, Центральная рада, Черноморская Украинская громада, Величко

После Февральской революции на территории России стало набирать силу национально-освободительное движение. В Киеве 4–6(17–19) апреля работал съезд Украинской партии социалистов-революционеров и одновременно 6(19) апреля открылся Всеукраинский национальный конгресс. На конгрессе присутствовали делегаты от различных украинских политических, общественных, культурно-просветительных, профессиональных организаций. В первый же день делегаты провозгласили, что *«только широкая национально-территориальная автономия Украины обеспечит потребность нашего народа и всех других народностей, которые живут на украинской земле»* [2, с. 67]. Была избрана Центральная Рада во главе с одним из лидеров украинских социалистов-революционеров М.С. Грушевским. Интересно, что Конгресс закончил работу 8 апреля, а 9 апреля в Севастополе в цирке Труцци на площади Новосильского состоялось собрание 5000 украинцев, в основном матросов, на котором обсуждался статут Черноморской украинской громады в Севастополе [10, 11 апр.]. Председателем громады был избран В.М. Лашенко¹, один из немногих представителей интеллигенции в этой общественной организации. Такой интерес украинских общественных организаций к Черноморскому флоту и Севастополю объясняется тем, что в составе Черноморского флота служили 65% украинцев, причем, была значительная доля зажиточных крестьян². Причем серьезные изменения произошли в составе флота в годы Первой мировой войны, когда были призваны резервисты из украинских губерний [9, с. 51, 55].

¹ Лашенко Вячеслав Митрофанович (1875–?). Учитель севастопольской женской гимназии. После Февральской революции был одним из инициаторов создания в городе национального украинского комитета. 9.04.1917 был избран председателем Черноморской украинской громады и руководителем просветительной секции, в июле избран гласным городской думы. Вел в городе и на флоте политику, направленную на украинизацию Черноморского флота и подчинение его Центральной раде.

² На Балтийском флоте тогда же служило 15% украинцев.

Выступая 26 июня на V сессии Центральной Рады, М.М. Лашенко так обрисовал работу на Черноморском флоте: *«Состав Громады – матросы, солдаты, рабочие. Создан в Севастополе военный клуб им. Кошевого Серко. При создании Громада встретила прохладное отношение со стороны общественных организаций и адмирала Колчака. С ростом Громады выявилось недоброжелательное отношение к украинцам, главным образом, со стороны российских с-д. Упреков в буржуазности Громады и острых проявлений враждебности не было. Общество имеет с-р фракцию, имеет несколько комиссий. Ведется издательская деятельность. Устроен был национальный праздник. Громада обращается с просьбой к ЦР обратить внимание особенно на Черное море, на работу черноморских громад»* [24, с. 128]. Работу Черноморской громады никто не оценивал, но при отсутствии лидера ее работа была незначительна по сравнению с работой городской организации партии социалистов-революционеров и созданного ею в апреле Крестьянского союза *«с целью защищать чисто классовых интересов крестьянства»* [9], в которых тоже было много украинцев.

Но наиболее резко требования о национально-территориальной автономии, создании украинских национальных воинских частей и украинизации Черноморского флота прозвучали на Первом Украинском войсковом съезде, проходившем в Киеве 5–8(18–21) мая, на котором 625 делегатов представляли 1058712 солдат и офицеров фронтов, флотов и тыла. Резолюции съезда были составлены остро и однозначно: *«...требовать от Временного правительства и Совета солдатских и рабочих депутатов немедленного оглашения особым актом национально-территориальной автономии Украины»* [2, с. 69]. Войсковой съезд принял решение о необходимости в Балтийском флоте укомплектовать украинскими командами несколько кораблей, *«що ж до флоту Чорноморського, то зважаючи на те, що він і зараз складається в переважній більшості з Українців, – з'їзд визнає необхідним надалі поповнювати його виключно Українцями»*¹ [14].

Для поддержки Черноморской громады в Севастополь прибыла делегация украинской громады Гельсингфорса, которая 11 мая сделала доклад о возникновении и организации громады, насчитывавшей 6 тысяч членов, [11, 11 мая]. А вскоре в Севастополь прибыло пополнение Черноморской громады – 4 июля в бухту главной базы флота вошел новейший линейный корабль «Воля» (бывш. «Александр III»), построенный на николаевских заводах. Его команда поддавалась агитации украинских националистов и потребовала поднятия украинского флага. Контр-адмирал Лукин, командовавший в это время Черноморским флотом, запретил это и предписал кораблю идти в Севастополь под Андреевским флагом. Так как некому было вести линкор в Севастополь (офицеры отказались идти под украинским флагом), то команде пришлось подчиниться приказу адмирала Лукина [7, с. 77]. В первой половине июля в Севастополе прошли выборы в Севастопольский Совет, на которых украинские эсеры получили несколько мандатов, и выборы гласных Севастопольской городской думы. За представителей Черноморской украинской громады проголосовало 2483 человек из 51029, что дало им 3 места [17].

Временное правительство затягивало решение национального вопроса, т.е. создание федеративного государства, несмотря на активную позицию создаваемых повсеместно национальных комитетов. Это видно на примере взаимоотношений правительства и Украинской Центральной Рады. 10(23) июня в Первом универсале Центральная Рада, вопреки желанию Временного правительства, провозгласила автономию Украины и создала исполнительный орган – Генеральный секретариат, председателем которого стал В.К. Виниченко. 3(16) июля Центральная Рада фактически отказалась от автономии, отложив ее осуществление до созыва Учредительного собрания. 4(17) августа Временное правительство утвердило временную инструкцию Генерального секретариата Временного правительства на Украине, значительно урезавшую ранее предоставленные права (по соглашению с приезжавшим в Киев А.Ф. Керенским). Согласно инструкции, власть Генерального секретариата распространялась только на Киевскую, Волынскую Подольскую и Черниговскую (без четырех уездов) губернии, из 7 генеральных секретарей *«не менее 4 должны*

¹ *«Что же до флота Черноморского, то учитывая то, что он и сейчас состоит в значительном большинстве из украинцев, – съезд признает необходимым и далее пополнять его исключительно украинцами»* (пер. ред.).

быль замещены из лиц, не принадлежащих к украинской национальности» и, к тому же, Генеральный секретариат являлся совещательным органом, все его предложения должны были утверждаться Временным правительством [8, 6 авг.].

8(21) августа собрание Украинцев – солдат, матросов, офицеров и рабочих в Севастополе высказало возмущение инструкцией Временного правительства и заявило, что «в случае какого-либо насилия над Центральной Радой, они все как один человек с оружием в руках грудью выступят на защиту ее». Собрание потребовало также «учреждения при штабе командующего Черноморским флотом должности генерального комиссара по украинским делам» [25, с. 328]. Украинские почтово-телеграфные чиновники назначили на 20 августа съезд украинцев почтово-телеграфных чиновников, о чем циркулярно разослали телеграммы. На что Исполком Севастопольского Союза почтово-телеграфных и телефонных чиновников ответил, что «...согласно устава Всероссийского почтово-телеграфного союза находит участие на этом съезде служащих нашего округа не допустимым, так как таковой съезд вносит дезорганизацию в наше дело» [4].

Стремление украинизировать Черноморский флот вызвало негативную реакцию и межнациональные конфликты. И тогда Черноморская украинская рада и городской комитет партии украинских социалистов-революционеров провели в Севастополе объединенное заседание, после которого призвали всех украиноязычных военнослужащих и горожан воздержаться от нарушающих гражданское согласие выступлений и митингов. Украинские организации проявили инициативу в объединении движения национальных меньшинств и созвали делегатский съезд национальных организаций и обществ, на котором был сформирован Совет представителей народов [10, 27 авг.].

Во второй половине августа в Севастополь по поручению Центральной Рады приехал подпоручик К.П. Величко¹, который возглавил в городе Украинский войсковой союз и работу по украинизации Черноморского флота.

Временное правительство вело двойственную политику в вопросе формирования украинских частей. 2 сентября штаб командующего Черноморским флотом получил телеграмму дежурного генерала при верховном главнокомандующем № 11740 следующего содержания: «Главком находит желательным производить постепенно обмен офицеров, переводя в украинизируемые части офицеров украинцев из прочих частей с заменой их офицерами не украинцами» [16]. С этого времени на кораблях и судах Черноморского флота, под влиянием украинских общественных организаций, усилилось движение за их украинизацию и поднятие на них украинских флагов. Удалось создать довольно сильные организации на линейных кораблях «Воля», «Евстафий», «Борец за свободу», крейсере «Память Меркурия», эскадренных миноносцах «Завидный», «Звонкий» и др.

В сентябре – начале октября, когда началась подготовка к выборам в Учредительное собрание, просветительная комиссия Совета рабочих и военных депутатов направила для работы в деревнях и селах, в том числе Подольской, Херсонской, Харьковской, Черниговской и Киевской губерний, двадцать пять инструкторов, подготовленных в эсеровском духе [8, 24 сент.]. Укрепились позиции украинских общественных организаций в Севастопольском совете: на выборах 10–14 (23–27) октября украинские эсеры получили 50 мест (до этого их фракции в Совете не было).

Следует отметить, что командующий Черноморским флотом контр-адмирал А.В. Немитц² через лейтенанта Спаде вел переговоры с Центральной Радой. Он предлагал

¹ Величко Константин Павлович (1895–?). Подпоручик, из крестьян Полтавской губернии. В армии с 1916 г., с 03.1917 член полкового комитета и Саратовского совета солдатских и офицерских депутатов. На II Всеукраинском войсковом съезде избран членом Всеукраинского Совета войсковых депутатов и членом Украинской Центральной Рады. Во второй половине августа направлен в Севастополь: член городского комитета партии украинских социалистов-революционеров, в августе-декабре – председатель фракции своей партии в Севастопольском Совете. Хороший оратор. Кандидат в депутаты Учредительного собрания. В 1919–1920 гг. служил в войсках генерала А.И. Деникина. В 1924 г. проживал в г. Прилуки.

² Немитц Александр Васильевич (1879–1967). Окончил морской корпус и Николаевскую морскую академию. В начале 1917 г. капитан I ранга, командир Первого дивизиона Черноморской минной бригады. В августе-декабре 1917 г. – командующий Черноморским флотом, награжден Георгиевским оружием. С 1919 г. – в Красной армии, награжден орденом Красного Знамени. С февраля 1920 по декабрь 1921 г. командовал Морскими силами Респуб-

организовать Черноморское правительство автономных областей, прилегающих к Черному морю, создать коммерческий украинский флот, реформировать Черноморский флот, уволив матросов старших возрастов. Адмирал предложил встретиться в Одессе с представителем Центральной Рады. Этот вопрос был положительно решен 27 ноября на заседании Генерального Секретариата, однако, дальнейшие события, по всей видимости, помешали этой встрече [24, с. 350, 479].

В начале октября первым поднял украинский флаг крейсер Балтийского флота «Светлана» [22, с. 70] и уже 12(25) октября по случаю украинизации крейсера украинский флаг был поднят в Севастополе на эскадренном миноносце «Завидный», команда которого постановила держать украинский флаг поднятым до созыва Учредительного собрания [23, с. 44]. На следующий день на заседании ЦК Черноморского флота в присутствии Генерального комиссара и представителей от Украинского войскового комитета разбирался вопрос об украинизации Черноморского Флота. После обсуждения было решено выделить комиссию, которая рассмотрит вопросы, насколько приемлемо для Черноморского флота предложение Войскового украинского комитета [8, 14 окт.].

15(28) октября морской министр Д.Н. Вердеревский направил в Киев Центральной Раде телеграмму следующего содержания: *«Подъем на судах Черноморского флота иного флага, кроме русского, есть недопустимый акт сепаратизма, так как Черноморский флот есть флот Российской республики, содержащийся на средства Государственного казначейства. Считаю Вашей нравственной обязанностью разяснить это увлекающимся командам Черноморского флота»* [25, с. 423]. На следующий день Д.Н. Вердеревский направил телеграмму аналогичного содержания на имя командующего Черноморским флотом [19].

В начале октября в Севастополь прибыл назначенный комиссаром Центральной Рады при штабе Черноморского флота, по согласованию с Временным правительством, капитан II ранга Е.Н. Акимов¹ [17]. Оказалось, что Временное правительство, морской министр и командующий Черноморским флотом действовали независимо друг от друга. Эти действия развязали руки украинским сепаратистам и вызвали серьезные осложнения на Черноморском флоте. С линкора «Воля» и крейсера «Память Меркурия» было списано около половины команды всего состава матросов-неукраинцев, не поддавшихся националистической пропаганде. Это на время вывело оба корабля из строя. Команда «Завидного» отказалась спускать украинский флаг и призвала личный состав всех кораблей и частей гарнизона поддержать ее требования.

20 октября матросы-украинцы миноносца «Гаджибей» приняли резолюцию: *«Мы готовы идти за вами на благо возрождающейся отчизны нашей... Пусть развивается флаг вольной Украины!»* [15]. Но Севастопольский Совет высказался категорически против: *«считаем, что одним поднятием флага Украина еще не добивается своей полной автономии и что дальнейшее оставление флага на судах флота способствует разжиганию национальной розни и наносит удар единению революционной демократии»* [8, 25 окт.]. Выполняя решение Совета, собрание команды эскадренного миноносца «Фидониси» постановило поднять на гафеле красный флаг, сняв флаги украинский и Андреевский [20, с. 248].

25 октября (7 ноября) произошли два важных события в жизни России – начался контрреволюционный мятеж донского казачества во главе с генералом от кавалерии А.М. Калединым, и в 20 часов 40 минут в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, провозгласивший Советскую власть. На местах началась борьба за власть между всероссийскими и национальными политическими партиями.

лики и одновременно был управляющим делами наркомата по морским делам. В дальнейшем – на преподавательской и научной работе. Умер в Севастополе, погребен на кладбище Коммунаров.

¹ Акимов Евграф Николаевич (1878 – после 1934). Родился в семье морского офицера, дворянина. Окончил Морской корпус в 1899 г. и в чине мичмана направлен на Балтийский флот. Капитан II ранга (1913), помощник командира балтийского флотского экипажа по хозяйственной части. В 1917 г. принимал активное участие в украинизации на Балтийском флоте. По решению Центральной Рады, в начале октября направлен в Севастополь Генеральным Комиссаром Черноморского флота. Вместе с Величко вел активную работу по выделению украинских команд на отдельные корабли флота. Был официально аккредитован при штабе флота. В конце декабря выехал в Киев и работал в Морском Министерстве УНР. Впоследствии эмигрировал.

1(14) ноября на III Всеукраинском войсковом съезде, по инициативе Центральной Рады, была создана Морская Генеральная рада, имевшая задачей подчинить себе Черноморский флот. 5(18) ноября в Севастополе открылся Первый Общечерноморский съезд, на котором одним из главных был вопрос о власти. На одном из заседаний, по требованию представителя севастопольского украинского войскового комитета Величко, обсуждался вопрос о посылке вооруженного отряда на помощь Центральной Раде. Решение о посылке отряда было принято 42 голосами против 27¹. Тогда же было принято большинством голосов решение о посылке отряда в Ростов-на-Дону на борьбу с Калединами. Причем, против посылки отряда выступили командование флотом, эсеры, меньшевики и украинские эсеры [7, с. 81].

7(20) ноября Украинская Центральная рада III Универсалом провозгласила образование Украинской Народной Республики на территории Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической (без Крымский уездов) губерний. В Универсале подчеркивалось, что Украина является частью России, *«сохранила с ней единство для того, чтобы Россия стала федерацией равных и вольных народов»*. 12(25) ноября, по случаю провозглашения Украинской Народной Республики, в Севастополе был организован парад с молебствием. Суда на стенах держали украинские флаги с подъема до спуска флага, а также держали сигнал «Слава Украинской Народной Республике» [8, 15 нояб.].

Однако Центральная Рада негативно отреагировала на призыв Совнаркома к солдатам самим объявлять перемирие на фронтах и утвердила постановление о необходимости завершения войны и порядке подписания мирного договора. Главная часть постановления была посвящена проблеме формирования центрального российского правительства, уполномоченного и признанного всеми, или большинством народов России. По мнению Генерального секретариата, российское правительство должно быть однородно социалистическим и федеративным, созданным *«объединенными силами правительств Украины, Дона, Кавказа, Кубани и других областей вместе с центральными органами Всероссийской революционной демократии»* [3, с. 67].

Не смотря на то, что согласно III Универсалу Крымский полуостров не входил в состав УНР, тем не менее, Центральная Рада и ее Секретариаты направляли приказы и директивы в Севастополь: то создать отряд для обороны побережья [8, 15 нояб.]; то по команде из Киева делегатское собрание украинцев флота гарнизона, заслушав доклад о посылке эскадренного миноносца «Завидный» на Дон, вынесло резолюцию, в которой *«предлагает командующему флотом и Центрофлоту, в случае какой-либо надобности послать один или несколько кораблей в какой-либо из портов для водворения порядка как на украинской, так и не на украинской территории ... оповещать в таких случаях Черноморский украинский войсковой комитет, без ведома которого ни один корабль такого назначения иметь не может»* [8, с. 19 нояб.].

Вместе с тем, не смотря на решение Севастопольского Совета, что вопрос об украинизации должен был быть решен Учредительным собранием [8, 15 нояб.], и решения общего собрания Черноморского флотского экипажа о спуске Андреевского и украинского флагов и поднятии революционного красного флага [13, с. 34], командующий Черноморским флотом контр-адмирал А.В. Немитц 16(28) ноября подписал приказ о передаче крейсера «Память Меркурия» комиссару Центральной Рады [18], а 22 ноября (5 декабря) издал приказ о списании с крейсера 165 матросов (из 570 человек команды) в Черноморский флотский экипаж *«не пожелавших плавать под украинским флагом ... с 14 ноября с.г.»*.

Газета «Русское слово» так описала это событие, состоявшееся 14 ноября: *«В связи с поднятием на крейсере «Память Меркурия» украинского флага состоялся официальный уход с крейсера всех матросов-неукраинцев, к которым присоединились все офицеры. Совершилось перенесение единственного во всем русском флоте Георгиевского Андреевского флага, полученного бригам «Меркурий» за геройские дела с турками и унаследованного крейсером. К борту крейсера была подведена баржа, на которую перешли все великорос-*

¹ Первый эшелон Черноморского куреня прибыл в Киев уже 10(23) ноября. В тот же день представитель куреня матрос Христин выступил с приветствием на заседании Малой рады.

сы и офицеры, за исключением одного мичмана. Развернули Георгиевский флаг и под звуки музыки отчалили на буксире катера. Съехав на берег, направились в казармы. Сцена была потрясающая, матросы и офицеры плакали. По прибытии на берег флаг, простреленный неприятельскими снарядами, был перенесен в Морское собрание» [21]. 20 ноября (3 декабря), согласно решению общего собрания Черноморского флотского экипажа, в 8 часов утра все суда Черноморского флота, за исключением одного миноносца, по церемониалу подняли красные флаги, спустив Андреевские и украинские [21].

Центральная Рада и Украинское правительство встали на позицию борьбы против Советов, силой разгоняя их, противодействуя отрядам, боровшимся против генерала Каледина. 27 ноября (10 декабря) на заседании ЦК Черноморского флота обсуждался вопрос об отношении Центральной Рады к борьбе с Калединым. Был принят текст телеграммы в Киев, в которой Генеральный секретариат запрашивался, какое отношение Центральной Рады к контрреволюционному движению Каледина и намерена ли Рада также вступить на путь активной борьбы с ним или же на путь соглашательства [13, с. 51].

4(17) декабря СНК РСФСР обратился с манифестом к украинскому народу и одновременно в ультимативной форме потребовал от Центральной Рады, чтобы она отказалась от попыток дезорганизации общего фронта, прекратила содействие контрреволюционным войскам и разоружению красногвардейских отрядов на Украине и помогла революционным войскам в их борьбе с калединым мятежом. В ультиматуме указывалось, что в случае неполучения положительного ответа в течение 48 часов, СНК будет считать Раду в состоянии борьбы против Советской власти. На следующий день эсеров-меньшевистский Севастопольский Совет большинством голосов осудил конфликт между СНК и ЦР, обвинив в нем СНК [8, с. 6 декаб.].

Но матросы большинства кораблей Черноморского флота выразили протест против действий Центральной Рады и осудили решение севастопольского Совета [8, 10 декаб.; 13, с. 54; 26, с. 57]. 11(24) декабря Генеральный секретариат Центральной Рады обнародовал ноту ко всем воюющим и нейтральным государствам о мире. В ней говорилось, что «власть СНК не распространяется на Украинскую республику», а так же что мир¹ «может иметь силу для Украинской республики только тогда, когда его условия примет и подпишет правительство Украинской Народной Республики» [3, с. 668]. Не смотря на провозглашение 12(24) декабря в Харькове на Первом Всеукраинском съезде Советов Советской власти на Украине и движение красногвардейских отрядов к Киеву, на заседании Генерального Секретариата УНР обсуждался вопрос о формировании на Украине анти-большевистских русских вооруженных отрядов, о плане деятельности Морского секретариата² [24, с. 59, 61].

В середине декабря Рада через штаб Одесского ВО отдала приказ о демобилизации не-украинских частей на Украине и не крымско-татарских в Крыму, в результате чего Севастопольская крепость осталась без гарнизона [23, с. 54], 29.12.1917 (11.01.1918) года Украинская Центральная Рада объявила Черноморский флот флотом Украинской Народной Республики [24, с. 78–79]. 31.12 (13.01) Генеральный Секретариат постановил прекратить выдачу денежной помощи родственникам военнослужащих, «которые в рядах большевистского войска ведут вероломную войну с Народной Украинской Республикой» [24, с. 83].

В Севастополе, после известных событий, 16 декабря была установлена Советская власть, а в середине января 1918 г. Советская власть была установлена на всей территории Крыма. Команды всех судов, в том числе «Воли» и «Звонкого» выступили против Центральной Рады, на крейсере «Память Меркурия» был спущен украинский флаг [13, с. 92].

11(24) января 1918 г. На заседании Малой Рады УНР был принят IV Универсал, провозгласивший Украину «самостійною, ні від кого незалежною, вільною державою

¹ 5(15) декабря 1917 г. в Брест-Литовске делегация СНК РСФСР подписала с представителями германского и австро-венгерского командования договор о перемирии.

² Согласно этому плану Морской секретариат должен командовать Черноморским флотом, который должен охранять берег Украинской республики и тех государств, граничат по берегу Черного моря. Содержание флота должны взять на себя все те государства, интересы которых он охраняет. Для этой цели достаточно двух броненосцев и флотилии миноносцев с командой в 10–12 тысяч человек.

українського народу»¹ [24, с. 102–104], предупредив телеграммой «организации и начальников украинского флота в Севастополе, что все сношения с представителями иностранных государств, как с Россией, так и другими, будут преследоваться отныне как государственная измена» [23, с. 62]. В ответ на телеграмму объединенное заседание Севастопольского Совета и Черноморского Центрофлота постановило: «...Находя Киевскую раду опаснейшим органом контрреволюции и врагом трудового народа Украины и России, Севастопольский Совет и Центрофлот, с негодованием отвергая великодержавные стремления и притязания Киевской рады, заявляют, что все ее приказы и предписания не признают и признаваться не будут» [1, с. 188–189].

26 января (8 февраля) войска Украинской Советской Республики, подошедшие к Киеву, после упорных уличных боев освободили город от войск Центральной Рады. 27 января (9 февраля) 1918 г. в Брест-Литовске Украинская Народная Республика заключила мирный договор с государствами находившимися в состоянии войны с Россией – Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией [24, с. 137–150], а 30 января (12 февраля) правительство УНР, сбежавшее в Житомир, по инициативе Н. Порша приняло решение обратиться за военной помощью к странам Четверного союза.

В тот же день было подписано обращение к народам Австро-Венгрии и Германии с просьбой о помощи. Особую надежду Рада возлагала на украинцев-галичан²: «Надеемся, что пришел час, когда наши братья рука об руку с возвращающимися военнопленными пойдут на бой против общего врага нашего свободолюбивого украинского народа и придадут ему свежие силы. Это мы желаем сказать в тяжкую годину с надеждой, что наш голос будет услышан» [3, с. 67]. В обращении к населению Украины 23 февраля³ главной причиной прихода иностранных войск Совет народных министров назвал необходимость положить конец ограблению Украины большевиками «...на помощь украинским казакам, которые сейчас бьются с отрядами великоросов-красногвардейцев и солдат, идут дивизии украинских пленных, украинские сичевые стрелцы из Галичины и немецкие войска» [3, с. 73].

Германские войска 18 февраля двинулись широким фронтом на Киев, Полтаву, Харьков и на юг в направлении Ростова-на-Дону. 17 марта германские войска, не смотря на сопротивление Красной армии, захватили Николаев, 19 марта – Херсон, а во второй половине апреля развернули наступление на Крым, в котором приняла участие Запорожская отдельная дивизия под командованием генерала З.Г. Натиева⁴.

19 апреля советские войска оставили Перекоп и Джанкой, в этот же день приказом по морскому министерству УНР капитан II ранга Мисников⁵ был назначен «атаманом обороны Крымского полуострова, командующим Севастопольской крепости и атаманом ныне пребывающего в Крыму флота с правами командующего в военное время» [12, с. 83]. Совет министров УНР просил германского посла Мумма «...помочь ему очистить флот от тех преступных большевистских элементов, которые захватили его, и подчинить флот Украинскому правительству», а также послал телеграмму «Черноморскому флоту, что он не должен воевать с германским вооруженными силами» [22, с. 289]. В то же время капитан II ранга Мисников отдал распоряжение поднять украинские флаги не только на кораблях, но и по всему Крымскому побережью и сообщил, что «всякое вооруженное

¹ «самостоятельным, ни от кого не зависимым, вольным государством украинского народа» (пер. ред.).

² Солдаты-галичане в армии Австро-Венгрии.

³ В связи с введением в Российской Социалистической Республике с 1 февраля 1918 г. Григорианского календаря, следующей после 31 января датой было 14 февраля.

⁴ Натиев Зураб Георгиевич (1869–1937). Осетин, в службе с 1886 г., офицер с 1893 г. Генерал-майор российской армии, участник I Мировой войны. В армии УНР с 1918 г., командовал Запорожской отдельной дивизией, затем Запорожским корпусом. Участвовал в боях с большевиками под Полтавой, Ромоданом, Харьковом. В 1919 г. – организатор кавказского добровольческого батальона. В эмиграции во Франции, умер в Париже.

⁵ Мисников Николай Федорович (1879–?). Окончил Морской корпус в 1898 г. и в чине мичмана назначен в Сибирскую флотилию, капитан II ранга. Участник событий в Китае в 1900–1901 гг., русско-японской войны 1904–1905 гг. Награжден за участие в обороне Порт-Артура пятью боевыми орденами, в том числе орденом св. Георгия IV ст. В 1911–1913 гг. служил на Черноморском флоте, с 1914 – на Балтийском. Участник I Мировой войны. В апреле 1918 г. назначен комендантом Севастопольской крепости и временно командующим флотом. Но в связи с тем, что германское командование вынудило украинские части покинуть Крым, в командование не вступил. Впоследствии эмигрировал.

нападение против УНР, ее власти и имущества, выступление отдельных лиц и организаций считается разбойным» [12, с. 83].

Германские войска подходили к Севастополю, на заседании Центрофлота обсуждался вопрос о немедленной подготовке флота к эвакуации в Новороссийск. Одновременно Центрофлот во главе с С.С. Кнорусом¹, исполняющим обязанности командующего Черноморским флотом контр-адмиралом М.П. Саблиным² вступили в переговоры с представителем Центральной Рады о протекторате Украины над Севастополем и передаче ей Черноморского флота [23, с. 125]. Для переговоров в Севастополь прибыл представитель Центральной Рады Сотник³, однако собрание отвергло предложение Центральной Рады [7, с. 198] и приняло решение эвакуировать флот в Новороссийск.

Севастопольский комиссариат Украинской Народной Республики и Рада Черноморской украинской громады обратились к гражданам Севастополя с воззванием, в котором предлагалось украсить дома желто-голубыми флагами и выйти на манифестацию в поддержку присоединения Севастополя к Украинской Республике. С 27 по 30 апреля у здания Украинского комиссариата на Нахимовском проспекте стояли длинные очереди желающих записаться в «украинское подданство»⁴ [7, с. 217]. 29 и 30 апреля основная часть Черноморского флота ушла в Новороссийск. 1 мая на оставшихся в Севастополе судах были подняты украинские флаги. В 15 часов германские войска вошли в город, расставив в стратегических пунктах пулеметы и пушки.

Однако желание Центральной Рады получить Крым и Черноморский флот не исполнилось – у станции Джанкой головной эшелон дивизии генерала Натиева был остановлен немцами, а затем они потребовали удаления украинцев из пределов Крыма и заняли полуостров самостоятельно [11, с. 20], а 3 мая на всех оставшихся судах были спущены украинские и подняты германские флаги [6, с. 13]. Впоследствии украинское правительство неоднократно возбуждало вопрос о присоединении Крыма к Украине, но немцы определенно отвечали, что Крым должен оставаться самостоятельным.

Источники и литература.

1. Великая Октябрьская социалистическая революция в Украине. М.: Академия Наук СССР, 1957. Т. 1. С. 188–189.
2. Верстюк В.Ф. Українська революція: доба Центральної Ради // Український історичний журнал (УІЖ). 1995. № 2.
3. Верстюк В.Ф. Українська революція: доба Центральної Ради // УІЖ. 1995. № 6.
4. Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-578. Оп. 1. Д. 1. л. 69.
5. Гаркавенко Д.А. Социальный состав матросов русского флота в эпоху империализма // История СССР. 1968. № 5. С. 36–56.

¹ Кнорус Сергей Сергеевич. Юрист. В годы I Мировой войны призван на флот в чине прапорщика (с 09.1917 г. мичман), служил в Черноморском флотском экипаже. В 1917 г. эсер, председатель комитета экипажа, с февраля 1918 г. командир и комиссар экипажа. В феврале 1918 г. избран председателем ЦК ЧФ на II Общечерноморском съезде. Был противником эвакуации флота в Новороссийск. Во время оккупации города германскими и англо-французскими войсками работал мировым судьей 4 участка. В апреле–июне 1919 г. член коллегии СНХ города для управления учреждениями порта и завода, начальник распорядительной части Черноморского флота. В августе 1919 г. арестовывался белой контрразведкой. После окончания гражданской войны – член коллегии защитников в Севастополе.

² Саблин Михаил Павлович (1869–1920). Вице-адмирал (с апреля 1919 г.). Окончил морской корпус в 1890 г. и минный офицерский класс. Участник русско-японской войны. С 1906 г. служил на Черноморском флоте. В ноябре 1914 г. награжден Георгиевским оружием. Командовал Минной бригадой. В конце апреля – начале июня 1918 г. командовал Черноморским флотом. В 1919–1920 годах – в белом Черноморском флоте был Главным командиром судов и портов Черного и Азовского морей, Главным командиром Севастопольского порта, Командующим Черноморским флотом. Умер в Ялте 17(30).10.1920 г., погребен в Севастополе во Владимирском соборе.

³ Сотник Павел. Член Центральной Рады и Всеукраинского Совета крестьянских депутатов от Полтавской губернии.

⁴ Записавшиеся и уплатившие вступительный взнос в размере 20 рублей верили, что членский билет Рады спасет их от репрессий при новом режиме. По свидетельству очевидцев, в эти дни в украинскую Раду записалось около 10 тысяч горожан.

6. Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Л.: Редакционно-издательский отдел морских сил РККФ, 1925. Т. III. С. 13.
7. Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М.: ОГИЗ-Молодая Гвардия, 1932. 288 с.
8. Известия севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917.
9. Известия Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 25 апреля.
10. Крымский вестник. 1917.
11. Лукомский А.С. Противосоветские организации на Украине и начало гетманства // Революция на Украине по материалам белых. М.–Л.: Государственное издательство, 1930. С. 196–211.
12. Матвиенко В.М. До питання про самовизначення Криму в 1917–1918 рр. // УІЖ. 2002. № 5.
13. Моряки в борьбе за власть Советов на Украине / отв. ред. Н.И. Супруненко. К.: Видавництво АН УРСР, 1963. 687 с.
14. Постанови першого Українського Військового З'їзду // ФГУ МГООС. Ф. А-1148. Л. 6.
15. Прибой. 1917. 24 октября.
16. Приказ командующего Черноморским флотом № 3713 от 2.09.1917 // Музей КЧФ. Инв. № 6958.
17. Приказ командующего Черноморским флотом № 4644 от 7.11.1917 // Музей КЧФ. Инв. № 6972.
18. Приказ командующего Черноморским флотом № 4746 от 16.11.1917 // Музей КЧФ. Инв. № 6972.
19. Приказание командующего Черноморским флотом № 4366 от 18.10.1917 // Музей КЧФ. Инв. № 6972.
20. Революция в Крыму (сборник материалов к 10-й годовщине октябрьской революции). Симферополь: Крымгосиздат, 1927. № 1 (7).
21. Русское слово. 1917. 23 ноября.
22. Рябинский К. Революция 1917 года. (Хроника событий). М.–Л.: Государственное издательство, 1926. Т. V. С. 70.
23. Сирченко И.Т. Выполняя приказ В.И. Ленина. М.: Мысль, 1979. 278 с.
24. Українська Центральна Рада: документи і матеріали. К.: Наукова думка, 1996. Т. 1. 589 с.
25. Хесин С.С. Октябрьская революция и флот. М.: Наука, 1971. 488 с.
26. Хроника революционных событий в Крыму. 1917–1920 гг. Симферополь: Крым, 1969. 190 с.
27. Южные ведомости. 1917. 19 июля; 20 июля.

References.

1. Velikaya Oktyabrskaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Ukraine. M.: Akademiya Nauk SSSR, 1957. T. 1. S. 188–189.
2. Verstyuk V.F. Ukraïnska revolyutsiya: doba Tsentralnoi Radi // Ukraïnskiy istorichniy zhurnal (UIZh). 1995. № 2.
3. Verstyuk V.F. Ukraïnska revolyutsiya: doba Tsentralnoi Radi // UIZh. 1995. № 6.
4. Arkhiv goroda Sevastopole (AGS). F. R-578. Op. 1. D. 1. l. 69.
5. Garkavenko D.A. Sotsialnyy sostav matrosov russkogo flota v epokhu imperializma // Istoriya SSSR. 1968. № 5. S. 36–56.
6. Grazhdanskaya voyna. Boyevyye deystviya na moryakh, rechnykh i ozernykh sistemakh. L.: Redaktsionno-izdatelskiy otdel morskikh sil RKKF, 1925. T. III. S. 13.
7. Zhukov V.K. Chernomorskiy flot v revolyutsii 1917–1918 gg. M.: OGIZ-Molodaya Gvardiya, 1932. 288 s.
8. Izvestiya sevastopolskogo Soveta voyennykh i rabochikh deputatov. 1917.
9. Izvestiya Kharkovskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov. 1917. 25 aprelya.
10. Krymskiy vestnik. 1917.
11. Lukomskiy A.S. Protivosovetskiye organizatsii na Ukraine i nachalo getmanstva // Revolyutsiya na Ukraine po materialam belykh. M.–L.: Gosudarstvennoye izdatelstvo, 1930. S. 196–211.
12. Matvienko V.M. Do pitannya pro samoviznachennya Krimu v 1917–1918 rr. // UIZh. 2002. № 5.
13. Moryaki v borbe za vlast Sovetov na Ukraine / отв. red. N.I. Suprunenko. K.: Vidavnistvo AN URSR, 1963. 687 s.
14. Postanovi pershogo Ukraïnskogo Viyskovogo Z'їzdu // FGU MGOOS. F. A-1148. L. 6.
15. Priboy. 1917. 24 oktyabrya.
16. Prikaz komanduyushchego Chernomorskim flotom № 3713 ot 2.09.1917 // Muzey KChF. Inv. № 6958.
17. Prikaz komanduyushchego Chernomorskim flotom № 4644 ot 7.11.1917 // Muzey KChF. Inv. № 6972.
18. Prikaz komanduyushchego Chernomorskim flotom № 4746 ot 16.11.1917 // Muzey KChF. Inv. № 6972.
19. Prikazaniye komanduyushchego Chernomorskim flotom № 4366 ot 18.10.1917 // Muzey KChF. Inv. № 6972.
20. Revolyutsiya v Krymu (sbornik materialov k 10-y godovshchine oktyabrskoy revolyutsii). Simferopol: Krym-gosizdat, 1927. № 1 (7).
21. Russkoye slovo. 1917. 23 noyabrya.
22. Ryabinskiy K. Revolyutsiya 1917 goda. (Khronika sobyitiy). M.–L.: Gosudarstvennoye izdatelstvo, 1926. T. V. S. 70.
23. Sirchenko I.T. Vypolnyaya prikaz V.I. Lenina. M.: Mysl, 1979. 278 s.
24. Ukraïnska Tsentralna Rada: dokumenti i materialy. K.: Naukova dumka, 1996. T. 1. 589 s.
25. Khesin S.S. Oktyabrskaya revolyutsiya i flot. M.: Nauka, 1971. 488 s.
26. Khronika revolyutsionnykh sobyitiy v Krymu. 1917–1920 gg. Simferopol: Krym, 1969. 190 s.
27. Yuzhnyye vedomosti. 1917. 19 iyulya; 20 iyulya.

* * *

Krestyannikov V. V. *The Black Sea Fleet and Ukrainian People's Republic / Krestyannikov V. V. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № IX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P.61–70.*

The Ukrainian public organizations were among the first national organizations formed in Sevastopol after February revolution. Their movement was guided by the decisions made at the First Ukrainian military Congress. They demanded national & territorial autonomy of Ukraine, to bring the Black Sea Fleet under control & recruit only Ukrainians to serve in the Navy. The Black Sea Ukrainian community began to carry out the policy of the Central Rada (CR) after the arrival of Velichko K.V, member of CR, at Sevastopol in August. The activity of the Ukrainian public organizations, as well as uncoordinated actions of the Provisional Government, Board of Admiralty & Commander-in chief of the Black Sea Fleet caused the spontaneous hoisting of Ukrainian flags on some ships. In February 1918 the CR & the Ukrainian Government put into practice the policy of fighting against Russia. They signed Brest peace treaty on the side of the Coalition. They called in militaries of Germany & Austria-Hungary. The Ukrainization of the Fleet ceased. The Ukrainian Government attempted to take control over the Crimea & the Black sea Fleet with the help of German troops, but German military command insisted on self-dependence of the Crimea, though under its control. The course of history shows that when the Ukrainian nationalist upper crust comes to power, it tries to separate Ukraine from Russia, enters into military conflict even using foreign military force. That happened under the reign of Peter the Great; in 1918 and at the present day.

Key words: The Black Sea Fleet, Sevastopol, The Central Rada, The Black Sea Ukrainian Community, Velichko.

**КРЫМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В НАЧАЛЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА
(ПО ДНЕВНИКОВЫМ ЗАПИСЯМ ИЗ ЛИЧНОГО ФОНДА
ПРОФЕССОРА И.А. ЛИННИЧЕНКО
В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ)**

ЛАЗАРЕВА О.Г.

Государственный архив Республики Крым (г. Симферополь)

В статье изучено реформирование Крымского университета в 20-е годы XX в. Особое внимание уделено материалам из личного фонда профессора И.А. Линниченко в Государственном архиве Республики Крым. Автор приходит к выводу, что 20-е гг. XX в. стали переломным моментом, как в истории Крымского университета, так и Крыма в целом. Дневниковые записи профессора воссоздают положение в университете и отношение к происходящим событиям историка И.А. Линниченко, а также его современников, в первые годы Советской власти.

Ключевые слова: Крымский университет, И.А. Линниченко, дневниковые записи, профессор, ученый.

В ноябре 1920 г. Советская власть окончательно установилась в Крыму. На полуострове был сформирован Крымский революционный комитет, который контролировал соответствующие отраслевые отделы. Далее вертикаль власти шла через такие же ревкомы в уездных городах и волостях. Что касается населения Крыма, то не все поддерживали новую власть. Это привело к введению чрезвычайных методов управления. Трагическим последствием установления Советской власти стал организованный большевиками массовый террор, в котором пострадала в большей мере интеллигенция [9, с. 330–332]. Голод 1921–1923 гг. в Крыму усугубил и без того тяжелое положение и унес жизни тысяч людей.

Преобразования новой власти в Крыму не могли не затронуть открытый в 1918 г. Таврический университет. В этом вузе были сосредоточены ведущие научные силы. В трудный период лихолетья 1917–1920 гг. Крым стал местом спасения интеллигенции от большевиков и всеобщей анархии, захлестнувшей центры России и Украины. В ноябре 1919 г. сюда приехал из Одессы профессор, историк Иван Андреевич Линниченко, хорошо известный не только в России, но и за рубежом. Ученый состоял более чем в 60 научных и просветительских обществах старой России и Европы. Работал И.А. Линниченко сначала в Новороссийском, а позже – в Московском университетах.

Сразу после приезда получить должность в Таврическом университете историк не смог. Решить этот вопрос положительно удалось только к октябрю 1920 г. благодаря активной позиции товарища И.А. Линниченко – Арсения Ивановича Маркевича. Иван Андреевич вел в Крыму дневниковые записи, в которых критически отразил окружающее его положение. В них упоминался и Таврический (Крымский) университет.

Первым деканом историко-филологического факультета Таврического университета стал профессор, доктор греческой словесности Алексей Николаевич Деревницкий. Он работал в Харьковском, а позже в Новороссийском университетах. В смутные революционные годы Алексей Николаевич, как и многие другие ученые, оказался в Крыму. В период его работы (1918–1920 гг.) в Таврическом университете историко-филологический факультет стал самым крупным. На трех его курсах числилось более двух тысяч студентов, что составляло более половины всех обучающихся в вузе. При непосредственной помощи А.И. Маркевича декан вел подбор кадров [8, с. 44–45].

Однако 22 ноября 1920 г. распоряжением № 52 комиссара народного просвещения Крыма юридический факультет был преобразован в факультет общественных наук, а ис-

торико-филологический – в философско-словесный факультет [5, с. 172]. В связи с этим деканская служба А.Н. Деревницкого была прекращена. Он продолжил работу в вузе в должности профессора, но не сразу ему удалось получить место на кафедре искусств Востока. Об этом свидетельствует переписка крымского вуза с московским руководством, выявленная А.А. Непомнящим [8, с. 46]. А.Н. Деревницкий был знаком с И.А. Линниченко еще до переезда в Крым, а с 16 июня 1922 г. он возглавил Библиотечный комитет Крымского университета, сменив на этом посту Ивана Андреевича [8, с. 44, 47].

К середине января 1921 г. чрезвычайная комиссия приняла решение о ликвидации факультетов общественных наук, философии и словесности. Таврический университет был переименован в Крымский университет имени М.В. Фрунзе [3, с. 47].

8 июня 1921 г. на совещании представителей отдела народного образования и университета были учреждены три комиссии, призванные рассмотреть предложения собрания профессорско-преподавательского состава университета и подготовить на их основе проект приказа ревкома. Приказом Крымревкома 18 июня 1921 г. ранее закрытый факультет общественных наук был восстановлен [3, с. 51]. О данном событии И.А. Линниченко написал 16/29 августа 1921 г.: *«Сегодня маленькое, но очень характерное для переживаний нашего времени событие. Засед[ание] части нашего ф-та педагог[ического] отд[еления] т.е. бывш[его] ист[орико]-фил[ологического] ф-та вместо упраздн[енных] 2 гуманитарных ф-тов с больш[им] трудом удалось добиться ф-та обществ[енных] наук. <...> Ф-т сост[оит] из 4 отд[елений] – педагог[ического] = ист[орико]-фил[ологический], в к[оторый] прибавили кучу педагог[ических] дисциплин 2) правов[едческое] 3) экономическое и, наконец, 4) вост[очное] отделение»* [2, л. 2].

Еще в то время, когда впервые возникла мысль об учреждении университета в Крыму, во всех инстанциях, через которые походило это предложение, были высказаны пожелания, чтобы в университете было организовано преподавание востоковедения. К этому побуждали не только соображения чисто научного характера, но и желание пойти навстречу научным и культурным запросам местного татарского, армянского и греческого населения, а также настоятельная необходимость подготовить контингент образованных людей, которые могли бы посвятить себя службе на Ближнем Востоке в качестве дипломатических представителей и образованных администраторов или коммерческих агентов, знающих экономическую жизнь, нравы и обычаи восточных народов, условия местных рынков и т.д. [4, с. 41].

Историко-филологический факультет принял постановление об увеличении числа преподавательских должностей: 6 профессоров и 6 лекторов и увеличении состава кафедр, а именно, вводилось 5 кафедр: арабской, тюрко-татарской, сирийской филологии, мусульманского законовещения и этнографии. Вышеизложенное постановление историко-филологического факультета было доложено Совету Таврического университета, который на заседании 7 июня согласился с мнением факультета и единогласно постановил признать желательным открытие восточного отделения на историко-филологическом факультете с 1-го сентября 1919 г. и ходатайствовать перед властями об учреждении соответствующих кафедр и об отпуске потребных для этого сумм [4, с. 43].

29 июня 1921 г. газета «Красный Крым» опубликовала краткое объявление об учреждении нового факультета в Крымском университете. Еще ранее Крымревком направил в Главное управление профессионального образования соответствующий приказ, одновременно ходатайствуя об учреждении в составе Крымского университета факультета общественных наук с отделениями экономическим, общественно-педагогическим и восточным. Однако 8 июля на заседании научно-политической секции Государственного Ученого Совета (ГУС) было принято следующее решение:

а) протестовать против учреждения в Крымском университете факультета общественных наук с тем составом преподавателей, который указан в заявлении Крымревкома;

б) принципиально признать возможным учреждение в составе Крымского университета восточного отделения; предложить университету подобрать преподавателей для данного отделения с предоставлением списка в Государственный Ученый Совет на предмет окончательного разрешения вопроса [5, с. 176].

И.А. Линниченко в дневниках оставил запись, датированную 7/20 июля 1921 г., в которой он описывает изменения для профессуры: «<...> Нам, видите ли, сказали, что мы должны среди членов нашего факультета найти, по крайней мере, 60% марксистов, говорили, что главные предметы экономических и исторических дисциплин непременно должны читаться марксистами. Это первое, а второе то, что там отличное впечатление произвело учреждение восточного отделения на нашем факультете: там сказали вот это то, что нам нужно, и поэтому, во что бы то ни стало, нужно поскорее организовать восточное отделение. И вот начались убеждения – голубчик, запишись марксистом – ну, что Вам стоит, ведь это для блага всего факультета, во имя его существования. Да я собственно не марксист, а так разделяю некоторые его положения – ну мы Вас запишем – примыкающий к марксизму. Один господин сопричислился к марксизму (там его считают марксистом, а он скорее рублицист)» [1, л. 21].

Согласно записям ученого, его коллеги считали, что именно открытие восточного отделения спасло юридический и историко-филологический факультеты от гибели, потому что в этом были заинтересованы власти ввиду «татаризации» Крыма. Сказать всегда легче, чем сделать, поэтому, факультет столкнулся с проблемами. И.А. Линниченко писал: «Положение наше оказалось трудным. Среди нас ни одного ориенталиста, а нужно собрать целое восточное отделение, ученых специалистов по персидскому, арабскому, татарскому языкам и словесности. Дальше Саллам Алейкум и Алейкум Саллам никто из нас в делах восточных не понимал. А нас торопят, давайте скорее отделение, иначе не утвердим факультеты» [2, л. 3]. Он также высказывал беспокойство о качестве образования на восточном отделении, так как не был уверен в знаниях прибывших специалистов: «И вот я очень боюсь что[бы] у нас не повторились случаи 18 в. когда имен[уя] себя фр[анцуза]ми вместо фр[анцузского] яз[ыка] обучали двор[янских] детей языку чукотскому» [2, л. 2]. Ученый с сарказмом отмечал, что прибывшие ученые окончили университеты в Каире, Константинополе и Сорбонне [1, л. 21].

Переписка известных ориенталистов и деятелей крымоведения первой половины XX в. Виктора Иосифовича Филоненко с Игнатием Юлиановичем Крачковским раскрывает деятельность восточного отделения, а позже восточного факультета Крымского университета. Здесь В.И. Филоненко читал курсы персидского языка и литературы. 1 ноября 1921 г. он сообщал И.Ю. Крачковскому, что отделение устроено плохо, на первом курсе сразу 3 языка и диалекты турецкий и крымский. Также отмечал, что в слушатели восточного отделения приглашались лица, которые не получили даже среднего образования, а большинство татар едва говорят на русском. Кафедры арабского и османского языков пусты, так как кандидаты закончили медресе. В связи с низким образовательным цензом Совет факультета их не выбирает. Достаточно скептически про уровень преподавателей восточного отделения отзывался и А.И. Маркевич [7, с. 196–197].

Руководство университета, со своей стороны, принимало меры по обеспечению нормальной работы вуза. Нередко учебные занятия оказывались под угрозой срыва из-за всякого рода повинностей, налагаемых на его здания административными органами Крыма. В университетских помещениях находились военные. Руководству вуза приходилось постоянно отстаивать свои здания. В воспоминаниях И.А. Линниченко за август и сентябрь 1921 г. было выявлено несколько записей о борьбе за здание семинарии: «Наша война за обладание зданием бывшей семинарии в полном разгаре. Но военное ведомство действует решительно внезапным нападением, не объявив даже войны. <...> Вывезли сначала свое и чужое (семинарское) имущество, так как госпиталь военный здесь закрыли – но не успел выехать один госпиталь, как въехал другой, не считая нужным кого-либо предупредить о своем въезде. До сих пор борьба малоуспешна. Военное ведомство не хочет подчиняться распоряжению Ревкома. На дверях здания висит приказ о передаче здания нашему факультету, а им байдуже» [1, л. 9].

Ученый сообщал и о тяжелом положении семинарии: здание разрушено, внутри грязь [1, л. 25]. Но, несмотря на проблемы, все решилось в пользу университета: «Семинарию отвоевали для университета. Но ее отдали общественному факультету на его нужды, что останется – остальным. Семинария еще вполне не освобождена, больных нет,

но есть здоровые какие-то служащие, мужчины и женщины. Начался ремонт здания, что-то белят, красят. Занятия начнутся не раньше 1 октября» [2, л. 5].

К весне 1922 г. положение университета стало критическим. Оно объяснялось отсутствием средств на содержание вуза в Крыму, незначительным и нерегулярным финансированием из центра.

20 февраля 1922 г. председатель Совета по делам высших учебных заведений Главпрофобра Волгин направил в адрес СНК Крыма телеграмму, предложив сохранить в университете только два факультета: физико-математический и медицинский. Агрономический факультет рекомендовалось с 1 марта 1922 г. закрыть, а факультет общественных наук реорганизовать в восточный факультет, но без субсидий на его содержание из центра [3, с. 58].

22 августа 1922 г. Президиум Совнаркома Крыма, заслушав доклад реорганизационной комиссии, принял решение: экономический и правовой отделы факультета общественных наук реорганизовать в социально-экономический институт, а педагогическое отделение – в педагогический институт. В фондах Государственного архива Российской Федерации сохранились документы, содержащие сводные данные о личном составе профессоров и преподавателей обоих институтов. Благодаря их публикации в журнале «Историческое наследие Крыма» В.В. Лавровым и В.В. Бобковым, мы узнаем, что в педагогическом институте И.А. Линниченко преподавал русскую историю, а в социально-экономическом – историю русского права [6, с. 199, 201, 202, 206].

Структуры вуза были разбросаны по всему городу. Восточный факультет находился в здании бывшей духовной семинарии, здесь же размещались и два института. Летом 1923 г. был ликвидирован социально-экономический институт. Почти все его профессора и преподаватели перешли на работу в педагогический институт [3, с. 63–64]. Летом 1924 г. академик, арабист И.Ю. Крачковский был официально направлен Академией наук в Крымский университет для чтения курса лекций на восточном отделении педагогического института. В отчете о поездке он отметил: *«Немногочисленная, но внимательная и аккуратная аудитория, кроме студентов университета, состояла из некоторых профессоров и преподавателей, а также представителей местного населения, преимущественно из среды татарского учительства»* [7, с. 198].

1 октября 1925 года педагогический факультет окончательно был преобразован в Крымский педагогический институт имени М.Ф. Фрунзе, а Крымский университет был упразднен [3, с. 72].

И.А. Линниченко оставил после себя дневниковые записи, которые хранятся в личном фонде ученого в Государственном архиве Республики Крым.

В академических изданиях дата кончины И.А. Линниченко значится 9 июня 1926 г. Однако сотрудником Государственного архива Республики Крым Татьяной Алексеевной Шаровой в документах Стола записей актов гражданского состояния выявлена запись о смерти ученого, в которой указана иная дата: 7 июня 1926 г.¹

20-е годы XX века стали переломным моментом, как в истории Крыма, так и Таврического, а после Крымского университета. Эти изменения отразились на дальнейшей деятельности вуза. Дневниковые записи И.А. Линниченко частично воссоздают атмосферу в вузе и отношение к происходящим событиям ученого и его современников.

Источники и литература.

1. Государственный архив республики Крым (ГАРК). Ф. 538. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАРК. Ф. 538. Оп. 1. Д. 33.
3. Дементьев Н.Е., Роман В.А. Крымский университет в 1921–1925 годы // История Таврического университета. К.: Либідь, 2003. С. 46–72.
4. Доклад об учреждении Отделения восточных языков при историко-филологическом факультете Таврического университета // Известия Таврического университета. 1920. Кн. 2. С. 41–43.
5. Лавров В.В., Бобков В.В. «...Уничтожить легко, восстановить трудно» (факультет общественных наук Крымского университета в свете новых архивных материалов) // Историческое наследие Крыма. 2006. № 15. С. 172–185.

¹ Автор выражает искреннюю признательность Т.А. Шаровой за предоставленную информацию.

6. Лавров В.В., Бобков В.В. Социально-экономический и Педагогический институты при Крымском университете (1922–1923) // ИНК. 2007. № 17. С. 199–210.
7. Непомнящий А.А. Академік Г.Ю. Крачковський і кримські орієнталісти: За матеріалами епістолярію // Східний світ. 2008. № 1. С. 194–209.
8. Непомнящий А.А. А.Н. Деревницкий: неизвестные страницы биографии // Університети=Universitates. 2013. № 4. С. 54–62.
9. Непомнящий А.А., Севастьянов А.В. Красный Крым (1921–1941) // История Крыма. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 330–357.

References.

1. Gosudarstvennyy arkhiv respubliki Krym (GARK). F. 538. Op. 1. D. 3.
2. GARK. F. 538. Op. 1. D. 33.
3. Dementyev N.E., Roman V.A. Krymskiy universitet v 1921–1925 gody // Istoriya Tavricheskogo universiteta. K.: Libid, 2003. S. 46–72.
4. Doklad ob uchrezhdenii Otdeleniya vostochnykh yazykov pri istoriko-filologicheskoy fakultete Tavricheskogo universiteta // Izvestiya Tavricheskogo universiteta. 1920. Kn. 2. S. 41–43.
5. Lavrov V.V., Bobkov V.V. «...Unichtozhit legko, vosstanovit trudno» (fakultet obshchestvennykh nauk Krymskogo universiteta v svete novykh arkhivnykh materialov) // Istoricheskoye naslediyе Kryma. 2006. № 15. S. 172–185.
6. Lavrov V.V., Bobkov V.V. Sotsialno-ekonomicheskyy i Pedagogicheskyy instituty pri Krymskom universitete (1922–1923) // ИНК. 2007. № 17. С. 199–210.
7. Nepomnyashchiy A.A. Akademik G.Yu. Krachkovskiy i krimski orientalisti: Za materialami epistolyariyu // Skhidnyy svit. 2008. № 1. S. 194–209.
8. Nepomnyashchiy A.A. A.N. Derevitskiy: neizvestnyye stranitsy biografii // Universiteti=Universitates. 2013. № 4. S. 54–62.
9. Nepomnyashchiy A.A., Sevastianov A.V. Krasnyy Krym (1921–1941) // Istoriya Kryma. M.: OLMA Media Grupp, 2015. S. 330–357.

* * *

Lazareva O.G. *Crimean University in the early 1920s: studies of Professor I.A. Linnichenko's personal diaries from the State Archive of the Republic of Crimea / Lazareva O.G. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 71–75.*

The study reveals the reformation of the Crimean University in the 1920s. Special attention is paid to materials from Professor I.A. Linnichenko's personal collection in the State Archives of the Republic of Crimea. The author comes to the conclusion that the 1920s became a turning point in the history of the Crimean University and Crimea in whole. The Professor's diaries recreate the situation at the University and historian I.A. Linnichenko's and his contemporaries' attitude to these events in the first years of Soviet power. This material can be used as a source for the history of Vernadsky Crimean Federal University.

Key words: Crimean University, I.A. Linnichenko, diary entries, professor, scientist.

УДК 94(477.75)"1944–1962"

DOI 10.5281/zenodo.345097

КРЫМСКОЕ СЕЛО ЧЕРНОРЕЧЬЕ В 1944–1962 ГГ.

НЕДЕЛЬКИН Е.В.

Институт археологического наследия (г. Алушта)

Статья посвящена изучению истории села Черноречье (быв. Чоргунь), находящегося на территории города федерального значения Севастополя, в 1944–1962 гг. Автор на основе архивных данных изучил, как в одном из самых крупных до Великой Отечественной войны сел Балаклавского района г. Севастополя протекали процессы послевоенного восстановления инфраструктуры и народного хозяйства, заселения региона населением из различных областей РСФСР и УССР, функционирования колхозов. При написании работы использованы материалы Архива города Севастополя.

Ключевые слова: Балаклавский район, демографические процессы, колхоз, Севастополь, Черноречье.

Крымская наступательная операция Красной Армии была одним из самых ярких событий 1944 года. Незадолго до этого немцы были разгромлены под Корсунь-Шевченковским, а вскоре после завершения этой наступательной операции потерпели поражение в Белоруссии, затем – под Яссами и Кишиневом. Итогом последней из упомянутых побед Красной Армии стал выход Румынии из числа союзников Германии и переход ее на сторону стран антигитлеровской коалиции [82, с. 9].

Оккупация немецко-фашистскими войсками Чоргуня продолжалась до апреля 1944 г., когда к Севастопольскому укрепрайону подошли передовые части Отдельной Приморской армии. 17 апреля 77-я стрелковая дивизия добилась некоторых успехов в районе Верхнего Чоргуня, отбросив противника на западный берег реки Черной. В течение 17 и 18 апреля, ведя упорные бои с частями противника, передовые части 32-й гвардейской стрелковой дивизии и 16-го стрелкового корпуса [72, с. 190, 198] продвинулись вперед на 4–7 км и 18 апреля овладели селами Нижний Чоргунь, Камара, Кадыковка [70, с. 97]. 9 мая 1944 г. был освобожден Севастополь, а 12 числа прекратили сопротивление последние группы немецко-фашистских войск в районе мыса Херсонес.

В годы Великой Отечественной войны Севастополь подвергся колоссальным разрушениям: жилищно-коммунальное хозяйство уничтожено на 90%, из 492000 м², жилой площади сохранилось и могло быть восстановлено 55500 м², водопровод разрушен на 40%, канализация – на 30%, электросети – на 90%, трамвай, водный транспорт – на 100%, бани и прачечные – на 25%, дорожное хозяйство и благоустройство – на 80%. Школьная сеть разрушена на 95%, из 28 школ осталось 3, из 33 детских садов могли быть восстановлены только 4. Из всех учреждений здравоохранения частично уцелели только 3 здания 1-й горбольницы. Полностью уничтожены библиотеки, клубы, театры и кино, торговая сеть, местная промышленность. Разграблены музеи, уничтожены памятники. Материальный ущерб, нанесенный городу и порту составил около 2,5 млрд. руб. [69, с. 70]. Значительно пострадали и другие населенные пункты Севастопольского региона.

С 18 по 20 мая с территории Крымского полуострова были выселены крымские татары, цыгане и турки [64, с. 37], а 27 июня выселили греков, болгар и армян [63, с. 656–657; 66]. Эти события коснулись и населения Чоргуня. На момент депортации в Балаклавском районе проживало 14956 чел. (1487 чел. городского и 13469 чел. сельского населения) [78, с. 41]. В ходе депортации из района переселено 11812 чел., осталось – 1311 чел. в Балаклаве и 1833 чел. в селах [80, с. 77].

21 июня 1944 г. Балаклавский районный исполнительный комитет депутатов трудящихся утвердил состав комиссии по колхозам для учета ущерба, причиненного немецко-

фашистскими захватчиками. В составе комиссии по Чоргунскому сельсовету были: Саблин Тихон, Михо Анна, Куртис Тамара, Куртис Иван [17, л. 21]. В соответствующем акте комиссии «об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками» значится, что ими было разрушено 3 здания хозяйственного назначения по восстановительной стоимости на сумму 22840 руб., топлива и готовых продуктов на 600 руб., прочего имущества на 3470 руб., 420 черепичных крыш повреждено и 1 полностью уничтожена (22840 руб.). В документе также приведен список отдельных видов уничтоженного или поврежденного казенного имущества (в скобках указана стоимость): столы письменные – 2 (650 руб.), стулья венские – 10 (250 руб.), шкаф книжный – 1 (350 руб.), диван мягкий – 1 (400 руб.), несгораемая касса – 1 (1000 руб.), подставка для книг – 1 (50 руб.), часы стенные – 1 (70 руб.), канцелярские принадлежности – 1 (400 руб.), уголь – 2 т (600 руб.) [17, л. 48]. В результате боевых действий из 176 домов Чоргуня в 1941 г. было полностью разрушено 145 домов и 31 – на 50% [17, л. 99].

Большой ущерб авиационные бомбардировки, артиллерийские обстрелы и наземные боевые действия нанесли и колхозу «12-я годовщина Октября». Колхозное имущество было расхищено, так как он не был эвакуирован. Сумма ущерба от разрушения и повреждения построек в колхозе составила 523627 руб., также было разграблено и уничтожено сельскохозяйственного инвентаря на сумму 11445 руб. Вообще государством было недополучено 6967477 руб. доходов из-за прекращения деятельности колхоза. Общая сумма ущерба от немецко-фашистских захватчиков и их сообщников составила 20765801 руб. [19, л. 75].

В колхозе было уничтожено, разрушено и повреждено следующее имущество (отдельные виды): жилые дома – 34 (2209 м³) (сумма ущерба – 107468 руб.), школа – 1 (832 м³) (87820 руб.), водяная мельница – 1 (94700 руб.), овчарня – 1 (380 м³) (7176 руб.), конюшня – 1 (1275 м³) (55691 руб.), навес – 1 (243 м³) (3576 руб.), детские ясли – 1 (416 м³) (37164 руб.), общие здания (130032 руб.), плуги – 3 (525 руб.), борона дисковые – 6 (2400 руб.), борона «зиг-заг» – 3 (330 руб.), лушпильники – 2 (470 руб.), грабли конные – 1 (200 руб.), сеялка – 1 (600 руб.), культиваторы – 2 (470 руб.), повозки – 10 (5000 руб.), сбруя – 8 (1200 руб.), весы десятиричные – 1 (250 руб.), быки-производители – 1 (3406 руб.), коровы – 15 (29735 руб.), молодой крупный рогатый скот – 10 (11290 руб.), бараны-производители – 2 (702 руб.), овцематки – 50 (12750 руб.), ягнята – 30 (4110 руб.), кобылы – 5 (22800 руб.), мерины – 5 (22800 руб.), молодые рабочие лошади – 4 (7200 руб.), куры – 130 (3380 руб.), пчелы – 10 (3000 руб.), удобрения – 100 ц (1140 руб.), сады плодовые – 138 га (1290615 руб.), виноградники – 43 га (3527819 руб.), зерновые – 1700 ц (199000 руб.), картофель – 600 ц (48000 руб.), овощи – 700 ц (49000 руб.), бобовые – 625 ц (25625 руб.), мука – 1 ц (160 руб.) [19, л. 77–79].

28 мая 1944 г. на должность председателя Чоргунского сельского Совета заступил Дейнеко Михаил Пантелеймонович, он же стал председателем колхоза «12-я годовщина Октября». На должность председателя колхоза «Коммунар» (Новые Шули) был назначен П.Н. Киселев, а колхоза «Чкалова» (Кучки) – Я.З. Федосеев [31, л. 1–2]. В это время в сельсовете было 32 хозяйства старожилов и 137 хозяйств переселенцев. В колхозе «12-я годовщина Октября» оставалось всего 28 хозяйств старожилов [31, л. 16, 27]. В первую очередь в населении нуждались села и колхозы, полностью опустевшие в результате выселения крымских татар. Так, в селе Уркуста в июле 1944 г. из 1559 чел. оставалось 4 чел., в с. Биюк-Мускомья из 1029 чел. – 2 чел. [78, с. 42]. На хозяйственных работах в селах Ай-Тодор и Уппа было *«занято население, завезенное из Джанкойского района и из числа выздоравливающего госпитального контингента, направленного в район из Симферополя»*. Летом 1944 г. в данных селах числилось 51 чел. и 88 чел. соответственно [16, л. 19].

В этом же году, по постановлению Государственного комитета обороны (№ ГОКО-6372с) [81], началось переселение в Балаклавский район, и в частности в Чоргунь, колхозников из разных районов Воронежской области РСФСР. Первые переселенцы численностью 8470 чел. прибыли в сентябре 1944 г. [80, с. 77]. Во второй половине 1944 г. в Чоргуне уже проживало 43 семьи переселенцев (174 чел.) [18, л. 19]. По данным на январь 1945 г. общее количество населения Балаклавского района составляло 10232 чел. (3656 муж-

ского и 6583 женского). В Чоргунском сельсовете проживало 160 семей колхозников (535 чел.) и 50 семей рабочих и служащих (192 чел.) [34, л. 1, 3]. Массовое переселение колхозников в район продолжалось до 1954 г., с 1950 г. в район стали приезжать колхозники из Сумской области УССР. К 1950 г. общая численность населения Балаклавского района составила 17449 чел. [79, с. 21; 80, с. 77].

По данным на 1 сентября 1945 г. в Чернореченском сельсовете проживало:

Населенный пункт	Мужчин		Женщин		Всего		Национальность [30, л. 16]
	до 18 лет	старше 18 лет	до 18 лет	старше 18 лет	до 18 лет	старше 18 лет	
Чоргунь	54	37	67	119	121	156	168 русских, 109 украинцев
Новые Шули	50	38	49	87	99	125	все русские
Кучки	3	16	4	57	7	73	все русские
Алсу	6	10	19	30	25	40	47 русских, 18 украинцев

1945 г. ознаменовался двумя важными событиями для истории Крыма, как в целом, так и для Чоргуня в частности. Первое – это указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР [83, с. 46]. 25 июня 1946 г. Верховный Совет РСФСР принял соответствующий закон «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область» [62, с. 398]. Второе – это Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О переименовании сельских Советов и населенных пунктов Крымской области» от 21 августа 1945 г. [62, с. 399–412]. Этот законодательный акт в один момент ликвидировал значительную часть сложившихся на протяжении столетий исторических названий населенных пунктов Крыма. В частности Чоргунский сельсовет был переименован в Чернореченский, а сам Чоргунь в Чернореченское [62, с. 400]. Однако этот ойконим не прижился и уже с 1946 г. в бытовом обиходе и отчасти в делопроизводстве стало употребляться название Черноречье.

По данным на 1 января 1945 г. в колхозе «12-я годовщина Октября» (председатель И.М. Корайчев) было 76 хозяйств (семей и одиночек), в которых проживало 249 чел. И, несмотря на почти полное разрушение хозяйства колхоза в этом году, в нем было произведено 19,5 кг мяса и сала, 2 овчины и козчины (включая голяк), 148 л козьего молока [12, л. 2, 6]. Это происходило на фоне улучшения состояния животноводства в целом по сельсовету в 1945 г. Несмотря на все трудности послевоенного времени, с января по ноябрь количество лошадей увеличилось с 8 до 28, крупного рогатого скота – с 8 до 33, овец и коз – с 40 до 100 [35, л. 1, 4–5, 8, 10, 12, 15, 19].

По состоянию на 1 января 1946 г. среди имущества колхоза числилось 2 двигателя внутреннего сгорания, 5 плугов, 12 борон «зиг-заг», 1 сеялка дисковая, 1 культиватор, 1 мех кузнечный, 1 наковальня, 1 тиски, 1 сверлильный станок, 2 молотка, 1 клубник нарезной, 4 шт. резцов, 1 пила по железу, 2 разводных ключа, 5 клещей, 10 ключей. Из мелкого инвентаря: 3 ведра, 1 чугунок, 2 седла, 1 бидон цинковый, 4 шт. вил железных, 2 лопаты, 2 весов десятиричных, 1 весы малые, 28 кос ручных, 3 поливальщика, 2 пилы поперечные, 3 деревянных кадки [13, л. 8, 15].

Таким образом, несмотря на все сложности первых послевоенных лет, хозяйство колхоза постепенно восстанавливалось, а переселенцы из черноземных регионов РСФСР и УССР постепенно учились вести хозяйство в непривычных для них природно-климатических условиях Юго-Западного Крыма.

В феврале 1946 г. в Чернореченском сельсовете насчитывалось 163 хозяйства колхозников, в которых проживало 552 чел. (мужчин старше 18 лет – 45 чел., женщин старше 18 лет – 292 чел., подростков – 109 чел., детей – 276 чел.). По национальному составу колхозники делились на 452 русских и 100 украинцев. Также в сельсовете было 31 хозяйство рабочих и служащих, в которых проживало 78 чел. (мужчин старше 18 лет – 11 чел., женщин старше 18 лет – 37 чел., подростков – 7 чел., детей – 23 чел.). Данных о национальном

составе рабочих и служащих в этот период не сохранилось, но в марте 1946 г. они были представлены 57 русскими и 10 украинцами [37, л. 8, 49].

В рассматриваемый период на территории Чернореченского сельсовета, как и всего Балаклавского района, происходил процесс постоянного механического движения населения, одним из проявлений которого был массовый несанкционированный властями отток по различным причинам переселенцев из мест вселения: как за пределы Крыма, так и в пределах полуострова [84, с. 186–192]. Факторами, которые мешали нормальной адаптации населения на новом месте жительства, были: разруха в районе и недостаточно хорошее снабжение переселенческих хозяйств, непривычные климатические условия, невнимание к их нуждам в ряде колхозов, сложность для многих из переселенцев в освоении непривычных сельскохозяйственных культур, более сложные по сравнению со средней полосой условия земледелия (почва, проблемы с водой) [77, с. 43–44]. Хотя все же одним из показателей, демонстрировавшим положительные тенденции, было уменьшение диспропорции в половом соотношении взрослого трудоспособного населения, так как в начале года женщин старше 18 лет было почти в 6 раз больше, чем мужчин такого же возраста. Такая тенденция наблюдалась с момента прибытия первых переселенцев в Балаклавский район. В октябре 1944 г. из 8470 чел. прибывших насчитывалось: мужчин – 2075 (трудоспособных 752), женщин – 6395 (трудоспособных 2276), подростков – 2172 [76, с. 27].

Так, в декабре 1946 г. в сельсовете оставалось уже 105 хозяйств колхозников, в которых проживал 451 чел. (мужчин старше 18 лет – 84 чел., женщин старше 18 лет – 177 чел., подростков – 31 чел., детей – 159 чел.). По данным на ноябрь 1946 г. колхозники были представлены 378 русскими и 66 украинцами, также с марта по май среди колхозников проживал 1 чуваш. Рабочих и служащих в ноябре этого же года числилось 158 чел. (мужчин старше 18 лет – 30 чел., женщин старше 18 лет – 66 чел., подростков – 14 чел., детей – 48 чел.). По национальной принадлежности они делились на 140 русских, 15 украинцев и 3 греков. Но по данным на декабрь 1946 г. в Чернореченском сельсовете числилось только 23 хозяйства (93 чел.) рабочих и служащих [37, л. 67, 83, 106, 123, 136, 143–144, 171, 197].

В 1947 г. процесс технического движения населения на территории сельсовета продолжался, хотя и в меньших масштабах. В феврале 1947 г. на территории Чернореченского сельсовета было 124 хозяйства колхозников, в которых проживал 471 чел. (мужчин старше 18 лет – 110 чел., женщин старше 18 лет – 229 чел., подростков – 132 чел.). В это же время в сельсовете числилось 37 хозяйств рабочих и служащих, в которых проживало 164 чел. (мужчин старше 18 лет – 55 чел., женщин старше 18 лет – 65 чел., подростков – 44 чел.) [41, л. 17].

Во второй половине 1947 г. в Чернореченском сельсовете (председатель В.И. Ткачев [33, л. 28]) было 128 хозяйств, в том числе 7 дворов одиночек, не входивших в колхоз «12-я годовщина Октября». 24 хозяйства вообще не имели скота, 37 – не имели крупного рогатого скота (39 дворов были без коров, а 89 – имели одну корову). Свиной не имели 126 дворов, а овец и коз – 89 [42, л. 2]. Также сохранились данные о том, что в 1947 г. в Чернореченском сельсовете было 347 чел. избирателей, из которых в Черноречье проживало 325 чел. [38, л. 33–34].

По данным на октябрь 1947 г. в сельсовете было 135 хозяйств колхозников, в которых жило 428 чел. (мужчин старше 18 лет – 102 чел., женщин старше 18 лет – 126 чел., подростков – 94 чел., детей – 106 чел.). В это же время в сельсовете числилось 42 хозяйства рабочих и служащих, в которых проживало 168 чел. (мужчин старше 18 лет – 23 чел., женщин старше 18 лет – 92 чел., подростков – 30 чел., детей – 23 чел.) [41, л. 109].

Площадь колхоза «12-я годовщина Октября» составляла 926,41 га. Сохранившиеся данные свидетельствуют об улучшении состояния животноводства в колхозе. Так с декабря 1946 г. по декабрь 1947 г. количество лошадей увеличилось с 24 до 30 шт., крупного рогатого скота – с 43 до 53 голов, овец и коз – с 129 до 186 голов. В декабре 1946 г. в колхозе было 6 свиной, а в январе 1947 г. уже 27 шт. К июню количество свиной сократилось до 6 шт., но все же к декабрю поголовье увеличилось до 10 шт. [36, л. 12; 40, л. 3, 5; 11, 13; 42, л. 1].

В 1947 г. колхоз «12-я годовщина Октября» имел 21,5 га виноградных насаждений. Все виноградники, разбитые на 9 участков, не имели опор. Только 6,5 га виноградников были пригодны для обработки узкогабаритными тракторами [39, л. 5]. На тот момент со-

хранилось 78110 шт. виноградных лоз рядовой посадки, а погибло – 27342 шт. В сортовом соотношении сохранившиеся виноградные лозы были представлены: Педро Хименес – 8555 шт., Рислинг – 387 шт., Чауш – 3115 шт., Чернокрымский – 32905 шт., Шасла – 6950 шт., Саперави – 12388 шт., Семильон – 11505 шт., 2305 шт. прочих сортов [39, л. 8].

В феврале 1948 г. на территории Чернореченского сельсовета числилось 124 хозяйства колхозников, в которых проживали 491 чел. (227 муж. и 264 жен.). К ноябрю количество хозяйств колхозников увеличилось до 127, а проживало в них 530 чел. (217 муж. и 313 жен.). В феврале того же года на территории сельсовета проживало 157 рабочих и служащих (83 муж. и 74 жен.) в 36 хозяйствах. Однако к ноябрю количество их хозяйств сократилось до 28, а количество проживающих в них до 118 чел. [43, л. 20, 141]. По данным на 1 января 1949 г. проживавшим в 127 хозяйствах колхозникам Чернореченского сельсовета принадлежало 147 голов крупного рогатого скота, 13 свиней, 43 овцы и 146 коз. Рабочие и служащие (28 дворов) имели 45 голов крупного рогатого скота, 7 свиней, 6 овец и 28 коз [44, л. 11–12].

Колхоз «12-я годовщина Октября» (председатель Г.И. Лычагин) по данным на 1 января 1949 г. объединял в себе 65 дворов, его площадь составляла 614,09 га, из которых 431,73 га были пахотными. Колхоз имел 6 рабочих волов, 78 голов крупного рогатого скота, свиноматок старше 9 месяцев – 8 шт., свиней в общем – 29 шт., овец – 170 шт., коз – 97 шт., лошадей – 36 шт. (20 рабочих, 9 кобыл старше 3 лет, 6 жеребят до 1 года) [44, л. 7–8], взрослых кролематок – 20 шт. и 20 семей пчел. В 1948 г. было надоеено коровьего молока 13226 л (сдано государству 4441 л), козьего и овечьего – 1007 л. Также было получено 683 кг мяса и сала, овчины и козлины (включая голяк) – 10 шт., сыра и брынзы – 43 кг, настрижено шерсти овечьей 206 кг [14, л. 2, 5]. В 1948 колхозом было собрано озимой пшеницы 2433 ц (126 га), ржи озимой 53 ц (4 га), ячменя ярового 27 ц (4,5 га), овса 48 ц (15,5 га), кукурузы 139 ц (30 га), бобовых (кроме вики) 36 ц (4,5 га), картофеля 427 ц (8 га), капусты 1130 ц (11,5 га), огурцов 100 ц (2,7 га), помидор 634 ц (7,5 га), столовых корнеплодов 68 ц (8 га), прочих овощей 22 ц (2 га) и 20 ц бахчевых (8 га) [14, л. 3].

Осенью 1948 г. колхозом было засеяно 147 га озимой пшеницы¹ (собрано 1889 ц), 7 га ржи (14 ц), 6 га ячменя (68 ц). Все 160 га посевов сохранились к концу сева яровых 1949 г. Яровые посевы были следующие: 5,5 га ячменя (83 ц), 8 га овса (79 ц), проса 8 га (33 ц), 10 га гороха (74 ц). Также в колхозе были площади, засаженные следующими сельскохозяйственными культурами: 14 га картофеля (4,5 га весенней посадки и 9,5 га летней посадки), 10 га капусты, 2 га огурцов, 6 га помидор, 2 га свеклы столовой, 1 га моркови, 1,2 га лука и чеснока, 5 га прочих овощей. Имелось 6 га бахчи, 2 га кормовых корнеплодов, 6 га люцерны чистой посева 1949 г. и 5,5 га – посева 1948 г. [15, л. 2; 46, л. 3, 5].

В 1949 г. в колхозе было надоеено коровьего молока – 22768 л, произведено мяса и сала – 1403 кг, овчины и козлины – 19 шт., шерсти овечьей полугрубой – 390 кг, яиц – 862 шт., меда (кроме оставленного в ульях на зиму) – 220 кг, 5 кг воска, 133 кг масла коровьего, 320 л сливок и сметаны, 500 кг брынзы и творога, 3131 л обрат [15, л. 4]. По данным на 1 января 1950 г. за колхозом числилось 89 голов крупного рогатого скота, 65 свиней, 222 овцы, 126 коз, 20 кролематок, 271 птица (в том числе 219 кур и петухов), 40 пчелиных семей, 42 лошади. Также имелось 25,5 га садов (яблоня и груша), из которых 14 га плодоносило, 32,5 га виноградников (плодоносило 20 га), 0,5 га питомников, и даже появились небольшие насаждения цитрусовых и эвкалипта [15, л. 3, 5].

В 1949 г. в 132 хозяйствах колхозников Чернореченского сельсовета было высажено 25800 м² ячменя, 64300 м² кукурузы, 9050 м² фасоли, 21900 м² гороха, 9150 м² картофеля, 41600 м² овощей, 3800 м² бахчи, 2900 м² силосных культур, 2400 м² кормовых корнеплодов, 2800 м² однолетних трав. В это же время в 39 хозяйствах рабочих и служащих было 500 м² пшеницы и 800 м² ячменя посева осени 1948 г., а также ярового ячменя – 2950 м², кукурузы – 5100 м², фасоли – 300 м², гороха – 1450 м², картофеля – 600 м², овощей – 4900 м², бахчи – 1400 м², кормовых корнеплодов – 100 м², однолетних трав – 500 м² [46, л. 7–8].

Состояние сельского хозяйства в колхозе «12-я годовщина Октября», объединявшего на тот момент 73 двора, в 1950 г. выглядело следующим образом: из озимых посевов осе-

¹ Из них 6 га сорта «Крымка местная» и 10 га – «Ново-Крымки 204».

ни 1949 г. (130 га пшеницы и 18 га ячменя) к концу сева яровых уцелело 127 га пшеницы, а посевы ячменя погибли полностью. Посев яровых злаковых был представлен 10 га ячменя (сорт «Крымский 17») и 26 га овса (сорт «Лейтевицкий»). Также имелись площади картофеля весенней посадки – 3,5 га и 13,5 га летней посадки (из них 5 га сорта «Лорх» и 1,5 га сорта «Курьер»), капусты – 10 га, огурцов – 2 га, помидоров – 5 га, свеклы столовой – 5 га, моркови столовой – 2 га, лука и чеснока – 2 га, прочих овощей – 3,5 га, бахчи – 8 га, силосных культур, включая кормовую капусту – 21 га, кормовых корнеплодов – 2 га, однолетних трав – 16 га, люцерны чистой – 13 га. Но часть культур погибла, и колхоз был вынужден произвести пересев 3 га бахчи, 1 га овощей, 2 га кормовых корнеплодов и 15 га однолетних трав [49, л. 76; 51, л. 4].

По данным на 1 января 1950 г. за колхозом числилось 89 голов крупного рогатого скота, 65 свиней, 220 овец, 129 коз, 42 лошади и 35 кролематок. В то же время в 126 из 135 хозяйств колхозников Чернореченского сельсовета было 154 головы крупного рогатого скота, 13 свиней, 24 овцы и 171 коза. В 35 из 39 хозяйств рабочих и служащих было 43 головы крупного рогатого скота, 1 свинья, 1 овца и 23 козы [50, л. 15–16, 22].

Также в 1949 г. в хозяйствах колхозников Чернореченского сельсовета было высажено 13400 м² озимой пшеницы (сохранилось 9500 м²) и 15900 м² ячменя (сохранилось 3800 м²). Яровые посевы были следующие: 1500 м² ячменя, 76700 м² кукурузы, 6550 м² фасоли, 15050 м² гороха, 32600 м² картофеля, 33250 м² овощей, 200 м² бахчи, кормовых корнеплодов 200 м² и 230 м² многолетних трав [51, л. 6].

По плану размещения переселенцев по Балаклавскому району в 1950 г. колхоз «12-я годовщина Октября» должен был принять 20 семей. В связи с этим предполагалось построить и отремонтировать дополнительно 27 домов: 20 новых, 1 восстановить, 2 капитально отремонтировать, в 4 провести текущий ремонт [22, л. 32]. В это время шефствующей организацией над колхозом было УНР-134 [23, л. 49].

Исторически важным как для колхоза «12-я годовщина Октября», так и для Черноречья было решение Исполнительного Комитета Балаклавского районного совета депутатов трудящихся от 2 августа 1950 г., в котором шла речь о слиянии колхозов «12-я годовщина Октября», «Коммунар» Чернореченского сельсовета и колхоза «Заря Свободы» Обороневского сельсовета в один колхоз. Этому предшествовали общие собрания членов каждого из этих колхозов 31 июля [20, л. 1]. Однако уже в 1956 г. в результате объединения колхозов «Большевик», «Коммунар», «Коминтерн» и «Профинтерн» был создан совхоз «Золотая балка» [85, с. 136–137].

Состояние земельного фонда колхоза «12-я годовщина Октября» на момент слияния было следующим. Общая площадь земель колхоза составляла 941,68 га, из которых под пашней, огородами и залежами – 450,56 га, под сенокосами – 28,23 га, под выгонами – 208,82 га, под садами – 27,52 га, под виноградниками – 17,74 га, под кустарниками – 125,74 га, под лесом – 0,28 га, под водными ресурсами – 23,05 га, под постройками – 3,43 га, под дорогами, улицами, переулками – 20,44 га, неудобной – 17,82 га, приусадебный фонд – 17,75 га [21, л. 95].

По данным на 1 января 1951 г. уже в укрупненном колхозе «Коммунар» состояло 185 дворов, а его общая площадь была 2115 га. Под пашней находилось 588 га. Площадь посева зерновых культур – 353 га. Крупного рогатого скота насчитывалось 268 голов, свиней – 69 шт., овец – 908 шт., коз – 524 шт., 123 лошади, 1234 шт. взрослой птицы [53, л. 4]. В самом же Черноречье в хозяйствах колхозников насчитывалось 207 голов крупного рогатого скота, 11 свиней, 19 овец и 181 коза. В хозяйствах рабочих и служащих: 36 голов крупного рогатого скота, 6 свиней, 29 коз [53, л. 6].

В 1952 г. общая земельная площадь колхоза составляла 2255,96 га. Пашней, огородами и многолетними насаждениями было занято 903,59 га. Сады рядовой посадки занимали площадь 49,06 га, из которых 46,46 га были семечковые, 2 га косточковые и 0,6 га субтропические. Но всего 6 га посадок были поливными, 17 га пригодными для обработки трактором и 3 га – конной тягловой силой. Также в колхозе было 0,3 га плодовых и ягодных питомников [55, л. 6].

Из семечковых посадок самыми обширными были яблони – 2806 шт., из которых в плодоношение вступило в 1952 г. 2206 шт. В сортовом соотношении они делились таким

образом: Сары Синап – 840 шт., Ранет Симиренко – 723 шт., Розмарин белый – 704 шт., Ранет Шампанский – 406 шт., Кандиль Синап – 75 шт., Ранет Орлеанский – 53 шт. и Наполеон – 5 шт. [55, л. 9, 14]. Другие посадки плодовых деревьев были менее значительными. Так, было всего 288 шт. слив [55, л. 9], 36 шт. черешни (Апрелька – 26 шт., Дрогана желтая – 4 шт., проч. сорта – 6 шт.) [55, л. 10], 14 шт. груш (Бере Боск) [55, л. 9]. Имелись в колхозе и 94 орехоплодных дерева [55, л. 8].

Были в колхозе и более экзотические для данного региона посадки. К ним относятся 100 шт. хурмы [55, л. 12], 359 шт. лимонов, высаженных в специально подготовленной «траншее» площадью 200 м² и 23 шт. мандарин в «траншее» площадью 60 м² [55, л. 16].

В 1952 г. дела в Черноречье шли не лучшим образом. В апреле работа Чернореченского Сельского совета была на низком уровне, постоянно действующие комиссии не работали, руководители хозяйственной деятельности отсутствовали. Выполнение государственных платежей проходило неудовлетворительно. Руководство школой, медицинским пунктом и избой-читальней не осуществлялось [1, л. 3]. Среди других важных задач было завершение ремонта Чернореченской начальной школы и своевременное обеспечение ее топливом, починка сельскохозяйственного инвентаря. Проблемой было и обустройство переселенцев в колхозе «Коммунар», в особенности строительство домов [1, л. 4, 6–8].

Одной из причин такого положения дел было назначение на руководящие посты людей без соответствующего образования и опыта. Так, 17 декабря 1949 г. председателем Чернореченского сельсовета был назначен Пантелей Леонтьевич Ивахненко (1899 г. р., украинец, образование низшее) [32, л. 49]. В декабре 1950 г. на должность председателя сельского Совета заступил Петр Иванович Бойков (1900 г. р., русский, образование – 4 класса, в Советах работал с 1923 г., член ВКП(б) с 1930 г., депутат сельского Совета депутатов трудящихся), секретарем сельсовета в это же время назначен Александр Иванович Лаврентьев (1911 г. р., русский, образование среднее, в Советах работал с 1950 г., беспартийный, депутат сельского Совета депутатов трудящихся) [24, л. 11]. В 1951 г. А.И. Лаврентьев был снят с должности за систематическое пьянство и растратничество [24, л. 49], а весной 1952 г. освободили от должности и П.И. Бойкова, так как он не мог обеспечить руководство сельсоветом [26, л. 6].

В августе 1951 г. на должность секретаря сельсовета назначен Виктор Иванович Герасимов (1933 г. р., русский, образование – 6 классов, опыт работы в Советах – 2 месяца, член ВКП(б) с 1950 г.) [25, л. 38], но он, проработав до весны 1952 г., был призван в армию. На его место в мае 1952 г. назначили Ивана Ивановича Черненко (1923 г. р., украинец, образование – незаконченное среднее (2 курса техникума мелиорации), опыт работы в Советах – 2 месяца, член ВКП(б) с 1944 г.) [26, л. 10]. Не справившись с работой, он был отстранен, и по состоянию на 1 января 1953 г. должность секретаря оставалась вакантной [26, л. 25].

С апреля 1952 г. председателем Чернореченского сельсовета был Федор Иванович Баран (1924 г. р., украинец, образование среднее (финансовый техникум), опыт работы в Советах – 1 год 2 месяца, член ВКП(б) с 1948 г.) [26, л. 10]. Но уже в феврале 1953 г. председателем был назначен Федор Сергеевич Савельев (1893 г. р., русский, образование – 6 классов (военно-пехотная школа), опыт работы в Советах – 2 года 3 месяца, член ВКП(б) с 1928 г., депутат сельского Совета депутатов трудящихся) [27, л. 6]. Следующим председателем Чернореченского сельсовета 5 марта 1955 г. стал Иван Васильевич Ткачев (1906 г. р., русский, образование – 4 класса, опыт работы в Советах – 6 лет, член ВКП(б) с 1939 г., депутат сельского Совета депутатов трудящихся) [29, л. 7]. Он был переизбран на эту же должность 15 марта 1957 г. [6, л. 5].

Секретари сельсовета за этот же промежуток времени менялись еще чаще. В ноябре 1952 г. секретарем стала Нина Романовна Жилыева (1932 г. р., русская, образование – 4 класса, опыт работы в Советах – 5 месяцев, беспартийная) [27, л. 6]. В мае 1953 г. секретарем назначили Лидию Ивановну Ткачеву (1935 г. р., русская, образование 7 классов, опыт работы в Советах – 1 месяц, член ВЛКСМ с 1949 г.) [27, л. 15]. Но она не справилась со своими обязанностями [27, л. 35], и в январе 1954 г. на эту должность была назначена Таиса Петровна Михина (1923 г. р., русская, образование – 7 классов, опыт работы в Советах – 3 месяца, член ВКП(б) с 1944 г.) [28, л. 5]. И наконец, 5 марта 1955 г. секретарем

стала Агафья Карповна Бондаренко (1936 г. р., украинка, образование – 7 классов, опыта работы в Советах нет, член ЛКСМУ с 1951 г., депутат сельского Совета депутатов трудящихся) [29, л. 7].

В заключительном отчете об итогах сева под урожай 1952 г. значилось, что в 201 хозяйстве колхозников Чернореченского сельсовета было посеяно: ярового ячменя – 13500 м², кукурузы – 5920 м², гороха – 10110 м², фасоли – 200 м², картофеля – 57060 м², овса – 30960 м², силосных – 400 м², кормовых корнеплодов – 650 м². В 53 хозяйствах рабочих и служащих было высеяно: ярового ячменя – 850 м², кукурузы – 4170 м², гороха – 420 м², картофеля – 4180 м², овса – 4820 м², бахчи – 100 м² [54, л. 2–3]. В 32 хозяйствах колхозников имелись фруктовые насаждения, а именно: яблоня – 25 шт., груша – 6 шт., айва – 2 шт., слива – 61 шт., вишня – 119 шт., черешня – 47 шт., абрикос – 32 шт., персик – 12 шт., грецкий орех – 2 шт. В двух хозяйствах рабочих и служащих из фруктовых посадок была 1 яблоня, 3 черешни и 2 грецких ореха [55, л. 31–32].

В отчете за следующий – 1953 г., значится, что колхозниками Чернореченского сельсовета было посеяно: озимого ячменя 1953 г. – 1000 м², ярового ячменя – 800 м², проса – 430 м², кукурузы – 6934 м², гороха – 3082 м², фасоли – 1200 м², подсолнечника на зерно – 100 м², картофеля – 58441 м², овощей – 18120 м², кормовых корнеплодов – 400 м², овса – 11300 м². Рабочими и служащими было посеяно: 500 м² кукурузы, фасоли – 100 м², картофеля – 3223 м², овощей – 2618 м², кормовых корнеплодов – 151 м², овса – 300 м² [56, л. 3–4]. 162 хозяйства колхозников имели 266 голов крупного рогатого скота, 129 свиней, 43 козы, а в 32 хозяйствах рабочих и служащих было 38 голов крупного рогатого скота, 14 свиней и 12 коз [57, л. 116–117].

По данным на 1953 г. в колхозе «Коммунар» было 18 участков земли под виноградниками, общей площадью 62,19 га. Из них 52,35 га рядовой посадки (107567 шт.) и 9,84 га бессистемной посадки (52733 шт.). 34,69 га были пригодными для обработки трактором, а 27,5 га только вручную [56, л. 65]. В сортовом соотношении они делились следующим образом: Чернокрымский – 64863 шт., Мускатель (Педро Крымский и Педро Хименес) – 45889 шт., Чауш – 17241 шт., Алеатико – 11868 шт., Шасла – 9332 шт., Токайские (Фурминт и Гарс Левелю) – 3634 шт., Мускат белый (Ладанный) – 3474 шт., Каберне – 1696 шт., Изабелла – 1606 шт., Мадлен Анжевин – 640 шт., прочих сортов – 57 шт. [56, л. 66–67].

Однако существовал и ряд проблем, связанный с выращиванием садов и виноградников в колхозе в этот период, среди которых было недостаточное обеспечение техникой, инвентарем, удобрениями, возможность орошения лишь относительно небольшой части садов и т.д. Не маловажным фактором, влияющим на рост садов и виноградников, были погодные условия. Так, например, под влиянием неблагоприятных погодных условий, к 1952 г. только фруктовых деревьев погибло 891 шт.

По данным на 1 января 1953 г. общая численность населения Чернореченского сельсовета составляла 781 чел. Из них в Черноречье 114 хозяйств (415 чел.) колхозников и 7 хозяйств (19 чел.) рабочих и служащих, в Штурмовом – 68 хозяйств (267 чел.) колхозников и 16 хозяйств (47 чел.) рабочих и служащих, в Морозовке – 9 хозяйств (33 чел.) рабочих и служащих [58, л. 2]. В 1953 г. на территории сельсовета было основано новое село. Первоначально оно фигурировало в документах под названием Новый Поселок. Однако 26 мая 1954 г. исполнительный комитет районного Совета депутатов трудящихся Балаклавского района утвердил решение общего собрания членов колхоза «Коммунар» о присвоении новому поселку названия Хмельницкое в честь гетмана Войска Запорожского Богдана Зиновия Михайловича Хмельницкого (1595/6–1657 гг.). Это решение было приурочено к 300-летию воссоединения Украины с Россией [73, с. 75].

Общая численность населения Чернореченского сельсовета по данным на 1 января 1954 г. составляла 872 чел. В Черноречье было 78 хозяйств (377 чел.) колхозников и 5 хозяйств (11 чел.) рабочих и служащих, в Штурмовом – 56 хозяйств (253 чел.) колхозников и 12 хозяйств (25 чел.) рабочих и служащих, в Хмельницком – 41 хозяйство (157 чел.) колхозников, а в Морозовке – 18 хозяйств (49 чел.) рабочих и служащих [60, л. 3]. В 1954 г., в рамках объединения сельских Советов в более крупные, проводившегося в масштабах всей страны, в состав Чернореченского сельсовета было передано село Оборонное из упраздненного Оборонковского сельсовета [74, л. 287]. По данным на 1 января 1955 г. в

Черноречье было 148 хозяйств (424 чел.), в Штурмовом – 88 хозяйств (406 чел.), в Хмельницком – 87 хозяйств (302 чел.), в Оборонном – 48 хозяйств (172 чел.), в Морозовке – 11 хозяйств (29 чел.) [61, л. 4].

В 1954 г. из 216 хозяйств колхозников Чернореченского сельсовета посе́вы имели 146, среди которых было 7650 м² кукурузы, 4350 м² гороха, 78900 м² картофеля, 56100 м² овощей. В 23 хозяйствах рабочих и служащих имелось посадок: кукурузы – 100 м², фасоли – 24 м², картофеля – 6052 м² и 5429 м² овощей [59, л. 10–11].

В 1954 г. Н.С. Хрущев передал Крым из состава РСФСР в состав УССР с грубейшими нарушениями норм действовавших в то время Конституций СССР и РСФСР [65]. Такого дара, наверное, не было со времен средневековья [71, с. 8]. Однако это не облегчило жизнь населения региона. После подчинения напрямую Севастопольскому городскому Совету в 1957 г. [75, с. 18], в Чернореченском сельсовете проблем не убавилось. Не способствовало улучшению жизни чернореченцев и перенесение с 1 сентября 1955 г. сельского фельдшерского пункта в село Хмельницкое [2, с. 24]. Сохранились данные и о том, что в Терновском, Чернореченском, Орлиновском и Гончарновском сельсоветах братские могилы советских воинов до сих пор находились в «запущенном состоянии». В связи с этим Исполком Балаклавского районного Совета депутатов трудящихся постановил закончить до 1 октября 1955 г. благоустройство кладбищ [2, л. 2].

Чтобы хоть как-то изменить существующее положение дел был принят ряд постановлений, которые касались как села в частности, так и сельсовета в целом. Суть этих документов сводилась к следующему:

- Провести разъяснительную работу среди населения.
- К 1 мая 1956 г. произвести побелку всех общественных зданий, а также домов крестьян, рабочих и служащих [5, л. 4].
- Провести озеленение всех населенных пунктов Чернореченского сельсовета [5, л. 23]. По плану озеленения сельсовета к осени 1956 г. планировалось высадить 915 шт. декоративных деревьев, 2900 шт. виноградных кустов, 500 шт. плодовых деревьев, 1600 шт. кустарников [3, л. 34].

Неудовлетворительной была и работа сельского клуба, которым в это время заведовал Н.М. Задорожнюк. План работы не выполнялся, кружки художественной самодеятельности не работали, сам клуб часто был закрыт [4, л. 24]. Ремонт здания клуба, под которое в апреле 1950 г. была отведена конюшня [68, с. 5], не проводился, хотя стройматериалы для этого были завезены [5, л. 18]. 24 апреля 1958 г. зав. клубом была назначена Е.В. Лысенко [11, л. 2]. Не в самом лучшем положении была и библиотека Черноречья. И все же к 1958 г. ее работа улучшилась, книжный фонд увеличился, как и круг читателей [8, л. 5]. Но приказом от 29 июля 1958 г. библиотеки Черноречья и Хмельницкого были объединены в одну, находившуюся в Хмельницком, а в Черноречье открыт пункт выдачи книг [11, л. 4]. Большой проблемой для сельсовета был дефицит многих товаров, иногда даже самых необходимых, а также плохое качество имеющихся [7, л. 22].

Еще хуже дела обстояли с сельской школой. Заведующая школой Л.Н. Иванова в 1956 г. сетовала на то, что старое здание сырое и непригодное для проведения занятий. Также в школе был неполный штат учителей. Существовали и педагогические проблемы с учащимися-украинцами [8, л. 9]. В августе 1958 г. школа снова была не готова к новому учебному году, в классах не было нормальных окон с форточками, спортивная площадка не засыпана щебнем, не завезен уголь для отопления и т.д. [7, л. 21]. К 1959 г. состояние школы (директор М.А. Шашкова) стало аварийным. При обследовании чердачного перекрытия инженером-строителем обвалился потолок [8, л. 16]. Проблема с обучением детей была решена за счет перевода их в недавно построенную школу в Хмельницком (№ 36).

Важными задачами для Чернореченского сельского Совета в 1959 г. оставались:

- Капитальный ремонт электростанции в с. Верхнее Черноречье.
- Ремонт участка дороги от Хмельницкого до Черноречья.
- Осуществление нумерации домов и присвоение названий улицам сельсовета.
- Озеленение всех населенных пунктов и общественных организаций по сельсовету.
- Ограждение заборами всех домов и общественных построек по сельсовету.

- Решение проблемы с водоснабжением Верхнего Черноречья¹ [9, л. 5, 19].

Исторически важной для Черноречья была VII сессия сельского Совета депутатов трудящихся VIII созыва, состоявшаяся 10 августа 1962 г. Во время ее работы главной обсуждаемой темой было озвученное предложение об упразднении сельского Совета, в связи с экономической целесообразностью, и о включении всех 5 населенных пунктов сельсовета в черту г. Севастополя. Сессия постановила: *«Учитывая экономическую целесообразность упразднить Чернореченский сельский Совет и отнести в черту города Севастополя все пять населенных пунктов: Хмельницкое, Черноречье, Штурмовое, Оборонное и Морозовку с передачей их территории Балаклавскому району г. Севастополя»* [10, л. 21–22].

Так закончилась история Черноречья как самостоятельной административно-территориальной единицы. Фактически оно никуда не исчезло, остались те же улицы, с теми же домами и людьми, живущими в них. На этом не закончилось многовековое существование его как населенного пункта, но официально оно стало частью территории г. Севастополя. Вновь статус отдельного населенного пункта Черноречье, как и остальные упраздненные села бывшего Чернореченского сельсовета, получило в 2014 г., после воссоединения Крыма и Севастополя с Россией [67]. По данным переписи населения в Крымском федеральном округе по состоянию на 14 октября 2014 г. в селе проживало 354 чел. (168 муж. и 186 жен.) [86].

Источники и литература.

1. Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 1.
2. АГС. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 4.
3. АГС. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 5.
4. АГС. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 8.
5. АГС. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 13.
6. АГС. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 20.
7. АГС. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 28.
8. АГС. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 30.
9. АГС. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 38.
10. АГС. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 47.
11. АГС. Ф. Р-150. Оп. 2. Д. 30.
12. АГС. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 21.
13. АГС. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 133.
14. АГС. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 262.
15. АГС. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 340.
16. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 1.
17. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 3а.
18. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 11.
19. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 13.
20. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 73.
21. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 74.
22. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 77.
23. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 78.
24. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 100.
25. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 104.
26. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 127.
27. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 140.
28. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 151.
29. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 173.
30. АГС. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 2.
31. АГС. Ф. Р-430. Оп. 6. Д. 15.
32. АГС. Ф. Р-430. Оп. 6. Д. 29.
33. АГС. Ф. Р-430. Оп. 6. Д. 42.

¹ Первоначально планировалось решить проблему водоснабжения села за счет подачи воды из пробуренной скважины. Однако местные горные породы богаты железом, вследствие чего вода стала поступать в дома с ржавчиной. Впоследствии прекратилась подача и этой воды. В 2015 г. ГУП Севастополя «Водоканал» были проведены работы по ремонту системы водоснабжения. Забор воды теперь осуществляется из р. Черной на территории 2-го гидроузла предприятия, что позволило получать пригодную для хозяйственно-бытовых нужд воду.

34. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 9.
35. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 10.
36. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 23.
37. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 25.
38. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 37.
39. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 39.
40. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 40.
41. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 42.
42. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 55.
43. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 56.
44. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 72.
45. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 73.
46. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 74.
47. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 77.
48. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 78.
49. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 80.
50. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 89.
51. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 90.
52. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 95.
53. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 107.
54. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 131.
55. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 132.
56. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 150.
57. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 153.
58. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 154.
59. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 166.
60. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 169.
61. АГС. Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 175.
62. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник / под ред. Л.В. Гурбовой. Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. 464 с.
63. Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.
64. Бугай М.Ф. Депортація кримських татар у 1944 р. // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 29–44.
65. Вишняков В.Г. Крым: право и политика. М.: ЮРКОМПАНИ, 2011. 612 с.
66. Джуха И.Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб.: Алетейя, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.greek-martirolog.ru/1940/book1940_p02_gl02.php
67. Закон города Севастополя № 17-ЗС от 3.06.2014 г. «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sevastopol.gov.ru/17-zs-ot-3-06-2014.html>
68. Калько А.Г. В Черноречье – юбилей // Слава Севастополя. 2010. № 81–82 (23241–23242). С. 5.
69. Коротун Е.В. Севастополь в первые дни после освобождения // V Таврические научные чтения (21 мая 2004 г., г. Симферополь) / гл. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь: ООО «Мустанг», 2005. С. 70–75.
70. Литвин Г.А., Смирнов Е.И. Освобождение Крыма (ноябрь 1943 г. – май 1944 г.). Документы свидетельствуют. М.: Агентство «Кречет», 1994. 151 с.
71. Мальгин А.В. «Храмовая гора» нашей цивилизации // Самопознание. Информационный бюллетень форума «Бердяевские чтения». 2015. № 1. Сакральная география. Места памяти. Крым. С. 5–9.
72. Мощанский И.Б. Трудности освобождения. М.: Вече, 2009. 230 с.
73. Неделькин Е.В. Село Хмельницкое в 50-х гг. XX века // Черноморские чтения: Материалы II Международной научной исторической конференции. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2015. С. 75–77.
74. Неделькин Е.В., Хапаев В.В. Административно-территориальное деление Балаклавского района в 50-е годы XX века // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (12–13 февраля 2015 г., г. Нижневартовск). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. Ч. I. С. 286–288.
75. Никитина И.В. Балаклавский район г. Севастополя. К вопросу об истории административно-территориальных изменений. (1921 год – настоящее время) // VIII Таврические научные чтения (1 июня 2007 г., г. Симферополь) / гл. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь: ЧП «Еврострой», 2007. Ч. 2. С. 15–21.
76. Никитина И.В. Из истории реализации переселенческой политики в Балаклавском районе в 1944–1951 гг. // IX Таврические научные чтения (30 мая 2008 г., г. Симферополь) / гл. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь: ЧП Гурьев С.С., 2009. Ч. 2. С. 26–32.
77. Никитина И.В. Демографические процессы в Балаклавском районе после Великой Отечественной Войны на примере положения переселенцев // X Таврические научные чтения (29 мая 2009 г., Симферополь) / гл. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь: Центральный музей Тавриды, 2009. Ч. 2. С. 41–44.

78. Никитина И.В. Население Балаклавы и Балаклавского района в 1944–1950-е годы: статистический аспект // XI Таврические научные чтения (28 мая 2010 г., г. Симферополь) / гл. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь: Центральный музей Тавриды, 2011. Ч. 2. С. 40–44.
79. Никитина И.В. Переселение в Крым колхозников Сумской области в начале 1950-х гг.: статистический аспект // XIV Таврические научные чтения (31 мая 2013 г., г. Симферополь) / гл. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь: Центральный музей Тавриды, 2014. Ч. 2. С. 21–23.
80. Никитина И.В. Социально-экономическое положение сельского населения Балаклавского района во второй половине 1940-х гг. // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2014 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2014» / под ред. М.Э. Соколова, В.А. Иванова, Н.Н. Миленко и др. Севастополь: ООО «Экспресс-печать», 2014. С. 77–78.
81. Постановление Государственного комитета обороны № ГОКО-6372с от 12 августа 1944 г. «О переселении колхозников в районы Крыма». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194408/gko_6372.html
82. Рунов В., Зайцев Л. Битва за Крым 1941–1944 гг. От разгрома до триумфа. М.: Яуза-пресс, 2014. 384 с.
83. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 500 с.
84. Сидоренко Н.А. Жилищно-бытовые проблемы как фактор реэмиграции русского этноса Крыма в 40–50-е годы XX века // Общество и экономика постсоветского пространства. Международный сборник научных статей (18 октября 2013 г., г. Липецк). Липецк: Издательский центр «Гравис», 2013. Вып. V. С. 186–192.
85. Чесняк А. Балаклава и ее окрестности. Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 1999. 152 с.
86. Численность населения города Севастополя. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sevastopol.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sevastopol/resources/c2deee80499a5fb88a36ea2d12c3261e/pub-01-03.pdf

References.

1. Arkhiv goroda Sevastopolya (AGS). F. R-150. Op. 1. D. 1.
2. AGS. F. R-150. Op. 1. D. 4.
3. AGS. F. R-150. Op. 1. D. 5.
4. AGS. F. R-150. Op. 1. D. 8.
5. AGS. F. R-150. Op. 1. D. 13.
6. AGS. F. R-150. Op. 1. D. 20.
7. AGS. F. R-150. Op. 1. D. 28.
8. AGS. F. R-150. Op. 1. D. 30.
9. AGS. F. R-150. Op. 1. D. 38.
10. AGS. F. R-150. Op. 1. D. 47.
11. AGS. F. R-150. Op. 2. D. 30.
12. AGS. F. R-401. Op. 1. D. 21.
13. AGS. F. R-401. Op. 1. D. 133.
14. AGS. F. R-401. Op. 1. D. 262.
15. AGS. F. R-401. Op. 1. D. 340.
16. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 1.
17. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 3a.
18. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 11.
19. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 13.
20. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 73.
21. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 74.
22. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 77.
23. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 78.
24. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 100.
25. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 104.
26. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 127.
27. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 140.
28. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 151.
29. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 173.
30. AGS. F. R-430. Op. 3. D. 2.
31. AGS. F. R-430. Op. 6. D. 15.
32. AGS. F. R-430. Op. 6. D. 29.
33. AGS. F. R-430. Op. 6. D. 42.
34. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 9.
35. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 10.
36. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 23.
37. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 25.

38. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 37.
39. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 39.
40. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 40.
41. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 42.
42. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 55.
43. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 56.
44. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 72.
45. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 73.
46. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 74.
47. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 77.
48. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 78.
49. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 80.
50. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 89.
51. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 90.
52. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 95.
53. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 107.
54. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 131.
55. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 132.
56. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 150.
57. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 153.
58. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 154.
59. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 166.
60. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 169.
61. AGS. F. R-453. Op. 1. D. 175.
62. Administrativno-territorialnyye preobrazovaniya v Krymu. 1783–1998 gg. Spravochnik / pod red. L.V. Gurbovoy. Simferopol: Tavriya-Plyus, 1999. 464 s.
63. Berdinskikh V.A. Spetsposelentsy. Politicheskaya ssylka narodov Sovetskoy Rossii. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2005. 768 s.
64. Bugay M.F. Deportatsiya krimskikh tatar u 1944 r. // Ukraïnskiy istorichniy zhurnal. 1992. № 1. S. 29–44.
65. Vishnyakov V.G. Krym: pravo i politika. M.: YuRKOMPANI, 2011. 612 s.
66. Dzhukha I.G. Spetseshelony idut na Vostok. Istoriya repressiy protiv grekov v SSSR: deportatsii 1940-kh gg. SPb.: Aleteyya, 2008. [Elektronnyy resurs]. Url.: http://www.greek-martirolog.ru/1940/book1940_p02_gl02.php
67. Zakon goroda Sevastopolya № 17-ZS ot 3.06.2014 g. «Ob ustanovlenii granits i statute munitsipalnykh obrazovaniy v gorode Sevastopole». [Elektronnyy resurs]. Url.: <http://sevastopol.gov.ru/17-zs-ot-3-06-2014.html>
68. Kalko A.G. V Chernorechye – yubiley // Slava Sevastopolya. 2010. № 81–82 (23241–23242). S. 5.
69. Korotun E.V. Sevastopol v pervyye dni posle osvobozhdeniya // V Tavricheskiye nauchnyye chteniya (21 maya 2004 g., g. Simferopol) / gl. red. E.B. Vishnevskaya. Simferopol: OOO «Mustang», 2005. S. 70–75.
70. Litvin G.A., Smirnov E.I. Osvobozhdeniye Kryma (noyabr 1943 g. – may 1944 g.). Dokumenty svidetelstvuyut. M.: Agentstvo «Krechet», 1994. 151 s.
71. Malgin A.V. «Khramovaya gora» nashey tsivilizatsii // Samopoznaniye. Informatsionnyy byulleten foruma «Berdyayevskiy chteniye». 2015. № 1. Sakralnaya geografiya. Mesta pamyati. Krym. S. 5–9.
72. Moshchanskiy I.B. Trudnosti osvobozhdeniya. M.: Veche, 2009. 230 s.
73. Nedelkin E.V. Selo Khmel'nitskoye v 50-kh gg. XX veka // Chernomorskiye chteniya: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy istoricheskoy konferentsii. Simferopol: Krymskiy federalnyy universitet im. V.I. Vernadskogo, 2015. S. 75–77.
74. Nedelkin E.V., Khapayev V.V. Administrativno-territorialnoye deleniye Balaklavskogo rayona v 50-e gody XX veka // Kultura. nauka. obrazovaniye: problemy i perspektivy: Materialy IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Nizhnevartovsk, 12–13 fevralya 2015 goda). Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2015. Ch. I. S. 286–288.
75. Nikitina I.V. Balaklavskiy rayon g. Sevastopolya. K voprosu ob istorii administrativno-territorialnykh izmeneniy. (1921 god – nastoyashcheye vremya) // VIII Tavricheskiye nauchnyye chteniya (1 iyunya 2007 g., g. Simferopol) / gl. red. E.B. Vishnevskaya. Simferopol: ChP «Evrostroy», 2007. Ch. 2. S. 15–21.
76. Nikitina I.V. Iz istorii realizatsii pereselencheskoy politiki v Balaklavskom rayone v 1944–1951 gg. // IX Tavricheskiye nauchnyye chteniya (30 maya 2008 g., g. Simferopol) / gl. red. E.B. Vishnevskaya. Simferopol: ChP Guryev S.S., 2009. Ch. 2. S. 26–32.
77. Nikitina I.V. Demograficheskiye protsessy v Balaklavskom rayone posle Velikoy Otechestvennoy Voyny na primere polozheniya pereselentsev // X Tavricheskiye nauchnyye chteniya (29 maya 2009 g., Simferopol) / gl. red. E.B. Vishnevskaya. Simferopol: Tsentralnyy muzey Tavridy, 2009. Ch. 2. S. 41–44.
78. Nikitina I.V. Naseleniye Balaklavy i Balaklavskogo rayona v 1944–1950-e gody: statisticheskiy aspekt // XI Tavricheskiye nauchnyye chteniya (28 maya 2010 g., g. Simferopol) / gl. red. E.B. Vishnevskaya. Simferopol: Tsentralnyy muzey Tavridy, 2011. Ch. 2. S. 40–44.
79. Nikitina I.V. Pereseleniye v Krym kolkhoznikov Sumskoy oblasti v nachale 1950-kh gg.: statisticheskiy aspekt // XIV Tavricheskiye nauchnyye chteniya (31 maya 2013 g., g. Simferopol) / gl. red. E.B. Vishnevskaya. Simferopol: Tsentralnyy muzey Tavridy, 2014. Ch. 2. S. 21–23.

80. Nikitina I.V. Sotsialno-ekonomicheskoye polozheniye selskogo naseleniya Balaklavskogo rayona vo vtoroy polovine 1940-kh gg. // Materialy Nauchnoy konferentsii «Lomonosovskiy chteniya» 2014 goda i Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov-2014» / pod red. M.E. Sokolova. V.A. Ivanova. N.N. Milenko i dr. Sevastopol: OOO «Ekspress-pechat», 2014. S. 77–78.
81. Postanovleniye Gosudarstvennogo komiteta oborony № GOKO-6372s ot 12 avgusta 1944 g. «O pereselenii kolkhoznikov v rayony Kryma». [Elektronnyy resurs]. Url.: http://teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194408/gko_6372.html
82. Runov V., Zaytsev L. Bitva za Krym 1941–1944 gg. Ot razgroma do triumfa. M.: Yauza-press, 2014. 384 s.
83. Sbornik Zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR (1938 – iyul 1956 gg.). M.: Gosudarstvennoye izdatelstvo yuridicheskoy literatury, 1956. 500 s.
84. Sidorenko N.A. Zhilishchno-bytovyye problemy kak faktor reemigratsii russkogo etnosa Kryma v 40–50-e gody KhKh veka // Obshchestvo i ekonomika postsovetetskogo prostranstva. Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh statey (g. Lipetsk, 18 oktyabrya 2013 g.). Lipetsk: Izdatelskiy tsentr «Gravis», 2013. Vyp. V. S. 186–192.
85. Chesnyak A. Balaklava i eye okrestnosti. Sevastopol: EKOSI–Gidrofizika, 1999. 152 s.
86. Chislennost naseleniya goroda Sevastopolya. [Elektronnyy resurs]. Url.: http://sevastopol.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sevastopol/resources/c2deee80499a5fb88a36ea2d12c3261e/pub-01-03.pdf

* * *

Nedelkin E. V. The Crimean village of Chernorechie in 1944–1962 / Nedelkin E. V. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 76–89.

This article deals with the history of the village of Chernorechie (earlier *Chorgun*), located on the territory of the Federal city of Sevastopol, in 1944–1962. On the basis of archival data relating to one of the largest before the Great Patriotic War villages in Balaklava district of Sevastopol, the author studies the processes of postwar recovery of infrastructure and national economy, settlement of the region by people from various oblasts of the RSFSR and the Ukrainian SSR as well as functioning of the collective farms. The paper is based on the materials from the State Archives of the city of Sevastopol.

Key words: Balaklava district, demographic processes, collective farm, Sevastopol, Chernorechie.

**БАЛАКЛАВСКИЙ РАЙОН В 1950-Е ГОДЫ: АДМИНИСТРАТИВНЫЕ,
СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ****Никитина И.В.****Государственный музей героической обороны
и освобождения Севастополя**

В статье рассмотрены базовые изменения в административном делении, социальной и экономической жизни Балаклавского района в 1950-е гг. Автор приходит к выводу, что главными итогами этих трансформаций стали значительная урбанизация района и создание мощной военной базы. Одновременно наблюдались процессы развития промышленной базы и улучшение благосостояния его жителей.

Ключевые слова: Балаклавский район, военно-морская база, промышленность, трансформации.

Балаклавский район Севастополя – самый большой район города площадью 54,4 тыс. га. Крайние точки района: на севере – Мекензиевы горы (выс. Камар-Кая), на юге – м. Са-рыч, на западе – м. Виноградный, на востоке – г. Трапан-Баир (Ай-Петринская яйла). Впервые Балаклавский район как административно-территориальное образование появился на карте Крыма 23 января 1921 г. В 1920-е гг., претерпев ряд административных изменений, он перешел в подчинение города Севастополя. В 1930 г. произошло повторное образование Балаклавского района в качестве административной единицы Крымской АССР с подчинением г. Симферополю. В таком качестве район просуществовал до 1957 г.

В 1950-е гг. жизнь Балаклавского района ознаменовалась большим количеством изменений: административных, экономических и социальных. В нашем исследовании мы постараемся проследить основные трансформации и уяснить их сущность. В работе мы опирались, прежде всего, на данные Архива г. Севастополя.

Анализ всех полученных сведений позволил установить следующее: основной итог перемен на территории современного Балаклавского района г. Севастополя – ускорение урбанизации и индустриализации района, расширение на его территории мест базирования подразделений Черноморского флота.

Рассмотрим, в первую очередь, административные трансформации. К 1950 г. его территория включала в себя Балаклаву с окрестностями, Фруктовский сельсовет (с. Фруктовое – быв. Бельбек), села Гористое (Ай-Тодор), Терновка (Шули), Родное (Уппа), Хворостянка (Узенбаш), Штурмовое (Новые Шули), Черноречье (Чоргунь), населенные пункты Байдарской и Варнутской долин, район нынешнего Форосского территориального органа администрации г. Ялта и ряд других населенных пунктов.

Трансформация административно-территориального деления в 1950-е гг. выразилась первоначально в укрупнении сельских советов, и появлении новых населенных пунктов – с. Хмельницкое, пос. Первомайка. Так, в 1950 г. произошло объединение Гористовского (Ай-Тодорского) и Терновского (Шульского) сельсоветов в Терновский. В 1951 г. из состава Орлиновского (бывш. Байдарского) сельсовета был исключен поселок Форос и передан в Южновский сельсовет (впоследствии Форосский) [1, л. 1; 2, л. 70, 72].

Также в указанный период произошло постепенное расширение городской черты Балаклавы. К 1956 г. официально в ее состав вошли пригородные поселки: Китровка (ныне ул. Богдана Хмельницкого), Левадки (часть ул. Крестовского и Звездная), Благодать (2-е отделение Золотой балки), бывший Новый городок, пос. Кирпично-Черепичного завода (верхняя часть ул. Б. Хмельницкого), пос. Кадыковского комбината и с. Кадыковка.

Основные территориальные изменения для района в 1950-е гг. произошли с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР «О некоторых изменениях в составе районов Крымской области и г. Севастополя» от 24 апреля 1957 г., подкрепленного Распоряжением Севгорисполкома от 10 мая 1957 г.

На основании этих документов Балаклавский район Крыма был преобразован в район г. Севастополя (центр района – Балаклава с присоединением к ней территории Пригородненского (Кадыковского) сельского совета вошла с городскую черту Севастополя). В результате такого преобразования произошло значительное изменение территории района. В его состав вошли также земли совхоза «Севастопольский», район 7-го и 5-го км. Балаклавского шоссе, территория от 5-км. до м. Фиолент. Села Терновского сельсовета, Байдарской и Варнаутской долины передали в состав Куйбышевского района Крымской области, населенные пункты Форос, Меллас, Снитковское, Мухалатка, Олива подчинили Ялтинскому горсовету. Чернореченский сельский Совет (Хмельницкое, Морозовка, Черноречье, Оборонное) в 1957 г. напрямую подчинили Севастопольскому городскому Совету [3, л. 84; 4, л. 312, 313].

В дальнейшем в составе района произошло еще несколько изменений. Окончательно он приобрел Современный вид к 1991 г. В 1962 г. в состав района были возвращены земли бывшего Чернореченского сельсовета, в 1965 г. возвращены территория Орлиновской и Варнутацкой долины. В 1991 г. в состав района вновь вошли села Терновка и Родное. Ныне в состав района также входит г. Инкерман с окрестностями и часть Южного берега Крыма от м. Айя до м. Сарыч.

Столь значительная трансформация стала следствием важного социально-экономического изменения – постепенного формирования в Балаклаве и ее окрестностях мощной военной базы. К началу 1950-х гг., восстановив свой военный потенциал, Черноморский флот приступил к расширению мест базирования в окрестностях Севастополя. Так, еще летом 1944 г. начались работы по формированию места базирования сил 2-й бригады подводных лодок ЧФ. Для этих целей в июле 1944 г. СНК СССР принял решение о размещении ее береговой базы на западном берегу Балаклавской бухты. Это привело к высвобождению значительной части помещений в данной части Балаклавы и переезду в другие помещения ряда государственных учреждений, в том числе балаклавской поликлиники [5, л. 2, 4].

Осенью 1944 г. соединения ЧФ завершили боевые действия на Черном море и возвратились к местам базирования в Севастополе. Подводные силы флота на тот момент разместились в двух базах: Потти и Балаклава. Также на базирование в Балаклаву осенью 1944 г. вернулись корабли ОВРа ЧФ (данное соединение в 1949 г. передано в состав погранвойск). По состоянию на 17 мая 1945 г. в составе ЧФ находились 42 подводные лодки. Данных о том, сколько из них пришлось на Балаклавскую базу, найти пока не удалось, но с этого момента обозначилась тенденция к расширению военной составляющей в Балаклавской бухте. К началу 1950-х гг. база подводных лодок в Балаклаве была полностью сформирована.

Это стало одним из основных факторов создания 27 января 1951 г. на базе 2-й бригады подводных лодок Управления 21-й Констанцкой ордена Ушакова I степени дивизии подводных лодок в составе 4 бригад – 151-й, 152-й, 153-й, 154-й. На момент создания дивизии две из этих бригад базировались в Балаклаве: 151-я бригада подводных лодок в составе 10 ПЛ и 152-я в составе 9 ПЛ, а также плавбаз «Эльбрус» и «Буг», плавказармы ПКЗ-34, торпедолова ТЛ-26, станции живучести СТЖ-8 (позже она была переведена в Одессу).

21 дивизия подводных лодок ЧФ просуществовала до апреля 1956 г. [8, с. 638]. В дальнейшем соединения подводных сил флота ждал еще ряд реформирований. В 1956 г. в Балаклаве осталась 155-я отдельная Констанцкая ордена Ушакова I степени бригада подводных лодок. В том же году в бухте стала базироваться 27-я бригада подводных лодок. Массовое сокращение ВМФ в 1959–1961 гг. не привело к сворачиванию Балаклавской базы. В 1960-е гг. она продолжала расширяться и укрепляться, началось пополнение бригады новыми ракетными подводными лодками.

1950-е гг. отмечены появлением еще нескольких военных объектов в Балаклаве. К 1953 г. в верховье Балаклавской бухты военными строителями были произведены работы

по формированию базы для судоремонтного завода «Металлист», который вплоть до 1990-х гг. был основным предприятием по ремонту кораблей и подводных лодок Балаклавской базы. Во второй половине 1950-х гг. на Западном берегу Балаклавской бухты были сооружены объекты 825 ГТС и 820 РТБ (основные работы на объектах выполнили строители СУ-528). Объекты представляли собой сложный комплекс подземных сооружений, предназначенных для укрытия подводных лодок на случай ядерного удара и их ремонта. Подземные сооружения в горе Таврос относились к противоатомным объектам первой категории. Комплекс включает в себя: подземный канал длиной около 500 м., сухой док, в котором проходили ремонт подводные лодки 613 и 633 проектов, ремонтные мастерские для обслуживания докового участка (спеццех судоремонтного завода «Металлист»), минно-торпедную часть, арсенал для хранения ядерных боеголовок, в связи с чем объекты были отнесены к сверхсекретным. Этот военный комплекс проработал до 1993 г.

В 1950-е гг. на территории Балаклавского района также шел процесс активного формирования новых подразделений Черноморского флота. Так, в 1954 г. был сформирован объект береговой обороны в районе с. Оборонное, к 1956 г. – объект береговой обороны в районе с. Резервное, параллельно шло формирование схожих подразделений в районе м. Фиолент и с. Флотское.

Для размещения новых военных спецобъектов в середине 1950-х гг. были произведены работы по выделению земельных участков, строительству военных городков, размещению вооружения, в том числе в подземных сооружениях. Возникновение новых ракетных береговых подразделений в районе Балаклавы способствовало укреплению безопасности Черноморского побережья. Одновременно это привело к увеличению доли военнослужащих среди населения Балаклавы и района. Для въезда в Балаклаву был введен пропускной режим.

Что касается других экономических преобразований, то, прежде всего, они коснулись землепользования. Основные механизмы земельных отношений в районе мы рассматривали ранее [7]. Здесь же обратим внимание на следующее. Основной тенденцией в земельных отношениях в 1950-е гг. на территории района стали процессы укрупнения и объединения колхозов и совхозов. В частности, начался процесс объединения хозяйств Байдарской долины. В 1956 г. совхоз «Профинтерн» (с 1957 г. «Золотая балка») включил в свой состав земли колхозов «Коминтерн» (Кадыковка) «Большевик» (район 10 км. Балаклавского шоссе), «12 лет Октября» (с. Черноречье), «Путь к социализму» (с. Флотское) и «Заря свободы» (с. Оборонное) [6]. В дальнейшем произошло преобразование в совхоз объединенных хозяйств Байдарской и Варнутской долин. Земли колхоза «Коммунар» вошли в состав совхоза «Севастопольский».

Рассмотрим также и социальную составляющую жизни сельской местности района. В первой половине 1950-х гг. наблюдался рост объемов жилищного строительства, частично получила развитие сеть сельских клубов и библиотек, хотя в данном случае о качественных трансформациях можно говорить только в 1960-е гг. Это же относится к работам по благоустройству, как в Балаклаве, так и в районе.

Одновременно в 1950-х гг. прошли работы по перепланировке сел, что было связано с необходимостью наделения жителей приусадебными участками в связи с увеличением численности населения. Кроме того, именно к 1950-м гг. наметилась тенденция неравномерного распределения населения по отдельным населенным пунктам. Так, если центр района – г. Балаклава – постоянно наращивал эти показатели (население городка в 1950 г. уже составляло 7 тыс. чел. и продолжало расти), то, например, села Морозовка, Колхозное, Кизиловое (переселенческое село) начали показывать тенденцию к уменьшению населения, а села Гористое, Кучки и Хворостянка позже прекратили существование.

Что касается реализации переселенческой политики на территории района, то в первой половине 1950-х гг. процент вновь прибывшего по ней населения был еще достаточно высок: в этот период происходило вселение в район колхозников из Сумской области УССР общей численностью до 7 тыс. чел. В дальнейшем организованное массовое вселение пошло на спад.

К значительным социально-экономическим преобразованиям в районе относится также начальный этап работ по строительству в Байдарской долине мощного Черноречен-

ского водохранилища. Для этого в первой половине 1950-х гг. было проведено выделение большого количества земель из колхозного земельного фонда. Так, только по Постановлению Совета Министров СССР от 26 апреля 1949 г. № 5538-р из землепользования колхозов Балаклавского района было отчуждено 656,9 га. [7]. Однако к строительству самого водохранилища приступили не ранее второй половины 1950-х гг. Точную дату еще предстоит уточнить.

В 1950-е гг. в районе ускорилось и развитие промышленной базы. Восстановило после войны свои мощности Балаклавское рудоуправление им. А.М. Горького, сыгравшее значительную роль в обеспечении камнемстроек восстанавливавшегося Севастополя. В 1951 г. предприятие возглавил А.С. Грошев, который вывел его в число лучших предприятий горнодобывающей отрасли. Именно на этом предприятии в 1959 г. впервые в Севастополе появилась смена коммунистического труда. На балаклавском флюсовом известняке подняли свои мощности такие металлургические гиганты как, Криворожсталь, Запорожсталь, Азовсталь.

В 1945 г. в районе д. Кадыковка был создан Кадыковский комбинат строительных материалов. Основная задача нового предприятия – поставка камня, извести и железобетонных изделий на строительные объекты Севастополя. К середине 1950-х гг. предприятие значительно нарастило свои мощности. На Кадыковском комбинате активно внедрялась механизация, однако, на том момент ее объем был еще недостаточным. В 1957 г. комбинат вошел в состав Балаклавского рудоуправления им. А.М. Горького, и его дальнейшая история связана с развитием этого предприятия. В настоящее время осуществляется поиск документов по его истории до 1957 г.

В 1949 г. на территории Балаклавского района появилось еще одно промышленное предприятие – Балаклавский кирпично-черепичный завод (впоследствии Балаклавский завод строительных материалов). Его строительство было намечено еще в 1930-е гг., но тогда работы осуществить не удалось. Завод в 1950-е гг. находился в процессе становления, большую роль в промышленном развитии района он стал играть уже в 1960-е гг.

Появление новых предприятий, расширение сельскохозяйственных угодий, рост военной базы привели к увеличению численности населения, что послужило важным стимулом для роста жилищного строительства. В 1950-е гг. оно осуществлялось, в основном, хозспособом. Например, за счет сил и средств Балаклавского рудоуправления были построены дома по ул. Новикова и в районе бывшего Нового городка. Кирпично-черепичный завод возвел ряд домов по ул. Крестовского и в верхней части нынешней ул. Б. Хмельницкого. В 1957 г. в Балаклаве был построен первый экспериментальный дом по так называемому поточному методу. Работы были проведены подразделениями треста «Севастопольстрой»¹.

Что касается развития транспортного сообщения, то на данный момент сведения, позволяющие дать характеристику этому процессу, не выявлены. Известно, что существовавшая до войны Балаклавская трамвайная линия после 1944 г. не восстанавливалась. Есть сведения и о введении автобусного маршрута «Балаклава – Севастополь», который в 1950-е гг. из Севастополя отправлялся с пл. Восставших. Данные о наличии общественного транспорта в остальной части района пока не выявлены. Но по косвенным свидетельствам ясно, что об относительно развитом транспортном сообщении в районе можно говорить лишь с 1960-х гг.

Как уже отмечалось, в 1950-е гг. произошло разрастание Балаклавы вдоль Балаклавской долины. Во второй половине 1950-х гг. появились и новые здания общественного назначения: 1956 г. было построено административное здание для Балаклавского горкома и райкома КПУ, там же разместились исполнительные органы городского и районного советов депутатов трудящихся. В 1958 г. построен Дом культуры Балаклавского рудоуправления им. А.М. Горького. В 1959 г. в строй вступила нынешняя городская больница № 9. Произошла и трансформация в обустройстве сел района. В них в этот период наблюдалось не только активное жилищное строительство, но и постройка новых производственных

¹ По материалам консультаций с Л.И. Пыховой, жительницей Балаклавы.

мощностей для колхозов, появление новых клубов, обустройство школ, детских садов, библиотек и т.д.

1950-е гг. в жизни Балаклавского района отмечены также значительным скачком в деле механизации производственных мощностей промышленных предприятий и сельскохозяйственных артелей. Так, на Балаклавском рудоправлении им. А.М. Горького появились первые буровые машины ударно-канатного бурения, которые пришли на смену ручным отбойным молоткам. В колхозах и совхозах увеличилось количество тракторов, рос автопарк на промышленных предприятиях, внедрялась механизация основных процессов по обработке виноградников. Более активно стало развиваться тепличное хозяйство (совхоз «Севастопольский»).

Произошло также постепенное углубление специализации сельского хозяйства. Хозяйства района в основном сосредоточились на выращивании винограда, садоводстве, овощеводстве. Табаководство в этот период постепенно сошло на нет.

Наблюдалось и улучшение производительности труда. В 1954 г. коллектив колхоза «Коммунар» (пос. Штурмовое) стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В конце 1950-х гг. предприятия района стали участниками движения «ударников», рационализаторов и изобретателей. Работники района добились также достаточно высоких показателей. Так, бригадир виноградарей совхоза «Профинтерн» («Золотая балка») Я.И. Лях первым применил в хозяйстве механизированные приспособления при обработке междурядий виноградника.

Таким образом, приведенные факты позволяют отметить значительные трансформации во всех сферах жизни Балаклавского района в 1950-е гг. Основная сущность этих трансформаций выразилась, прежде всего, в урбанизации повседневной жизни района, росте городской застройки, формировании мощных промышленной и военной баз. В районе приступили к реализации масштабного проекта по развитию водоснабжения Севастополя, развитию горнодобывающей промышленности. Хозяйство, известное под маркой «Золотая балка», постепенно становилось ведущим виноградарским и винодельческим предприятием региона. Административно-территориальные преобразования в районе дали старт процессу его интеграции в состав Севастополя.

Источники и литература.

1. Архив г. Севастополя (АГС). Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 66.
2. АГС. Ф. Р-430. Оп. 2. Д. 89.
3. АГС. Ф. Р-359. Оп. 2. Д. 304.
4. АГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 556.
5. АГС. Ф. Р-430. Оп. 3. Д. 1.
6. Ирина Никитина Золото Балаклавской долины [Электронный ресурс] // Графская пристань. Режим доступа: <http://grafskaya.com/?p=5066>
7. Никитина И.В. Из истории земельных отношений в Балаклавском районе в 1944–1955 гг. // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XVIII (VIII). Серия Б–В. Новая, новейшая история и международные отношения. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2016. С. 61–64.
8. Никитина И.В. Подводные силы Черноморского флота 1901–2006 гг. // Севастополь: Энциклопедический справочник / Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя; [Ред.–сост. М.П. Апошанская]. Севастополь: Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя; Симферополь: ООО «Салта ЛТД», 2008. С. 634–642.

References.

1. Arkhiv g. Sevastopolya (AGS). F. R-430. Op. 2. D. 66.
2. AGS. F. R-430. Op. 2. D. 89.
3. AGS. F. R-359. Op. 2. D. 304.
4. AGS. F. R-79. Op. 2. D. 556.
5. AGS. F. R-430. Op. 3. D. 1.
6. Nikitina Irina. Zoloto Balaklavskoy doliny [Elektronnyy resurs] // Grafskaya pristan. Rezhim dostupa: <http://grafskaya.com/?p=5066>

7. Nikitina I.V. Iz istorii zemelnykh otnosheniy v Balaklavskom rayone v 1944–1955 gg. // Prichernomorye. Istoriya. politika. kultura. Vyp. XVIII (VIII). Seriya B–V. Novaya. noveyshaya istoriya i mezhdunarodnyye otnosheniya. Sevastopol: Filial MGU v g. Sevastopole, 2016. S. 61–64.
8. Nikitina I.V. Podvodnyye sily Chernomorskogo flota 1901–2006 gg. // Sevastopol: Entsiklopedicheskiy spravochnik / Natsionalnyy muzey geroicheskoy oborony i osvobozhdeniya Sevastopolya; [Red.–sost. M.P. Aposhanskaya]. Sevastopol: Natsionalnyy muzey geroicheskoy oborony i osvobozhdeniya Sevastopolya; Simferopol: OOO «Salta LTD», 2008. S. 634–642.

* * *

Nikitina I. V. *Balaklava district in the 1950s: administrative, social and economic transformation* / Nikitina I. V. // *The Black Sea region. History, politics, culture.* – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 90–95.

The article describes the fundamental changes in the administrative division, social and economic life of the Balaklava district in the 1950s. The author concludes that these transformations have resulted in significant urbanization of the area and the creation of a powerful military base. At the same time one can observe the industrial base development processes in the area and improvement of the residents well-being.

Keywords: Balaklava district, naval base, industry, transformation.

УДК 94(47).084.6

DOI 10.5281/zenodo.345109

К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ НЕМЕЦКИХ ВРАЧЕЙ-ИММИГРАНТОВ В СССР В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

ОСТРОВСКАЯ И.В.

Государственный музей героической обороны
и освобождения Севастополя

В статье раскрывается одна из малоизвестных страниц в истории Института физических методов лечения имени профессора И.М. Сеченова, связанная с оказанием помощи деятелям науки, рабочего движения Германии в обустройстве и работе во второй половине 1930-х гг. Впервые в научный оборот вводятся сведения о деятельности в Севастополе в 1937–1940 гг. немецкого ученого невролога Луиса Якобсона, а также прослеживаются судьбы членов его семьи в СССР, как в предвоенный, так и в послевоенный период.

Ключевые слова: Институт физических методов лечения имени профессора И.М. Сеченова, физиотерапия, политические репрессии, немецкие антифашисты в СССР

Одна из наиболее интересных страниц истории Севастополя связана с оказанием СССР помощи жертвам нацистского режима гитлеровской Германии во второй половине 1930-х гг., когда стал нарастать поток беженцев из страны ввиду нарастающей угрозы физической расправы с несогласными. Вместе с участниками и лидерами коммунистического и рабочего движения, в СССР на постоянное место жительства переезжали и представители немецкой науки, интеллигенции. Большинство уволенных из-за несогласия с установившимся режимом эмигрировали сначала в Швейцарию, Голландию, Англию, а затем в Америку [6, с. 290–291]. Сочувствующие социализму перебирались в Советский Союз.

Среди тех, кто не был согласен с идеологией нацистов – известный немецкий профессор-невролог Луис Якобсон Ласк (Louis Jacobsohn-Lask), чья судьба впоследствии была связана с Севастополем. После публичного книгосожжения в сквере Берлинского университета в мае 1933 г., ареста жены и заключения в концлагерь Дахау его старшего сына, у профессора не было никаких сомнений по поводу отъезда из Берлина. Однако покинуть Германию было не так просто. Берлинское научное сообщество было потрясено судьбой профессора Теодора Лессинга, который из-за неприятия идеологии национал-социализма бежал в Чехословакию, но в августе 1933 г. был выслежен и убит немецкими головорезами.

Переезду немецкого профессора Якобсона способствовали его тесные контакты с научным сообществом советских неврологов. Он неоднократно принимал участие в международных научных конференциях по неврологии, которые проходили в Ленинграде и Москве. Поэтому, когда в 1936 г. он получил приглашение от Народного комиссариата здравоохранения о переезде в СССР, собрав все свои труды, экспериментальное современное оборудование, эмигрировал без раздумий. Вместе с ним эмигрировали и его средний и младший сыновья-коммунисты с семьями. К этому моменту, в условиях конспирации, при содействии немецких коммунистов, через Чехословакию в Москву уже была переправлена жена профессора, Берта Ласк, член подпольной организации Коммунистической партии Германии. В дальнейшем было решено, что сыновья профессора и их семьи останутся жить и работать в Москве, а Якобсон с женой отправиться в Севастополь. В Москве сыновья профессора, немецкие коммунисты Людвиг (Лутц) и Эрнст стали работать под чужими именами, Людвиг под именем Ганса Эйлера в Институте Маркса–Энгельса–Ленина, а Эрнст – под именем Франца Лозе в Институте мировой экономики.

Севастополь в качестве места жительства профессора был выбран не случайно. За время довоенных пятилеток он преобразился и стал одним из красивейших, благоустроенных городов Юга страны. Одним из решающих факторов было наличие в Севастополе

успешно работающего в области физиотерапии научного учреждения – Государственного центрального НИИ физических методов лечения им. И.М. Сеченова.

С 1934 г. Институтом руководил профессор Евгений Александрович Нельсен, один из талантливых учеников профессора А.Ф. Щербака [5, с. 71]. К этому моменту при Институте уже были организованы поликлинический отдел и вечерний физиопрофилакторий, терапевтическая и неврологическая клиника, начиналась научная разработка методов лечебной физкультуры. Расширилось биохимическое отделение, оборудовано отделение токов высокой чистоты, создана база для широкого изучения физиологического действия ультракоротких волн. На научной базе Института постоянно проходили международные и всесоюзные конференции антиревматического и терапевтического направления. Также был накоплен бесценный опыт в оформлении и издании научных трудов сотрудников. Широко известным в научном мире стал сначала «Бюллетень государственного центрального НИИ физических методов лечения им. И.М. Сеченова», а с 1936 г. – «Труды Государственного центрального НИИ физических методов лечения им. И.М. Сеченова». Исследования его научных сотрудников были широко известны не только в СССР, но и в Германии, Швеции, Австрии, Америке.

Помимо признанных в медицинском сообществе научных достижений, Институтом также был накоплен и опыт по оказанию лечебно-профилактической помощи представителям рабочего движения из Восточной и Западной Европы, Америки. В разное время здесь проходили лечение активисты международного рабочего и профсоюзного движения из Норвегии, Швеции, Германии. Организационную помощь прибывающим в город на отдых и лечение политэмигрантам и активистам международного рабочего и профсоюзного движения оказывал городской комитет Международной организации помощи борцам революции (МОПР), который начал работу в Севастополе еще в 1924 г. под лозунгом «Боевой интернационализм – основа всей работы». В своих рядах городская организация к 1931 г. насчитывала уже более 15600 членов. Помимо оказания организационной помощи, горком МОПРа по необходимости содействовал и в получении работы и жилья остающимся в Севастополе политэмигрантам.

О переезде немецкого профессора в СССР писала практически вся столичная пресса. Севастопольская газета также сообщала: «... *Яacobсон будет направлен в Институт. Он будет заведовать патологоанатомическим отделением научной лаборатории...*» [3]. В севастопольский институт профессор-невролог был направлен по распоряжению Наркомздрава РСФСР. В Севастополе планировалось продолжить работу по изучению сравнительной анатомии центральной нервной системы позвоночных животных и человека, ведь этой работе была посвящена вся жизнь ученого. Своего завершения ждали IV и V тома многолетней научной работы. Для обустройства семьи профессора специально от института была выделена квартира в центре города.

Город постарался создать Яacobсону наилучшие условия для работы. Он получил в полное распоряжение отремонтированную и оборудованную лабораторию из 2-х комнат, где были установлены ценные приборы, привезенные ученым из Германии. Для помощи в исследованиях и проведении опытов институт выделил отдельную штатную единицу – молодого лаборанта. Однако были трудности, которые не позволяли полностью развернуть работу. Это – нехватка бумаги для печати фотоснимков, некоторых препаратов для гистологических исследований. Электрические приборы из-за плохого электропитания бездействовали по 2-3 часа ежедневно. Городская электростанция, в целях экономии, в первой половине дня отключала все научные учреждения. Со временем, преодолевая хозяйственные трудности, профессору удалось наладить работу.

Исследования в области функций мозга, его гистологические исследования также велись научными сотрудниками севастопольского института на базе экспериментальной лаборатории, которая была расширена и модернизирована. В этой области работали доктор Бисти, Славский, Юшкевич и ряд молодых ученых.

В мае 1939 г. отмечалось 25-летие Института, в связи с этим была организована юбилейная выставка работ сотрудников Института, штат которого включал 456 человек, где 78 были научными сотрудниками [4]. Ее специальный раздел был посвящен работам нейрогистологической лаборатории, которой руководил профессор Яacobсон-Ласк. Она

была посвящена новаторским исследованиям в области действия среды на изменение структуры головного мозга. Эта работа была связана с его предшествующими фундаментальными исследованиями по сравнительной анатомии животных и человека.

Поистине знаковым было и то, что на выставке был представлен четвертый том работы, объединивший итоги исследований строения мозга за последние десять лет. Для интересующихся был выставлен и фотографический атлас сравнительной нейроанатомии центральной нервной системы животных и человека, составление которого стало большим событием для мира медицины. Это был своеобразный итог 40-летней научной деятельности профессора, которую он начал еще в 1889 г., после защиты диссертации в университетской клинике Берлинского университета при клиническом госпитале Шарите. Благодаря талантливым изысканиям в области неврологии он уже в начале века был признан в Берлинском медицинском обществе, объединившем под руководством Эммануила Менделя видных ученых в области медицины. Признанию способствовал выпуск ряда научных монографий по строению головного мозга в соавторстве с Эдвардом Флатау, Лазарем Минором и, конечно же, выявленный и описанный им в 1908 г. рефлекс, возникающий при сгибании предплечья и пальцев кисти во время удара неврологическим молоточком по шиловидному отростку лучевой кости [7, с. 1972]. Сегодня в медицинской энциклопедии он обозначается его именем.

Севастопольский период жизни четы Якобсонов первоначально оказался плодотворным в творческом плане и для Берты Ласк, к тому времени уже известной немецкой писательницы-антифашистки, сотрудницы одной из столичных газет, работавшей под псевдонимом Герхард Виленд. Севастополе ею была написана новая пьеса о борьбе с фашизмом народного фронта Германии, которая сразу стала популярной в театральном мире. Еще в 1923 г., после вступления в Коммунистическую партию Германии, она стала активно сотрудничать с коммунистической прессой, а после Первой Международной конференции пролетарских и революционных писателей в 1927 г., Берта становится одним из организаторов Союза пролетарских писателей Германии.

Якобсон с сыновьями эмигрировал в марте 1936 г. Сначала жизнь на новой «советской родине» складывалась как нельзя лучше, но после 1937 г. многое изменилось, когда по необоснованным обвинениям в троцкизме и шпионско-заговорщической деятельности было подвергнуто репрессиям руководство компартии Германии [1, с. 135].

Семидесятисемилетний профессор глубоко переживал то положение, в котором оказались его сыновья – немецкие коммунисты-антифашисты, осужденные советским государством и отправленные из Москвы далеко на север. Глубокие переживания сделали свое дело, и 17 мая 1940 г. врачи констатировали смерть профессора от сердечного приступа. Похоронили его в Севастополе с воинскими почестями. Могила сохранялась на старом городском кладбище до середины 1960-х гг., до его закрытия, но сейчас мои неоднократные попытки разыскать ее не увенчались успехом.

Судьба сыновей профессора, Людвиг и Германа, сложилась трагически. Людвиг (Лутц) был арестован в 1938 г. как троцкист, почитатель Гегеля. Впоследствии осужден на 8 лет и отправлен на Колыму. В 1956 году почти ослепший после тяжелого труда Людвиг выехал в ГДР, где умер в 1973 г. Герман Якобсон-Ласк по подозрению в шпионаже был осужден и приговорен в 1938 г. Особым Совещанием по ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР к 5 годам «исправительно-трудовой колонии» [1, с. 15]. На поселении находился в Архангельске, где работал на Соломбальском сульфатоцеллюлозном заводе, позже оправдан и реабилитирован. Умер спустя несколько лет после возвращения на родину, в Германию, в 1959 г.

После смерти мужа и в связи с началом войны, летом 1941 г., Берта Ласк переехала к сыну Герману в Архангельск, где жила до осени 1944 г. Вначале 1950-х гг. приехала в Москву, но спустя несколько лет вернулась в Германию. Умерла в Берлине в 1967 г., ее прах захоронен на Центральном кладбище в Берлин-Лихтенберг [6, с. 69–70].

Сегодня появление новых документов и архивных материалов позволяет восполнить малоизученные ранее страницы истории Севастополя, которые тесно связаны с историей одного из старейших научно-исследовательских учреждений России – Институтом физических методов лечения им. Сеченова. Судьба данного научно-исследовательского учреждения переплетается с судьбами целых поколений не только советских врачей, но и

представителей науки из других стран. В сложные годы предвоенного десятилетия Государственный центральный НИИ физических методов лечения им. И.М. Сеченова стал одним из тех советских научных учреждений, где предоставлялась помощь как представителям антифашистского фронта, так и видным деятелям немецкой науки и медицины. Севастопольский период жизни профессора Якобсона стал плодотворным для исследований в области анатомии центральной нервной системы, функций мозга и являлся важным этапом в становлении научной теории о строении мозга.

Однако профессиональный успех профессора оказался омрачен его семейной трагедией, которая была связана с судьбами сыновей. На них, как и на судьбах многих семей советских граждан, в полной мере отразился произвол сталинской политики.

Источники и литература.

1. Дойков Ю. Свеча горит... Немецкие тени в Архангельском ГУЛАГе (1920–2010). Архангельск: Самиздат, 2010. 407 с.
2. Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1967. Т. 4. 1022 с.
3. Новость дня // Маяк коммуны. 1935. 15 октября.
4. Нильсен А.Е. Институту им. проф. Сеченова – 25! // Маяк коммуны. 1939. 23 мая.
5. Островская И.В. Помни, не навреди! // История в подробностях. 2012. № 6. С. 70–73.
6. Ширер У. Взлет и падение третьего рейха / под ред. О.А. Ржешевского. М.: Воениздат, 1991. Т. 1. 653 с.
7. Jacobsohn, L. Ueber den Fingerbeugereflex // Deutsche Medizinische Wochenschrift. 1908. Jg. 34. № 46. S. 1971–1973.

References.

1. Doykov Yu. Svecha gorit... Nemetskiye teni v Arkhangelskom GULAGE (1920–2010). Arkhangelsk: Samizdat, 2010. 407 s.
2. Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1967. T. 4. 1022 s.
3. Novost dnya // Mayak kommuny. 1935. 15 oktyabrya.
4. Nilsen A.E. Institutu im. prof. Sechenova – 25! // Mayak kommuny. 1939. 23 maya.
5. Ostrovskaya I.V. Pomni. nenauredi! // Istoriya v podrobnostyakh. 2012. № 6. S. 70–73.
6. Shirer U. Vzlet i padeniye tretyego reykh / pod red. O.A. Rzheshhevskogo. M.: Voenizdat, 1991. T. 1. 653 s.
7. Jacobsohn, L. Ueber den Fingerbeugereflex // Deutsche Medizinische Wochenschrift. 1908. Jg. 34. № 46 S. 1971–1973.

* * *

Ostrovskaya I. V. *On the fate of the German immigrant doctors in the USSR in the prewar period / Ostrovskaya I. V. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 96–99.*

The article reveals one of the least known pages of history of Professor Sechenov Institute of physical treatment methods, namely the assistance provided to researchers and labour movement activists from Germany in living arrangements and employment in the second half of 1930s. The author is the first to present the information on Louis Jacobson, German research neurologist and his activities in Sevastopol in 1937–1940. The paper also traces fates of his family members in the USSR in the prewar and postwar periods.

Key words: *Professor Sechenov Institute of physical methods of treatment, physiotherapy, political repression, German antifascists in the Soviet Union.*

**ГРЕКИ В ИСТОРИИ СЕВАСТОПОЛЯ И БАЛАКЛАВЫ:
РОЛЬ В РАЗВИТИИ УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ**

РОСЕНКО М.И.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В статье прослежены основные этапы и особенности становления системы обучения греков в Севастополе и Балаклаве с конца XVIII века до конца 30-х гг. XX века, ее роль в сохранении культурных ценностей и национальных традиций греков, адаптации к жизни в новых условиях, влияние национальной греческой элиты на воспитание греческих школьников в Севастополе и Балаклаве в духе признания культурных ценностей и идеалов, сложившихся в обществе, установлены основные периоды трансформации системы образования национальных меньшинств в период с 1917 по 1938 гг.

Ключевые слова: греки, образование, греческое училище, национальные традиции, культурные особенности.

Образование способствует сохранению культурных ценностей и социальным переменам. Школы являются также средством социального контроля и подготовки учащегося к определенному виду деятельности, оказывают влияние на статус человека в обществе. Предметом исследования в данной статье является роль греков в становлении системы образования национальных меньшинств в истории Севастополя.

История Севастополя неразрывно связана с греками, которые принимали активное участие в строительстве города, его обороне в 1854–1855 годах и впоследствии внесли большой вклад в его развитие.

Целя оказанные греками услуги, Указом 28 марта 1775 года Екатерина II «повелела для подворения их отвести земли в нынешней Екатеринославской губернии» и даровала им многие льготы и выгоды. Новым переселенцам выдавались квартиры, земли и провиант, освобождались они также и от части налогов. Прибывшие с семьями греки нуждались в организации не только быта, но и в решении вопроса обучения детей. Эта проблема греческого населения Севастополя усложнялась тем, что обучение должно было вестись на греческом языке, что могло способствовать сохранению культурных ценностей народа.

Но перед государством стояла иная задача – ознакомить граждан разных национальностей не только с внутренней и внешней политикой страны, но и с необходимыми в повседневной жизни новых подданных законодательными актами государства. Следовало объяснить им функциональное назначение нового административного аппарата, права и обязанности населения. Решить эту проблему государство могло посредством подготовки грамотных, а в идеале – просвещенных чиновников, выходцев из среды нерусских народов.

Реализацию этого проекта можно было осуществить несколькими путями:

1. Учреждение специализированных национальных учебных учреждений, предназначенных для обучения детей переселенцев, содержащихся на государственные средства.

2. Использование уже существующих видов общероссийских образовательных учреждений смешанного (государственного, общественного и личного) финансирования: школ, училищ, семинарий и др. для создания дополнительных национальных классов.

3. Создание законодательной и материальной базы для функционирования этноконфессиональных школ, которые бы существовали при условии их финансовой поддержки благотворительными, прежде всего, греческими, обществами и отдельными благотворителями-греками.

Все эти возможности были реализованы и государством, и греками Крыма и Севастополя.

Правительством России были основаны национальные общеобразовательные учебные учреждения, в которых учились дети нерусских народов. Среди них были и греческие. 7 января 1775 года Екатерина II подписала указ об учреждении при Артиллерийском корпусе и Инженерном шляхетском кадетском корпусе, находившемся в его ведении, *«особливого училища для отправляемых в Санкт-Петербург из Архипелага греческих мальчиков»* [27, с. 194], получившего впоследствии название Корпус Чужестранных единоверцев. Многие из них приняли участие в военных кампаниях, героически проявили себя в Отечественной войне 1812 г. [28, с. 25].

Вместе с тем, учреждение отдельных подобных учебных заведений в Российской империи не давало возможности создать систему массового национального или этноконфессионального образования. Учитывая сложности строительства города и флота, отсутствие возможности строительства школы, как самостоятельного учреждения, начальное обучение греческих мальчиков и девочек осуществлялось в церковно-приходских школах при греческих церквях.

Как отмечает М. Абдулаева, небольшие учебные заведения (церковно-приходская школа на 19 мест) в конце XIX в. существовали в с. Карань (при церкви Свв. равноапостольных царей Константина и Елены) и при церкви Св. апп. Петра и Павла в Балаклаве. В них преподавали монахи Балаклавского монастыря св. Георгия Победоносца. Организована также была Греческая церковно-приходская школа при церкви Св. Троицы в с. Кадыкой. На средства греческого благотворительного общества при церкви Свв. Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста в Севастополе в 1884–1890 гг. была основана приходская греческая школа, в организации работы которой большую помощь оказал председатель общества М.П. Грипари [1].

Греческая школа была неотъемлемой частью религиозно-культурной жизни греков, являлась символом и средством их национального сознания и сохранения национального языка. Основные затраты по финансированию деятельности церковных школ были возложены на приходские попечительства. Особо хочется заметить, что построенная на средства служащих Греческого пехотного полка в 1794 году гарнизонная церковь Св. Николая в Балаклаве действует до сих пор (ныне храм Двенадцати Апостолов).

Не вполне вписывается в вышеприведенную структуру образовательных учреждений созданная в Балаклавском греческом пехотном батальоне система непрерывного военного обучения, которая, по сути, была школой непрерывной военной жизни, – от школы кантонистов, куда в 7–10 летнем возрасте поступали дети балаклавцев, до их зачисления на службу нижними чинами. В 1818 году учреждено отделение Военно-сиротской школы для детей офицеров и нижних чинов [18].

Этнический состав населения города в то время был многонациональным. Русские были самой многочисленной этнической группой. Греки же составляли более $\frac{2}{3}$ от всех иностранцев (англичан, голландцев, шотландцев, французов, немцев, швейцарцев, итальянцев). Подданство греков было различным: Греческого королевства, России, Великобритании, Франции, Австрии и Османской империи. Именно в связи с многочисленностью греческого населения необходимы были школы с обучением на греческом языке. Так как в городе не хватало школ, открывались частные учебные заведения, где обучались дети привилегированных сословий. К таким можно отнести частное греческое училище Елакиади, открытое в 1822 г.

По данным Т. Кухниковой, первая государственная школа – флотская школа юнг – появилась в 1826 г., главным образом, для детей матросов. В 1826 г. в ней обучалось 250 детей по методу Ланкастера. Метод представлял собой систему учебных занятий в начальной школе с большим количеством детей, где старшие и более успевающие ученики являлись помощниками учителя и под его общим руководством вели занятия с остальными учащимися. В 1848 г. в школе обучалось 262 ученика, работали 4 учителя. Она просуществовала до Крымской войны. Девичье училище для дочерей нижних чинов Морского ведомства в возрасте от 10 до 16 лет было создано в 1826 г. В училище матросские дочери обучались выполнению семейных обязанностей, воспитанию детей и благонравию. Их учили читать, писать, Закону Божьему, священной истории, рукоделию. Девочки не толь-

ко учились, но и работали, выполняя заказы по рукоделию. В 1853 г. училище было упразднено и вместо него создан пансион благородных девиц. Уездное училище – первое гражданское учебное заведение в городе, открытое в 1828 г. для детей дворян, купцов и чиновников. Сумма расходов училища определялась в 1250 руб. в год. Государство отпускало меньшую часть из этой суммы, училище существовало в основном на пожертвования. Севастопольское общество также взяло на себя расходы по содержанию приходского училища, которое было открыто в 1828 году [17]. Об очень интересном факте упоминает Т. Кухникова: учителя должны были дать расписку о непринадлежности к обществам.

В декабре 1884 г. было открыто трехклассное Греческое училище, что стало важным событием в культурной жизни греков Севастополя. Его основателем и создателем был потомственный почетный гражданин города, купец 1-ой гильдии Василий Иванович Феолого (1792–1890). Попечителем и казначеем училища с первых дней основания училища был греческий вице-консул в Севастополе купец 1-ой гильдии Николай Петрович Грипари [25]. Обучение в нем было платным. За обучение детей из малообеспеченных греческих семей плату вносило Греческое благотворительное общество, которое осуществляло контроль над училищем и нуждами его воспитанников через назначаемых попечителей.

Важным событием в Севастополе стало открытие 10 мая 1875 года Константиновского шестиклассного реального училища, с основным и коммерческим отделениями. Строительства его добился Михаил Ильич Кази, дворянин греческого происхождения, городской голова Севастополя [23]. В отличие от гимназий, реальное училище давало право поступления не в университет, а в институты технического и естественнонаучного профиля. В начале XX века учащимся реальных училищ была предоставлена возможность продолжать образование на физико-математических и медицинских факультетах университетов, сдав дополнительный экзамен по латыни.

Согласно «Уставу гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения» (1871), изучение древних языков должно было достигать трех целей: эстетической, этической и образовательно-исторической. Изучение латинского языка начиналось уже в первом классе при 8 часах в неделю, в то время как на русский язык в этом же классе полагалось 4 часа, во втором классе на латинский язык – 7 часов, а на русский – 4 часа. Греческий язык начинался в III классе при 5 часах в неделю [5]. Училище просуществовало до 1920 года, когда оно было преобразовано в трудовую школу № 5 им. К. Маркса (в настоящее время в здании располагается средняя школа № 3) [13].

После завершения гражданской войны в Крыму и окончательного установления советской власти, в Севастополе начался процесс становления новой, советской системы народного образования. Пути формирования новой школы были определены в «Положении о единой трудовой школе» и «Основных принципах единой трудовой школы» и предполагали переподчинение всех учебных заведений соответствующим местным органам, отделение школы от церкви, изъятие из учебных программ Закона Божьего и *«введение новых предметов школы социалистического типа»* [8; 9].

В Севастополе, как и во всех учебных заведениях Советской России, был создан единый тип семилетней школы, состоявшей из двух ступеней: I-ой (1–4 классы) и II-ой ступени (5–7 классы) в 1920–1921 учебном году [22, л. 65]. Учебные заведения национальных обществ, существовавшие в Севастополе до 1917 г. (Греческого благотворительного общества, Еврейского благотворительного общества, бывшая украинская гимназия им. Т.Г. Шевченко и мусульманское мектебе) в процессе формирования «единой трудовой школы» были преобразованы в греческую, еврейскую, украинскую и татарскую школы I-ой ступени, так как, в соответствии с приказом Крымревкома № 57 «О перестройке работы учебных заведений» от 30 ноября 1920 г., было проведено реформирование системы школьного и высшего образования, в результате чего все учебные заведения Крыма переходили в ведение государства [4, л. 284]. Высшие учебные заведения упразднялись и оставались функционировать только средние учебные заведения, получившие новое название – советская средняя школа с соответствующим порядковым номером.

Греческая школа, которая была образована на базе Греческого училища, произвела набор учащихся только на 1921–1922 учебный год при большой недостаточности учебни-

ков, наглядных пособий и хрестоматий на греческом языке. Достаточное количество хрестоматий на греческом языке школа получила в январе 1924 г., необходимые учебники и литературу – в феврале [4, л. 29].

В период становления положительной была практика шефства – *«связь школ города со школами деревни»*, организованная в 1924 году сектором национальных меньшинств. 23-я греческая школа шефствовала над школой греческой деревни Карань [4, л. 162]. Совместные мероприятия греческой школы с татарской, украинской, еврейской, польской школами и армянским детским садом *«положили начало сближению национально далеких детских групп»*, что вполне соответствовало государственному курсу на создание интернационального единства *«не насильственно, а добровольно, на демократических началах»* [4, л. 285–300].

Репрессии, связанные с лишением избирательных прав и выселением из Севастополя иностранноподданных граждан, вызвали новый всплеск массовой эмиграции греков. Начиная с 1926 года, по разъяснению ЦИК, иностранные подданные не должны были включаться в списки лишенных прав, но и не включались в списки избирателей. Остановить выезд, принявший массовый характер, не смогли даже меры, принятые крымскими властями по запрещению распродажи имущества [26]. Кроме этого наблюдалась текучесть кадров, в том числе вызванная кадровой «чисткой». В 1927/28 учебном году из греческой школы уволились 3 педагога. Бригада рабоче-крестьянской инспекции, обследовавшая учебные заведения и учреждения Севастопольского ОНО в 1930 году, пришла к заключению, что *«социальный состав педагогов не соответствует задачам коммунистического воспитания детей»* [14]. Как «чуждый антисоветский элемент» в числе учителей из других национальных школ была уволена Елена Димитриу, обвиненная в религиозной пропаганде [24, л. 28–29; 25, л. 73, 76]. Школа была доукомплектована учителями и продолжила работу.

Дальнейшая трансформация в сфере, которая оказала влияние на греческие школы в Севастополе, осуществлялась в 1930 г. в соответствии с постановлением ЦИК и Совнаркома СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» [19]. Постановлением ЦК ВКП(б) «О начальной средней школе» от 5 сентября 1931 г. была поставлена задача *«открытие школ повышенного типа»*, в частности, школ II-й ступени, *«обеспечивающих преемственность воспитания и обучения на родном языке»* [20]. В 1931–1932 учебном году в Севастополе ввели обязательное семилетнее обучение.

Необходимость и своевременность «расширения» греческой школы и преобразования ее в школу II-ой ступени (семилетку) коррелировались с регулирующими актами. Считалось, что объем учебной программы очень низкий, учащиеся школы *«получают незаконченное образование, не отвечающее никаким минимальным требованиям жизни и обихода»*, вследствие чего выпускники не имеют возможности ни продолжить, ни завершить свое образование в других, негреческих школах. В виду отсутствия средств для преобразования ее в школу II-ой ступени, на базе школы открыли семилетку путем введения в ней обучения в две смены. На заседании Президиума Севастопольского горсовета 1 декабря 1931 г. отмечалось, что греческая школа № 23 стала семилетней школой I-й и II-й ступеней. В 1934 г. греческая школа была переименована в греческую школу № 23 им. Ориона Алексакиса [30]. В том же году *«из-за недопустимо малого количества учащихся»* школа была переведена из здания на улице Артиллерийской, 19 в новое здание на улице Большой Морской, 44. В дальнейшем в нем же была размещена и армянская школа. Таким образом, Севастопольским ОНО одновременно было осуществлено сокращение двух малых школ с освобождением занимаемых ими зданий для двух переполненных средних школ города и осуществлено «интернациональное сближение» двух существовавших школ национальных меньшинств.

Начатая в 1923 году, после принятия XII съездом РКП(б) резолюции по национальному вопросу [9] политика коренизации постепенно сворачивалась введением школ не по национальному, а по территориальному признаку, что привело к закрытию национальных и введению смешанных классов.

Принятая в 1937 году Конституция Крымской АССР изменила национальную политику. Был взят курс на ликвидацию и реорганизацию органов государственной власти и управления,

сформированных по национальному признаку, на исключение национальных особенностей культурных и образовательных учреждений. Окончательно судьба школы решилась в 1937 г., когда решением Севастопольского ОНО она была закрыта [14, с. 210]. Полностью система национального образования была ликвидирована Постановлением ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 года «О реорганизации национальных школ», согласно которому особые национальные школы были реорганизованы в *«советские школы обычного типа»* [21].

Всего в 1925/26 учебном году в Крыму насчитывалось 25 греческих школ I ступени с 56 учителями и 1500 учащимися [21].

По результатам исследования можно выделить следующие основные этапы государственного реформирования в период 1920–1950 гг., которые оказали влияние на утрату культурных традиций самой многочисленной в Севастополе и Балаклаве в XIX веке группы этнического меньшинства – греков.

1. Первая массовая волна эмиграции греков в связи с открытием беспересадочного рейса в Пирей (1919).

2. Выселение греков-иностранным подданных и не имевших документов из Крыма и Севастополя за счет государства (1920).

3. Эвакуация «пришлого населения» в связи с наступившим голодом после установления Советской власти и введения продразверстки (1921).

4. Проведение школьной реформы, предполагавшей переподчинение всех учебных заведений соответствующим местным органам, отделение школы от церкви, изъятие из учебных программ изучения Закона Божьего и *«введение новых предметов школы социалистического типа»*.

5. Эмиграция греков и массовые репрессии, связанные с лишением избирательных прав и выселением из Севастополя иностранноподданных граждан (1926–1927). По разъяснению ЦИК, иностранные подданные не должны включаться в списки лишенных прав, но и не включались в списки избирателей.

6. Текучесть кадров в греческих школах, вызванная кадровыми «чистками» (1927–1930).

7. Реорганизация школ с введением обязательного семилетнего обучения (1930–1931), необходимость «расширения» греческой школы и преобразовании ее в школу II-ой ступени (семилетку).

8. Реализация политики «декоренизации»: «из-за недопустимо малого количества учащихся» греческая школа переведена в небольшое помещение (вместе с армянской школой) и закрытие греческой школы (1937).

9. Политические репрессии, примененные к греческому населению 1937, 1942 гг.

10. Депортация 1944 года и выселение иностранных подданных с просроченными паспортами.

Общее количество выселенных из Крыма греков составило 18571 человек. Это число впоследствии дополнили демобилизованные и вернувшиеся из эвакуации, члены семей, воевавшие на фронтах Великой Отечественной войны числом 139 человек. Многие спецпереселенцы (разных национальностей) не перенесли лишений, и уже к 1949 году из 229832 подвергшихся депортации из Крыма в живых осталось 185707 человек [10, с. 75].

Такая политика в отношении греческого народа не могла не сказаться на численности греков в Крыму. Так, в переписи населения 1949 г. греки в Крыму не значились вообще.

Национальная политика СССР была направлена на «формирование» нового, советского человека. Поэтому национальные меньшинства постепенно должны были слиться в единый советский народ. Основная функция образования состоит в транслировании ценностей господствующей культуры, несмотря на различие сущностных ценностей многообразных обществ. Воспитание молодых людей в духе признания культурных ценностей и идеалов, сложившихся в обществе, помогает поддерживать существующий социальный порядок, что отвечает целям государственного управления. С этой точки зрения государственная политика, проводившаяся в тридцатые годы прошлого столетия, представляется целесообразной и своевременной. Исторические уроки ликвидации неграмотности в СССР свидетельствуют, что повышение общеобразовательного и культурного уровня народа, в сочетании с расширением политического кругозора, является одним из существенных принципов социального переустройства, перехода к новому качеству общества.

Хорошее образование в греческих школах, привитая на протяжении многих веков общность с русской культурой и традициями, высокие моральные качества и личные примеры лучших представителей греческого народа, действительно привели к признанию ими культурных ценностей и идеалов, сложившихся в СССР, поддержанию существующего социального порядка. В качестве доказательства можно привести то, что несмотря на все невзгоды, которые пришлось выдержать греческому населению в период 1920–1941 гг., несмотря на методы разжигания национальной розни, применяемые немцами на оккупированной территории Крыма и Севастополя, греки не были коллаборационистами из числа народов СССР, не создавали и входили в состав добровольческих объединений Вермахта, сил охраны и войск СС.

Государственное реформирование 1920–1950 гг. и политические репрессии нанесли огромный удар по грекам, населявшим Крым и Севастополь, по их этнической культуре, национальным традициям, образованию.

Источники и литература.

1. Абдуллаева М. Церковно-приходские учебные заведения греков Крыма в конце XVIII – начале XX ст. [Электронный ресурс] // Вопросы духовной культуры – исторические науки. Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/81000/15-Abdullaeva.pdf?sequence=1>
2. Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 15.
3. АГС Ф. Р-223. Оп. 2. Д. 40.
4. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 58.
5. Герасенкова П.В. Роль литературного наследия древней Греции и древнего Рима в формировании ценностных ориентаций учащихся отечественных лицеев и гимназий второй половины XIX – начала XX века // Проблемы современного образования. 2012. Вып. 3. С. 31–43.
6. Греки и Россия (XVII–XX вв.) / отв. ред. И. Николопулос, примеч. Г.Л. Арша. СПб.: Алетейя, 2007. 448 с.
7. Греки Крыма: история и современное положение » [Электронный ресурс] // Официальный сайт Республиканского комитета по делам национальностей Автономной республики Крым. Режим доступа: http://reskomnac.ark.gov.ua/mejnacotnosh/atnich-atlas-kryma/121-greki-kryma#_ftn101 (проверено 23.02.2014 г.).
8. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) [Электронный ресурс] // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. Режим доступа: <http://istmat.info/node/31601>
9. Декрет Совета Народных Комиссаров "Об отделении церкви от государства и школы от церкви" от 20 января 1918 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции РФ. Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>
10. Зарубин В.Г. Депортация крымских греков (1944–1956 гг.) // Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. Симферополь: Таврия-Плюс, 2000.
11. Катунин Ю.А. Система духовного образования в Таврической губернии в конце XIX в. // Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времен и до наших дней. Материалы I научных чтений. (14–15 ноября 1996 г.). Симферополь: Рой, 1996. С. 16.
12. Кесмеджи П.А. Греки Крыма [Электронный ресурс] // Сайт «Этнография Крыма». Режим доступа: <http://www.info.crimea.edu/crimea/etno/ethnos/greki/index.htm>
13. Константиновское реальное училище [Электронный ресурс] // Сайт family-travel.crimea.ru. Режим доступа: http://family-travel.crimea.ru/Pamjatniki/konstantin_uch/konstantin_uch.html
14. Коротун Е.В. Память о прошлом // Документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев, 2007. С. 206–211.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970. Т. 2. С. 433–442.
16. Малиновская Е.С. К вопросу об иностранных консульствах в Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX веков [Электронный ресурс] // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XII (V). Серия Б. Новая и новейшая история. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2013. С. 64–79. Режим доступа: http://sev.msu.ru/page_id-1194/
17. Основание Севастополя и его развитие в конце XVIII – первой половине XIX веков: к 225-летию города // Методические указания для подготовки к семинарским занятиям, написанию контрольных работ и рефератов по дисциплине «История Украины» для студентов всех специальностей и форм обучения / [сост. Т.К. Кухникова]. Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2008. 56 с.
18. Пинчук С.А. Балаклавский греческий пехотный батальон в первой четверти XIX в. [Электронный ресурс] // Сайт «Крымовед». Режим доступа: <http://www.krimoved-library.ru/books/greki-balaklavi-i-sevastopolya7.html>

19. Постановление ЦИК и Совнаркома СССР «О всеобщем обязательном начальном обучении» от 14 августа 1930 г. [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3667.htm
20. Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной средней школе» от 5 сентября 1931 г. // Педология. 1931. № 4 (16). 1931. С. 3–8
21. Постановление ЦК ВКП(б) от 24 января 1938 года «О реорганизации национальных школ».
22. Приказ № 57 Крымревкома о перестройке работы учебных заведений от 30 ноября 1920 года // ГАРК. Ф. Р. 1188. Оп. 3. Д. 3.
23. Савченко М.М. Казы Михаил Ильич [Электронный ресурс] // Всемирная история. Энциклопедия. Режим доступа: http://w.histrf.ru/articles/article/show/kazi_mikhail_ilyich
24. Терентьева Н.А. Греки в Украине: экономическая и культурно-просветительская деятельность (XVIII вв.). К.: Аквилон-Пресс, 1999. 351 с.
25. Терещук Н. Дипломатический корпус Севастополя [Электронный ресурс] // Онлайн архив «Тайны истории». Режим доступа: <http://secrethistory.su/1041-diplomaticheskij-korpus-sevastopolya.html>
26. Терещук Н.М. Положение греческого населения Севастополя в 1920-е годы // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. С. 337–342.
27. Федорова Т.С. Организация первого учебного заведения в России для греческих детей (Корпус чужеземных единоверцев). Подготовка офицеров для русского флота // Греция и славянский мир. Сборник научных статей. Симферополь: Крымский архив, 2002. Вып. 1. С. 194–198.
28. Феофанов А.М. Образовательный уровень российского генералитета 1812 года [Электронный ресурс] // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 4 (53). С. 23–30. Режим доступа: <http://pstgu.ru/download/1383129438.2Theofanov.pdf>
29. История Балаклавы [Электронный ресурс] // Сайт «Всё о Балаклаве». Режим доступа: http://krim.biz.ua/balaklava_history.html
30. Форум истории Севастополя [Электронный ресурс] // Сайт «Sevastopol.info» Режим доступа: forum.sevastopol.info/viewtopic.php?f=27&t=145441&start=25

References.

1. Abdullayeva M. Tserkovno-prikhodskiye uchebnyye zavedeniya grekov Kryma v kontse XVIII – nachale XX st. [Electronic resource] // Voprosy dukhovnoy kultury – istoricheskiye nauki. Url.: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/81000/15-Abdullaeva.pdf?sequence=1>
2. Arkhiv goroda Sevastopolya (AGS). F. R-223. Op. 2. D. 15.
3. AGS F. R-223. Op. 2. D. 40.
4. AGS. F. R-420. Op. 1. D. 58.
5. Gerasenkova P.V. Rol literaturnogo naslediya drevney Gretsii i drevnego Rima v formirovanii tsennostnykh oriyentatsiy uchashchikhsya otechestvennykh litseyev i gimnaziyy vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka // Problemy sovremennoy obrazovaniya. 2012. Vyp. 3. S. 31–43.
6. Greki i Rossiya (XVII–XX vv.) / otv. red. I. Nikolopoulos, primech. G.L. Arsha. SPb.: Aleteyya, 2007. 448 s.
7. Greki Kryma: istoriya i sovremennoye polozheniye » [Electronic resource] // Ofitsialnyy sayt Respublikanskogo komiteta po delam natsionalnostey Avtonomnoy respubliki Krym. Url.: http://reskomnac.ark.gov.ua/mejnacotnosh/atnich-atlas-krima/121-greki-kryma#_ftn101 (provereno 23.02.2014 g.).
8. Dekret Vserossiyskogo Tsentralnogo Ispolnitelnogo Komiteta Sovetov. O Edinoy Trudovoy Shkole Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki (Polozheniye) [Electronic resource] // Sobraniye zakonov i rasporyazheniy pravitelstva za 1917–1918 gg. M.: Upravleniye delami Sovnarkoma SSSR, 1942. Url.: <http://istmat.info/node/31601>
9. Dekret Soveta Narodnykh Komissarov "Ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva i shkoly ot tserkvi" ot 20 yanvarya 1918 g. [Electronic resource] // Sayt Konstitutsii RF. Url.: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/>
10. Zarubin V.G. Deportatsiya krymskikh grekov (1944–1956 gg.) // Greki v istorii Kryma. Kratkiy biograficheskiy spravochnik. Simferopol: Tavriya-Plyus, 2000.
11. Katunin Yu.A. Sistema dukhovnoy obrazovaniya v Tavricheskoy gubernii v kontse XIX v. // Problemy materialnoy i dukhovnoy kultury narodov Kryma i Severnogo Prichernomoria ot antichnykh vremen i do nashikh dney. Mat. I nauchn. chteniy (14–15 noyabrya 1996 g.). Simferopol: Roy, 1996. S. 16.
12. Kesmedzhi P.A. Greki Kryma [Electronic resource] // Sayt «Etnografiya Kryma». Url.: <http://www.info.crimea.edu/crimea/etno/ethnos/greki/index.htm>
13. Konstantinovskoye realnoye uchilishche [Electronic resource] // Sayt family-travel.crimea.ru. Url.: http://family-travel.crimea.ru/Pamjatniki/konstantin_uch/konstantin_uch.html
14. Korotun E.V. Pamyat o proshlom // Dokumenty. issledovaniya. nauchnyye stati. podgotovlennyye sotrudnikami Gosudarstvennogo arkhiva g. Sevastopolya. Sevastopol: ChP Arefev, 2007. S. 206–211.
15. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy, plenumov TsK. M.: Politizdat, 1970. T. 2. S. 433–442.
16. Malinovskaya E.S. K voprosu ob inostrannykh konsulstvakh v Tavricheskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh vekov [Electronic resource] // Prichernomorye. Istoriya. politika. kultura. Vyp. XII (V). Seriya

- B. Novaya i noveyshaya istoriya. Sevastopol: Filial MGU v g. Sevastopole, 2013. S. 64–79. Url.: http://sev.msu.ru/page_id-1194/
17. Osnovaniye Sevastopolya i ego razvitiye v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vekov: k 225-letiyu goroda // Metodicheskiye ukazaniya dlya podgotovki k seminarским zanyatiyam, napisaniyu kontrolnykh rabot i referatov po distsipline «Istoriya Ukrainy» dlya studentov vsekh spetsialnostey i form obucheniya / [cost. T.K. Kukhnikova]. Sevastopol: Izd-vo SevNTU, 2008. 56 s.
18. Pinchuk S.A. Balaklavskiy grecheskiy pekhotnyy batalon v pervoy chetverti XIX v. [Electronic resource] // Sayt «Krymoved». Url.: <http://www.krimoved-library.ru/books/greki-balaklavi-i-sevastopolya7.html>
19. Postanovleniye TsIK i Sovnarkoma SSSR «O vseobshchem obyazatelnom nachalnom obuchenii» ot 14 avgusta 1930 g. [Electronic resource] // Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR. Url.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3667.htm
20. Postanovleniye TsK VKP(b) «O nachalnoy sredney shkole» ot 5 sentyabrya 1931 g. // Pedologiya. 1931. № 4 (16). 1931. S. 3–8/
21. Postanovleniye TsK VKP(b) ot 24 yanvary 1938 goda «O reorganizatsii natsionalnykh shkol».
22. Prikaz № 57 Krymrevkoma o perestroyke raboty uchebnykh zavedeniy ot 30 noyabrya 1920 goda. GARK. F. R. 1188. Op. 3. D. 3.
23. Savchenko M.M. Kazi Mikhail Ilich [Electronic resource] // Vsemirnaya istoriya. Entsiklopediya. Url.: http://w.histrf.ru/articles/article/show/kazi_mikhail_lich
24. Terentyeva N.A. Greki v Ukraine: ekonomicheskaya i kulturno-prosvetitskaya deyatel'nost' (XVIII vv.). K.: Akvilon-Press, 1999. 351 s.
25. Tereshchuk N. Diplomatskiy korpus Sevastopolya [Electronic resource] // Onlayn arkhiv «Tayny istorii». Url.: <http://secrethistory.su/1041-diplomatskiy-korpus-sevastopolya.html>
26. Tereshchuk N.M. Polozheniye grecheskogo naseleniya Sevastopolya v 1920-e gody // Sevastopol: vzglyad v proshloye. Nauchnyye stati sotrudnikov Gosudarstvennogo arkhiva g. Sevastopolya. Sevastopol: ChP Arefev, 2006. S. 337–342.
27. Fedorova T.S. Organizatsiya pervogo uchebnogo zavedeniya v Rossii dlya grecheskikh detey (Korpus chuzhestannykh edinoverstev). Podgotovka ofitserov dlya russkogo flota // Gretsii i slavyanskiy mir. Sbornik nauchnykh statey. Simferopol: Krymskiy arkhiv, 2002. Vyp. 1. S.194–198.
28. Feofanov A.M. Obrazovatelnyy uroven' rossiyskogo generaliteta 1812 goda [Electronic resource] // Vestnik PSTGU II: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2013. Vyp. 4 (53). S. 23–30. Url.: <http://pstgu.ru/download/1383129438.2Theofanov.pdf>
29. Istoriya Balaklavy [Electronic resource] // Sayt «Vse o Balaklave». Url.: http://krim.biz.ua/balaklava_history.html
30. Forum istorii Sevastopolya [Electronic resource] // Sayt «Sevastopol.info» Url.: forum.sevastopol.info/viewtopic.php?f=27&t=145441&start=25

* * *

Rosenko M.I. *The Greeks in the history of Sevastopol: role in the development of educational institutions and preservation of cultural identity and national traditions / Rosenko M.I. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 100–107.*

The study identifies the main stages and peculiarities of formation of training system for the Greeks in Sevastopol and Balaklava since late 18th century till 1930s, the role of this system in preservation of cultural values and national traditions, as well as adapting to life in new conditions, the influence of national elites on education of the Greek schoolchildren in Sevastopol and Balaklava in the spirit of acknowledging the cultural values and ideals existing in society. The paper also defines the main periods of transformation of the national minorities' educational system of in the period from 1917 to 1938.

Keywords: *the Greeks, education, Greek school, national tradition, cultural characteristics.*

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ УСАДЬБЫ КАК ЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Тихонова А.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Статья посвящена истории изучения русской усадебной культуры в советский период. Автор проанализировал исследования, посвящённые данной теме, и построил график, рас-пределяющий работы согласно хронологии, для наглядной демонстрации периодов появления и спада интереса к изучению выбранной темы.

Ключевые слова: усадьба, охрана памятников, усадебная культура.

Русская усадьба является уникальным культурным явлением, ее структура была постепенно выработана в течение столетий. Усадьба представляла собой комплекс жилых и служебных построек, который благодаря слаженному взаимодействию поддерживал существование поместья [18, с. 6]. Со временем понятие расширилось. Теперь под усадьбой принято понимать не только вместилище утраченных библиотек и коллекций, архитектурного ансамбля, садово-парковой культуры, но и отражение национальной психологии и мироощущения русского человека [13, с. 14–15].

В Центральном регионе в начале XX века фиксацией сведений о сохранившихся памятниках занимались общества «Старая Москва» (1909–1923 гг.) и Общество изучения Московской губернии (ОИМГ) (1926–1930 гг.). Первое занималось сбором материалов, касающихся общественно-политической и культурной жизни усадеб московского региона, в то время как ОИМГ крайне редко уделяла внимание данной тематике [16]. Объединив усилия и при поддержке Управления музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки Наркомпроса, в 1927 году они опубликовали библиографическое издание «Усадьбы Московской губернии», подготовленное искусствоведом И.М. Картавцовым, а также книгу «Памятники усадебного искусства: Московский уезд» составленную из описаний 163 имений, исследованных обществами [15].

Исследованием усадебной культуры Центральной России также занималось образованное в 1922 году Общество изучения русской усадьбы (ОИРУ). Оно было создано В.В. Згурой, историком и искусствоведом, вместе с коллегами Ю.Б. Бахрушиным и А.Н. Греч [4]. Согласно программному заявлению, их деятельность была посвящена изучению: *«истории и проблемам русской архитектуры XVIII и первой половины XIX в. в памятниках загородного строительства»* [17, с. 3]. Участники общества воспринимали усадебоведение не только как изучение элементов и композиции поместья, но также считали необходимым исследование всей территории поместья [17, с. 6]. Основа научного аппарата общества нарабатывалась путем составления усадебной и иконографической картотек, библиографического указателя, указателя источников, также были разработаны карты поместий. В 1926 году опубликована серия путеводителей «Подмосковные музеи», где подробно описаны наиболее значительные музеи-усадьбы региона [3]. В этом же году выпущено восемь сборников, посвященных имениям России.

ОИРУ впервые использовало комплексно-системный подход в изучении мира русской усадьбы, вело разработки методики исследования поместья как социально-культурного явления, а также занималось фиксацией сохранившихся источников. Опубликованные труды можно охарактеризовать как историко-краеведческие описания, основанные на богатой источниковедческой базе. К сожалению, общество было ликвидировано в 1930 году в связи с изменением общественно-политической обстановки в стране.

Интерес к усадебной культуре в 20-е годы XX столетия проявлялся через составление путеводителей. Примером многочисленных сборников, в основе которых находится

общая схема составления, является путеводитель В.В. Морозова и Б.О. Ольсена, содержащий более ста возможных маршрутов, в качестве приложения оснащённый схематической картой окрестностей [9].

Начиная с 30-х гг. и вплоть до начала 90-х гг. XX века интерес к изучению усадебной культуры значительно угасает. В основном, работы, написанные в этот период, ориентированы на изучение частных вопросов через призму усадебного мира. Среди трудов этого периода выделяются работы С.В. Безсонова, историка архитектуры и искусствоведа, а также С.А. Торопова, краеведа и архитектора-реставратора столичных и подмосковных памятников зодчества. В 1937 году С.В. Безсонов выпустил в свет сравнительно полную историю развития усадьбы Архангельское, где особое место уделит художественному убранству поместья [2]. В свою очередь, С.А. Торопов в работе «Подмосковные усадьбы» сделал акцент на историко-бытовых памятниках, выявил общие черты и особенности планировки, составил список поместий, представляющих архитектурно-художественную ценность, а также составил карту и произвёл фотофиксацию исследуемых объектов [6]. Сотрудники музеев, как правило, выпускали путеводители краеведческого-ознакомительного характера [10]. Так, например, сотрудники музея-усадьбы Щельково попытались увидеть созданные А.Н. Островским образы в мире усадьбы [21], а музей-усадьба Л.Н. Толстого составил краткое пособие гидам-переводчикам Интуриста [11].

Охраной памятников во второй половине 50-х годов XX века стали заниматься русские национально-патриотические структуры. Среди них – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), связавшее свою деятельность с сохранением русских культурных традиций. Общество возникло по инициативе заместителя председателя Совета министров РСФСР В.И. Кочемасова, писателя Л.М. Леонова, академиков АН СССР И.В. Петрянова-Соколова и Б.А. Рыбакова. Основными целями общества являлась защита, восстановление и популяризация объектов культурного наследия, памятников истории и культуры. Для более детального изучения проблемы были созданы секционные отделения, где отдельное место отводилось архитектуре, истории и краеведению. В 70–80-х годах XX века, находясь на пике своего развития, общество насчитывало около 10 миллионов человек и было признано одной из самых массовых организаций [14].

Изучением неотъемлемых элементов усадебного мира в 80-х годах XX века занимались Д.С. Лихачёв, который исследовал семантику садово-парковых стилей [8], и Р.М. Байбутова, посвятившая свою работу интерьеру эпохи классицизма и планированию композиции [1].

Исследование крымских усадеб в советский период, в основном, связано с деятельностью музейных работников и краеведов. Изучением региональных особенностей в это время занимался С.Д. Ширяев, который посвятил несколько работ процессу помещичьей колонизации и усадебному строительству в Крыму [19], занимался изучением архитектуры имений 1820–1840-х годов постройки [20]. Следует выделить диссертацию В.Ф. Козлова, специалиста в области исторического краеведения, региональной истории и культуры Крыма, посвящённую изучению и охране памятников полуострова в 1917–1918 годах [6].

Русская усадебная культура является самобытным социально-экономическим и культурно-историческим явлением, которое отказывало непосредственное влияние на образ жизни России с середины XVII века вплоть до октября 1917 года. В.Ф. Козлов рассматривал русскую усадьбу как самый уязвимый по характеру вид отечественных монументальных памятников [7, с. 23].

Приведенный ниже График 1 наглядно демонстрирует периоды проявления и спада интереса к изучению усадебного мира. Ось абсцисс отображает временную шкалу, соответствующую XX в., а ось ординат отражает количество опубликованных работ по данной тематике. Таким образом, график иллюстрирует распределение исследовательских трудов, посвящённых изучению русской усадьбы как явления культуры.

Угасание интереса к усадебной культуре было вызвано заинтересованностью исследователей в изучении социально-экономических, а не культурных аспектов. И.Д. Ковальченко связывает данное смещение с доступностью источников, касающихся устройства помещичьего хозяйства России [5]. Трудность в исследовании данной темы заключается и в методологическом плане. Единый подход к изучению и описанию сохранившихся па-

мятников усадебной культуры так и не был выработан. Социокультурное пространство в советский период не было синхронизировано. По этой причине отсутствует системное понимание проблемы. Исследованием данной темы занимались краеведческие организации, искусствоведы и историки. Большинство работ сводилось к традиции «усадьбоописания» и носит краеведческий характер.

График 1.

Источники и литература.

1. Байбунова Р.М. Русский усадебный интерьер эпохи классицизма. Планировочные композиции // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М.: Наука, 1980. С. 140–161.
2. Безсонов С.В. Архангельское. Подмосковная усадьба. М.: Изд-во Всес. акад. Архитектуры, 1937. 272 с.
3. Греч А.Н., Згура В.В. Подмосковные музеи. Путеводитель. М.: Издательство Московского Коммунального Хозяйства, 1926. 44 с.
4. Иванова Л.В. Русская усадьба XVIII – нач. XX вв.: проблемы изучения и возрождения // Русская усадьба. Сборник Общества изучения Русской усадьбы (ОИРУ). 1994. Вып. 1 (17). 240 с.
5. Ковальченко И.Д., Литвак Б.М., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: источники и методы изучения. М.: Наука, 1982. 263 с.
6. Козлов В.Ф. Источники об охране и использовании памятников истории и культуры в Крыму. 1917–1928 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1984. 25 с.
7. Козлов В.Ф. Вступительная статья // Москва-Крым. Историко-публицистический альманах. 2002. Вып. 4. С. 23.
8. Лихачев Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. Л.: Наука, 1982. 344 с.
9. Морозов В.В., Ольсен Б.О. Экскурсии и прогулки в окрестности Москвы. М.–Л.: Гос. изд-во, 1926. 144 с.
10. Музей-усадьба Кусково. Краткий путеводитель / сост. А.П. Стина. М.: Издание Музея Кусково, 1930. 24 с.
11. Музей-усадьба Л.Н. Толстого в Москве. Пособие к экскурсиям. Помощник гидам-переводчикам Интуриста. М., 1974. 48 с.
12. Музей-усадьба Останкино. Краткий путеводитель / сост. К. Виноградов. М.–Л.: ОГИЗ; ИЗОГИЗ, 1931. 64 с.
13. Нащокина М.В. Русская усадьба – временное и вечное // Русская усадьба. Сборник Общества изучения Русской усадьбы (ОИРУ). 2003. № 9 (25). С. 14–15.
14. О ВООПИиК. История. [Электронный ресурс] // сайт «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры». Режим доступа: <http://www.voopik.ru/voopiik/history/>
15. Памятники усадебного искусства: Московский уезд. Труды картографической комиссии Общества изучения русской усадьбы. М.: Издание ОИРУ, 1928. Вып. 1. 106 с.
16. Савинова Е.Н. Сельские усадьбы московских предпринимателей к. XIX–XX вв. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2008. 408 с.
17. Сборник Общества изучения русской усадьбы. М.: «Мосполитграф». 1923. 12 с.
18. Торопов С.А. Подмосковные усадьбы. Сокровища русского зодчества. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1947. 38 с.
19. Ширяев С.Д. Помещичья колонизация и русские усадьбы в Крыму в конце XVIII – пер. пол. XIX вв. // Общественно научный журнал. Российское общество по изучению Крыма. 1925. № 1. С. 169–186.
20. Ширяев С.Д. Усадебная архитектура Крыма 1820–1840 гг. // Крым. 1929. № 2. Вып. 2. С. 72–102.
21. «Щелыково». Усадьба-музей А.Н. Островского / сост. Е.А. Петрова. М.: Всероссийское театральное общество, 1960. 31 с.

References.

1. Bayburova R.M. Russkiy usadbenyy interyer epokhi klassitsizma. Planirovochnyye kompozitsii // Pamyatniki russkoy arkhitektury i monumentalnogo iskusstva. M.: Nauka, 1980. S. 140–161.
2. Bezsonov S.V. Arkhangel'skoye. Podmoskovnaya usadba. M.: Izd-vo Vses. akad. Arkhitektury, 1937. 272 s.
3. Grech A.N., Zgura V.V. Podmoskovnyye muzei. Putevoditel. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Kommunal'nogo Khozyaystva, 1926. 44 s.
4. Ivanova L.V. Russkaya usadba XVIII – nach. XX vv.: problemy izucheniya i vrozozhdeniya // Russkaya usadba. Sbornik Obshchestva izucheniya Russkoy usadby (OIRU). 1994. Vyp. 1 (17). 240 s.
5. Kovalchenko I.D., Litvak B.M., Selunskaya N.B. Sotsialno-ekonomicheskiy stroy pomeshchichyego khozyaystva Evropeyskoy Rossii v epokhu kapitalizma: istochniki i metody izucheniya. M.: Nauka, 1982. 263 s.
6. Kozlov V.F. Istochniki ob okhrane i ispolzovanii pamyatnikov istorii i kultury v Krymu. 1917–1928 gg.: Avtoref. dis... kand. ist. nauk. M., 1984. 25 s.
7. Kozlov V.F. Vstupitel'naya statia // Moskva-Krym. Istoriko-publitsisticheskiy almanakh. 2002. Vyp. 4. S. 23.
8. Likhachev D.S. Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stiley. Sad kak tekst. L.: Nauka, 1982. 344 s.
9. Morozov V.V., Olsen B.O. Ekskursii i progulki v okrestnosti Moskvyy. M.–L.: Gos. izd-vo, 1926. 144 s.
10. Muzei-usadba Kuskovo. Kratkiy putevoditel / sost. A.P. Stina. M.: Izdaniye Muzeya Kuskovo, 1930. 24 s.
11. Muzei-usadba L.N. Tolstogo v Moskve. Posobiye k ekskursiyam. Pomoshchnik gidam-perevodchikam Inturista. M., 1974. 48 s.
12. Muzei-usadba Ostankino. Kratkiy putevoditel / sost. K. Vinogradov. M.–L.: OGIZ; IZOGIZ, 1931. 64 s.
13. Nashchokina M.V. Russkaya usadba – vremennoye i vechnoye // Russkaya usadba. Sbornik Obshchestva izucheniya Russkoy usadby (OIRU). 2003. № 9 (25). S. 14–15.
14. O VOOPiK. Istoriya. [Elektronnyy resurs] // sayt «Vserossiyskoye obshchestvo okhrany pamyatnikov istorii i kultury». Rezhim dostupa: <http://www.voopik.ru/voopiik/history/>
15. Pamyatniki usadbnogo iskusstva: Moskovskiy uyezd. Trudy kartograficheskoy komissii Obshchestva izucheniya russkoy usadby. M.: Izdaniye OIRU, 1928. Vyp. 1. 106 s.
16. Savinova E.N. Selskiye usadby moskovskikh predprinimateley k. XIX–XX vv. M.: Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvyy, 2008. 408 s.
17. Sbornik Obshchestva izucheniya russkoy usadby. M.: «Mospolitgraf», 1923. 12 s.
18. Toropov S.A. Podmoskovnyye usadby. Sokrovishcha russkogo zodchestva. M.: Izd-vo Akademii arkhitektury SSSR, 1947. 38 s.
19. Shirayev S.D. Pomeshchichia kolonizatsiya i russkiye usadby v Krymu v kontse XVIII – per. pol. XIX vv. // Obshchestvenno nauchnyy zhurnal. Rossiyskoye obshchestvo po izucheniyu Kryma. 1925. № 1. S. 169–186.
20. Shirayev S.D. Usadbnaya arkhitektura Kryma 1820–1840 gg. // Krym. 1929. № 2. Vyp. 2. S. 72–102.
21. «Shchelykovo». Usadba-muzei A.N. Ostrovskogo / sost. E.A. Petrova. M.: Vserossiyskoye teatralnoye obshchestvo, 1960. 31 s.

* * *

Tikhonova A. A. *Studies of Russian country estates as a cultural phenomenon in the Soviet period / Tikhonova A. A. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 108–111.*

The article provides the history of studies on Russian country estates culture in the Soviet period. The author gives an analysis of investigations on this subject and plots the graph allotting the scholarly works to the time line to show the fluctuation of interest to this topic.

Key words: country estate, monuments protection, estates culture.

УДК 355.354 «1942» (477.75)

DOI 10.5281/zenodo.345112

ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ В БОЯХ ЗА ФЕОДОСИЮ В СЕРЕДИНЕ ЯНВАРЯ 1942 ГОДА

ТКАЧЕНКО С.Н.

Тульский педагогический университет имени Л.Н. Толстого

На основании архивных документов прослеживаются действия советской авиации (Кавказского фронта и Черноморского флота) и люфтваффе на плацдарме, захваченном в декабре 1941 г. в результате морской десантной операции советских войск. Особое внимание уделено противостоянию в воздухе в дни боев за ключевой пункт – город и порт Феодосия 15–18 января 1942 г.

Ключевые слова: авиационные части и соединения, боевые действия, плацдарм, десант, состав сил, вылеты.

Действия советской авиации и отчасти люфтваффе уже рассматривались автором в предыдущих работах [7; 8]. Однако в последнее время стали известны новые документы, прежде всего немецкие, которые проливают свет на некоторые моменты, объясняют отдельные обстоятельства боевых действий на Феодосийском плацдарме в январе 1942 г. Поэтому считаем актуальным рассмотреть историю применения авиационных сил и средств в комплексе, используя хронологический метод. Но увидеть картину противостояния авиационных формирований невозможно без понимания всей обстановки на земле и в море, поэтому, речь идет об основных действиях сухопутных соединений и объединений (советских 51-й и 44-й армий и немецкой 11-й армии) на плацдарме.

Прежде всего, необходимо охарактеризовать авиационные силы противоборствующих сторон. В советских ВВС сухопутного направления авиация делилась на фронтовую (подчинение фронтам) и армейскую (подчинялась штабам армий); флотская авиация не распылялась по объединениям. Всего по окончании проведения Керченско-Феодосийской десантной операции состав сил советской авиации был следующий (на 01.01.1942 г.) [1, с. 13; 7, с. 141]:

– ВВС фронтового подчинения (Кавказский фронт): в интересах фронта действовали 132-я бомбардировочная авиадивизия и 134-я бомбардировочная авиадивизия, подчиненные командованию 46-й армии (в дивизиях было по два полка на бомбардировщиках ДБ-3 и приданных им Як-1 и МиГ-3); 41-й ближний бомбардировочный авиационный полк (на СБ), 128-я корректировочная авиаэскадрилья (на Р-5), 149-я и 150-я разведывательные авиаэскадрильи (на СБ).

– ВВС 44-й армии: 25-я, 27-я и 135-я истребительные авиадивизии (по два авиаполка в дивизии, все в основном на И-16 и И-153), 40-я корректировочная авиаэскадрилья (на Р-5), 152-я разведывательная авиаэскадрилья (на СБ).

– ВВС 51-й армии: 71-я смешанная авиадивизия в составе двух истребительных авиаполков (на И-153 и И-16) и одного бомбардировочного на СБ; 72-я истребительная авиадивизия в составе: 45-й истребительный авиаполк на Як-1; 247-й истребительный авиаполк на ЛаГГ-3 (был отдельным, вошел в состав дивизии); 486-й истребительный авиаполк на ЛаГГ-3; 2-й штурмовой авиационный полк (в начале 1942 г. начал действовать на одноместных штурмовиках Ил-2, получив новый номер: 766 ШАП); 23-я корректировочная авиаэскадрилья (на СБ), 151-я (на СБ) и 507-я разведывательные авиаэскадрильи (на Пе-2).

– Соединения и части ВВС ЧФ (действовавшие в интересах десантных сил, основная часть находилась в составе авиагруппировки в Севастопольском оборонительном районе (СОР)): 2-й дальнебомбардировочный авиаполк (на ДБ-3ф и ДБ-3); 40-й среднебомбардировочный авиаполк (на СБ и Пе-2); 7-й, 3-й и 32-й истребительные авиаполки (на И-16, И-

153, МиГ-1, МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3); часть 18-го штурмового авиаполка на одноместных Ил-2; 119-й морской разведывательный авиационный полк (на гидросамолетах МБР-2); 27-я морская разведывательная авиаэскадрилья (на Пе-2).

Состав сил и средств авиации с течением времени менялся – причем не только количественно из-за неизбежных потерь или пополнения новыми машинами, но и в числе авиационных частей, придаваемых к существующей группировке. Естественно, из-за пополнения частями и соединениями выросло и общее количество самолетов по сравнению с периодом проведения десантной операции под Керчью и Феодосией. По данным советской стороны, на 10 января в ВВС 44-й армии насчитывалось 97 исправных и 16 неисправных, в ВВС 51-й армии 95 исправных и 34 неисправных самолета [11, л. 23, 24]. В соединениях и частях фронтовой авиации, учитывая потери при проведении десанта, находилось не менее 150 исправных самолетов [7, с. 123, 344–345]. Около 150 самолетов ВВС ЧФ базировались на кавказском побережье и использовались в интересах задач флота и фронта (севастопольская авиагруппа состояла из 51 колесного и 31 гидросамолета для поддержки и прикрытия с воздуха войск СОР). Все силы достаточно активно выполняли соответствующие задачи; возросло количество самолетовылетов из полков, которые перебазировались на аэродромы Керченского полуострова в первой половине января 1942 г. (хотя процесс перебазирования продолжался).

Активность ВВС РККА вызывала большую озабоченность германского командования. Было ясно, что без массовой поддержки Люфтваффе проблемы 11-й армии не решить. В связи с этим 15 января в Сарабуз прибыл командующий 4-м воздушным флотом генерал-oberst Александр Лер (Alexander Löhr). Там он встретился с Э. фон Манштейном, войска которого только что перешли в наступление в районе Феодосии. Ознакомившись на месте с обстановкой, Лер пообещал оказать помощь. Вернувшись в штаб воздушного флота в Полтаву, он провел короткое совещание, по итогам которого было решено создать Специальный штаб «Крым» (Sonderstab Krim). Во главе его был поставлен генерал Роберт фон Грайм (Robert Ritter von Greim), ранее командовавший V авиакорпусом [2, с. 15].

В его распоряжение были переданы сразу несколько подразделений: 4-я эскадрилья дальней разведки Aufkl. Gr.122, Stab, и III./JG77 (истребители Bf-109), II. и III./StG77 (штурмовики Ju-87), III./KG27 «Бельке» (бомбардировщики He-111H) и III./KG51 «Эдельвейс» (бомбардировщики Ju-88A-4), а также I./KG100 «Викинг» (Kampfgeschwader 100 «Wiking»), недавно вернувшаяся с отдыха и созданная на основе специализированной авиагруппы KGr.100 «Викинг» (т.н. цельфиндеров (Zeilfinder), то есть целеуказателей). Кроме того, Специальному штабу «Крым» было оперативно подчинено и недавно сформированное Авиационное командование «Зюд» (Fliegerfuhrer Sud), которое возглавлял oberst Вольфганг фон Вилд (Wolfgang von Wild). Оно координировало действия летающих лодок Bv-138 и гидросамолетов Ag-196 [10, p. 36].

Авиационные части специального штаба базировались: Штаб и 3./KG77 – в Сары-Баш, II./KG77 и III./KG77 – также в Сары-Баш, III./KG27 – в Херсоне, III./KG51 – в Николаеве, I./KG100 – в Саки. Fliegerfuhrer Sud obersta Вильда было переведено в Саки [3, с. 232]. В целом, по данным немецкой стороны на 15.01.1942 г., в составе спецштаба насчитывалось 197 исправных самолетов: 94 истребителя, 77 бомбардировщиков, 9 разведчиков и 17 вспомогательных [14, f. 615].

Первой крупной операцией Специального штаба «Крым» стала поддержка наступления 11-й армии на Феодосию. В целом известно, что именно 15 января 1942 г. части и соединения 11-й армии вермахта начали наступление на советские позиции по всему фронту от побережья Сиваша практически до Коктебеля. Но главные усилия были приняты в районе селений Розальевка – Аджигол и вдоль железной дороги Ислам-Терек – Владиславовка. В 8.00 немецко-румынские части из района Киет – Сеит-Асан перешли в наступление против передовых частей 224-й и 390-й стрелковых дивизий (под прикрытием дымовой завесы и огня бронепоезда, активно штурмует авиация, хотя один истребитель противника был сбит). Также в 8.00 противник при поддержке авиации начал наступление по всему фронту 236-й стрелковой дивизии. К 14.00 неприятельские части овладели рубежом высота 236,4 – Коктебель. Соединения 51-й армии вели напряженные бои, а 44-я

армия под воздействием противника отошла. Связь штаба этой армии с частями нарушена, положение многих частей оставалось невыясненным. Генерал В.Н. Львов решил активными действиями войск левого фланга 51-й армии задержать противника и дать возможность частям 44-й армии отойти на новые рубежи. ВВС фронта и ЧФ произвели 348 вылетов, из них 110 – на удары по войскам противника и его аэродромам; проведено 20 воздушных боев, всего уничтожено 34 самолета, 35 машин, 20 подвод. Наши потери – 13 самолетов [13, л. 76].

К исходу дня немецко-румынские части вышли на рубеж: западная окраина Тулумчак – западные скаты выс. 26,7, железная дорога в 3 км северо-западнее Владиславовки – Кулеча-Мечеть – западные скаты хр. Биюк-Эгет – хр. Кучук-Эгет – Карагоз – г. Сары-Кая – Бараколь – выс. 126,6. Авиация силами пикирующих бомбардировщиков неоднократно бомбила боевые порядки советских войск, артиллерийские батареи и взлетно-посадочные полосы на Ак-Монайском перешейке. «Мессершмитты» из JG77 вели бои с истребителями. Кроме того, постоянным авиаударами подвергались гавани Феодосии и Керчи, другие порты на Черноморском и Азовском побережьях, а также пути снабжения через Керченский пролив [11, л. 1–3].

В этот день произошло еще одно событие, сыгравшее немаловажную роль в обороне города: около 11 ч. 15 мин. нанесен целенаправленный бомбовый удар по штабу 44-й армии в с. Сарыголь, по видимому, известному германской разведке. Важно, что в документах фронта и воспоминаниях указана другая дата, на один день или даже три дня позже. Из воспоминаний К. Симонова: *«Передо мной – датированная 18 января 1942 года телеграмма, посланная в штаб фронта, в Краснодар из Феодосии: "Бомбили штаб армии. Командарм, член Военсовета и начштаба ранены". Так в первый же день немецкого контрнаступления одним ударом была обезглавлена 44-я армия, и с этого началась вся драма ее исхода из Феодосии»* [6, с. 169]. Скорее всего, после войны, при подготовке к публикации военных дневников, известный писатель не уточнил подлинную дату вывода из строя всего командного состава 44-й армии. Из текста мемуаров А.Н. Первушина можно понять, что бомбовый удар был 16 января [4, с. 163]; за 15 января в оперативных сводках данных нет. Однако анализ оперсводок и журнала боевых действий 44-й армии указывает: в результате бомбардировки с. Сарыголь авиацией противника тяжело ранен командарм генерал-майор А. Первушин, убит член Военного совета бригадный комиссар А.Г. Комиссаров именно утром 15 января, в первый день немецко-румынского наступления. Были разрушены все средства связи, и армия осталась без управления. В командование вступил командир 9-го стрелкового корпуса генерал-майор И.Ф. Дашичев, обязанностью члена ВС принял на себя бригадный комиссар И.А. Змиевский [8, с. 281].

Трудными были сутки 16 января 1942 г. В директиве командующего Кавказским фронтом за № 0178/оп указывалось, что Кавказский фронт с утра 17 января переходит к обороне на Ак-Монайских позициях. Перед 51-й армией ставилась задача: ударом на юг танками и моточастями, при поддержке пехоты из района Владиславовки в направлении Петровки и во взаимодействии с частями 44-й армии уничтожить противника, прорвавшегося к району Аджигол. В дальнейшем на рубеже Тулумчак – Владиславовка – Тамбовка прикрыть отход 44-й армии на Ак-Монайские позиции. С выходом этой армии на рубеж Владиславовка – Ближние Камыши начать отход на Ак-Монайские позиции. 44-й армии, удерживая рубеж Дымова – Ближняя Байбуга – Дальняя Байбуга – Джанкой, ударом в направлении Аджигол и Тамбовка уничтожить противника, прорвавшегося к Аджиголу, и обеспечить выход левого крыла армии на Ак-Монайские позиции. В дальнейшем, под прикрытием 51-й армии, в ночь на 17 января начать отход на Ак-Монайские позиции [13, л. 77].

Военно-воздушным силам фронта ставились задачи:

- а) ударом всей авиации по району Ботегечь – курган Бакель-Оба не допустить противника к морю;
- б) прикрыть отход частей 44-й армии и действия флота в Феодосийском заливе;
- в) содействовать ударным группировкам 51 и 44-й армий на поле боя;
- г) ударом по аэродромам и уничтожением военно-воздушных сил в воздухе не допустить действий авиации противника на поле боя;

д) прикрыть порты Феодосия, Камыш-Бурун и Керчь. Все, что не может быть эвакуировано, уничтожить [9, с. 30–31].

Перед фронтом 51-й армии противник силами до двух пехотных полков вел бой на всем участке, пытаясь прорваться в район Тулумчак, отм. 26,7. Одновременно до пехотного полка пытались выйти во фланг вдоль берега Сиваша. На участке фронта 44-й армии противник, введя в бой два свежих пехотных полка, продолжал наступление, нанося главный удар в направлении Карагоз, Дальняя Байбуга, и в результате к 16.00 отбросил части этой армии и прорвался к селению Аджигол. В образовавшийся прорыв, после 16.00, была выдвинута румынская моторизованная группа Р. Корнэ, отсекая 236-ю, 157-ю и остатки 63-й дивизий, окруженные в районе северо-западнее и западнее Феодосии. Ночью начался вывод главных сил и штабов из района Феодосии на Ак-Монайские позиции. Опергруппа штаба 44-й армии перешла из Сарыголь в Дальние Камыши [15, л. 33].

Авиация противника малыми группами и одиночными самолетами бомбила даже небольшие скопления советских войск, штабы и командные пункты. 16 января в 9.00 в Херсоне стартовали бомбардировщики III./KG27, а в 11.00 из Кировограда взлетели самолеты I./KG27. При этом первые атаковали порт Феодосии, вторые – позиции советских войск вокруг него. Над целью по «Хейнкелям» велся сильный зенитный огонь, в результате которого один He-111 из 3-й эскадрильи получил повреждения, но сумел вернуться на базу, а другой бомбардировщик из 9-й эскадрильи произвел вынужденную посадку недалеко от линии фронта. 2-я эскадрилья бомбила прибрежную дорогу, с малой высоты сбрасывая на колонны советских войск осколочные бомбы. Советских истребителей в воздухе замечено не было, по «Хейнкелям» велся только артиллерийский и ружейный огонь [2, с. 16–17]. 16 января IV авиакорпус генерала авиации Пфлюгбейла начал совершать налеты на советские корабли и суда в Черном море, и прежде всего, на идущие из Керчи. На портовые сооружения Севастополя были сброшены бомбы SC1000.I./KG100 [3, с. 23–236].

Авиация Кавказского фронта, флота и армий произвела 276 самолетовылетов, из которых 105 – на уничтожение противника, проведено 10 воздушных боев, сбито два Ju-88. Потери: сбито два самолета, повреждено три. Продолжались перебазирования авиачастей: одна эскадрилья 68-го истребительного авиаполка вошла в состав 364-го истребительного авиаполка, три Як-1 вошли в состав 247-го истребительного авиаполка в Керчи. В ночь на 16 января 20 МБР-2 Геленджикской авиагруппы бомбили вражеские войска в Старом Крыму и Ислам-Тереке. Один МБР-2 бомбил аэродром Сарабуз и сбросил 127 000 листовок [9, с. 35; 13, л. 77].

С утра 17 января 1942 г. перед фронтом 51-й армии противник продолжал наступление, направляя главный удар на Ботегеч общими силами до двух пехотных дивизий. Перед частями 44-й армии немецко-румынские войска силами до пяти дивизий, имея основную группировку на стыке 51-й и 44-й армий, наносили главный удар на Аджигол и далее к Феодосийскому заливу; авиация продолжала активные налеты на советские войска. 51-я армия сдерживая атаки противника, левым флангом отошла к Владиславовке. Группа Шаповалов, атаковав противника в районе Орта-Эгет – Тамбовка – выс. 105,2, понесла тяжелые потери от артогня и ударов авиации, и отошла на Владиславовку, Новомихайловку. Оперативная группа 51-й армии перебазировалась в Огуз-Тобе [13, л. 78].

44-я армия, потеряв управление частями, несла тяжелые потери в личном составе и материальной части. Не выдержав наступления противника на правый фланг, части армии в беспорядке отступали разрозненными группами в течение предыдущего и этого дня с общим направлением на Ак-Монайские позиции. Положение многих частей было неясным. 236-я стрелковая дивизия потеряла всю артиллерию, 63-я горнострелковая дивизия – половину орудий.

17 января 1942 г. налеты на Феодосию продолжились. В частности, 5 He-111 из II./KG27 снова выступали в роли штурмовиков, с бреющего полета сбрасывая осколочные бомбы и ведя огонь из пулеметов. При этом ответным огнем с земли на одном из самолетов был тяжело ранен штурман [15, f. 286].

ВВС фронта и Черноморского флота произвели 231 вылет самолетов (без ВВС 44-й армии), уничтожив до тысячи солдат противника, три танка, автомашины, два полевых

орудия, сбито 2 Ju-88. Потери: не вернулись 6 самолетов, из которых 5 произвели вынужденную посадку на своей территории. В течение ночи 25 МБР-2 Черноморского флота бомбили и штурмовали аэродром Сарабуз и вражеские войска на Феодосийском участке фронта [13, л. 78].

К утру 17-го января кольцо окружения вокруг Феодосии замкнулось. В этот же день по приказу командующего Кавказским фронтом части флота оставили город Феодосия. Оборудование полузатопленных транспортов «Красногвардеец» и «Ташкент», трофейный боезапас и трехдюймовое орудие у мыса Ильи были уничтожены. С тяжелыми боями из окрестностей города удалось прорваться отдельным частям и группам 63-й и 157-й дивизий, которые вели отдельные инициативные офицеры. Спасся и штаб 236-й дивизии (прикрываясь отрядом автоматчиков), но большая часть этого соединения оказалась в окружении. Бои в окрестностях Феодосии шли почти весь день, отдельные остатки частей 157-й стрелковой дивизии и моряки из 2-го штурмового отряда (под командованием А.М. Шермана) сражались в районе Двукорной бухты до вечера 19-го января.

В 15.00 по прямому проводу состоялся телеграфный разговор командующего фронтом со Ставкой ВГК, от имени которой говорил генерал-лейтенант А.М. Василевский. Д.Т. Козлов доложил: *«На фронте 51-й армии обстановка следующая: части армии ведут бои с противником на всем фронте, особенно тяжелые в районе выс. 105,2, где с утра группа Шаповалова (танковый полк и мотополк) и части 398-й дивизии ведут тяжелый бой с противником [численностью] до двух дивизий, что подтверждается и авиацией, которая целый день бомбила и штурмовала наступающие дивизии немцев, поддерживаемые многочисленной авиацией. На фронте 44-й армии. Имею сведения о группе Мороза – остатки 236-й и части 404-й дивизий с утра ведут бой в районе Тамбовки. Имею сведения от авиации о том, что около 14.00 шел бой в районе Насыпкой (южнее с частями прикрытия, которые оставлены Первушиным). Части Циндзевенского, 157-я и 63-я [дивизии] в 8.00 начали выдвижение из района Ближних Камышей на Дальние Камыши. Со штабом 44-й армии удалось связаться только со вторым эшелоном. Командующий армией Дашичев после ранения Первушина руководит боем на месте, с нами связаться не может, так как разбиты все средства связи вчера на КП. Слежу за ним авиацией и через Львова делегатом связи»* [5, с. 46–48].

18 января 1942 г. в 02.30 комфронта Д.Т. Козлов приказал: *«Всем командирам собрать свои части»* [8, с. 252]. Перед фронтом 51-й армии ночью противник активности не проявлял. Хотя, по показаниям пленных, потери в 46-м пехотном полку 46-й пехотной дивизии достигали 70 %, немцы упорно выполняли задачу – выйти к морю [13, л. 78]. И с утра в направлении от Кулеча-Мечеть против 302-й стрелковой дивизии началось наступление пехотного полка, усиленного артиллерией и минометами, авиация активности не проявляла. Против 44-й армии противник силами 73-й, 132-й, 170-й пехотных дивизий вел непрерывные атаки советских войск, авиация действовала над полем боя особенно интенсивно.

ВВС фронта и ЧФ произвели 159 самолетовылетов, уничтожив до 600 солдат, 11 автомашин, одно орудие. Не вернулись на свой аэродром два самолета [13, л. 79].

18 января пешком прибыла 10-я пехотная дивизия румынских войск, и таким образом, на фронте были сосредоточены 40 тыс. немецких и 45 тыс. румынских солдат [12, л. 33]. Численное превосходство было налицо при высоком уровне потерь, да и тактические успехи тоже. К вечеру 18 января немцы полностью заняли Феодосию.

Командующий фронтом 18 января приказал генералу В.Н. Львову отвести армию на Ак-Монайский перешеек, занять и оборонять позиции Арабат, Ак-Монай, Парпач. Остатки частей 44-й армии продолжали выходить в район Ак-Монайских позиций. В командование армией вступил генерал-майор В.В. Новиков. Части армии третий день не получали пищи, снарядов. 157-я стрелковая дивизия имеет потери 60–80%, много разбежавшихся. В течение дня отошедшие части приводились в порядок. На усиление армии выделены 54-й мотострелковый полк, батальон 83-й морской стрелковой бригады, 824-й стрелковый полк и часть 2-й группы морской пехоты, с целью организации обороны рубежа Кой-Асан – гора Ас-Чалуле [13, л. 79].

Захватив Феодосию, Сарыголь, Дальние Камыши, немцы и румыны решили нанести фланговый удар и по 51-й армии с целью овладеть Владиславовкой, Ново-Михайловкой,

отрезать и уничтожить ее части в районах Киета и Сеит-Асана. Решительные действия советских войск, закрепившихся на относительно укрепленном еще в 1941 г. рубеже на правом фланге армии, остановили наступление противника на линии восточнее высоты 25,3 и Тулумчак. Для прорыва укреплений требовалась их непрерывная бомбардировка в течение многих дней. Битва в воздухе непосредственно за Феодосию и порт в целом закончилась, хотя в дальнейшем город неоднократно подвергался налетам советской авиации фронтового, армейского и флотского подчинения. Однако воздушных боев над городом и окрестностями не велось. Люфтваффе также основные усилия направили на поддержку фронтовых частей на Ак-Монайских позициях (по немецкой терминологии – Парпачских позициях). Начинался четырехмесячный период противостояния образуемого Крымского фронта и немецко-румынских войск 11-й армии.

Источники и литература.

1. Боевой состав Советской Армии. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1966. Ч. 2 (январь-декабрь 1942 г.). 264 с.
2. Зефилов М.В., Zubov Д.А. Прерванный полет «Эдельвейса». Люфтваффе в наступлении на Кавказ. 1942 г. М.: Центрполиграф, 2014. 253 с.
3. Куровски Ф. Черный крест и красная звезда. Воздушная война над Россией. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 399с.
4. Первушин А.Н. Дороги, которые мы не выбирали. М.: ДОСААФ, 1974. 271 с.
5. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 год. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 16 (5–2). 624с.
6. Симонов К.М. Разные дни войны. Дневник писателя. М.: Художественная литература, 1982. Т. I. 479 с.
7. Ткаченко С.Н. Морские десанты в Крым. Авиационное обеспечение действий советских войск. 1941–1942. М.: Центрполиграф, 2015. 512 с.
8. Ткаченко С.Н. Хроника боевых действий на Феодосийском плацдарме в конце декабря 1941 – январе 1942 года // Один год из 25 веков. Феодосия, 1941–1942. Симферополь: ДИАИПИ, 2011. С. 222–286.
9. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. М.–Л.: Воениздат, 1946. Вып. 2. 352 с.
10. Hayward Joel S.A. Stopped at Stalingrad: the Luftwaffe and Hitler's defent in the East, 1942–1943. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1998. 393 p.
11. Центральный архив министерства обороны (ЦАМО). Ф. 216. Оп. 1142. Д. 14.
12. ЦАМО. Ф. 216. Оп. 1142. Д. 15.
13. ЦАМО. Ф. 216. Оп. 1142. Д. 29.
14. National Archives and Records Administration (NARA). T312. roll 365. (11 AOK).
15. NARA. T312. roll 1691. (11 AOK).

References.

1. Boyevoy sostav Sovetskoy Armii. M.: Voennoye izdatelstvo Ministerstva oborony SSSR, 1966. Ch. 2 (yanvar-dekabr 1942 g.). 264 s.
2. Zefirov M.V., Zubov D.A. Prervannyy polet «Edelveysa». Lyuftvaffe v nastuplenii na Kavkaz. 1942 g. M.: Tsentrpoligraf, 2014. 253 s.
3. Kurovski F. Chernyy krest i krasnaya zvezda. Vozdushnaya voyna nad Rossiyey. 1941–1944. M.: Tsentrpoligraf, 399 s.
4. Pervushin A.N. Dorogi. kotoryye my ne vybirali. M.: DOSAAF, 1974. 271 s.
5. Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya: Stavka VGK. Dokumenty i materialy. 1942 god. M.: TERRA, 1996. T. 16 (5–2). 624 s.
6. Simonov K.M. Raznyye dni voyny. Dnevnik pisatelya. M.: Khudozhestvennaya literature, 1982. T. I. 479 s.
7. Tkachenko S.N. Morskiye desanty v Krym. Aviatsionnoye obespecheniye deystviy sovetskikh voysk. 1941–1942. M.: Tsentrpoligraf, 2015. 512 s.
8. Tkachenko S.N. Khronika boyevykh deystviy na Feodosiyskom platsdarme v kontse dekabrya 1941 – yanvare 1942 goda // Odin god iz 25 vekov. Feodosiya. 1941–1942. Simferopol: DIAYPI, 2011. S. 222–286.
9. Khronika Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza na Chernomorskom teatre. M.–L.: Voenizdat, 1946. Vyp. 2. 352 s.
10. Hayward Joel S.A. Stopped at Stalingrad: the Luftwaffe and Hitler's defent in the East. 1942–1943. Lawrence. KS: University Press of Kansas, 1998. 393 p.
11. Tsentralnyy arkhiv ministerstva oborony (TsAMO). F. 216. Op. 1142. D. 14.
12. TsAMO. F. 216. Op. 1142. D. 15.
13. TsAMO. F. 216. Op. 1142. D. 29.

14. National Archives and Records Administration (NARA). T312. roll 365. (11 AOK).

15. NARA. T312. roll 1691. (11 AOK).

* * *

Tkachenko S. N. *Air operations in the battle of Feodosiya in the middle of January 1942 / Tkachenko S. N. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 112–118.*

Based on archival documents the author traces actions of Soviet aviation (the Caucasian Front and the Black Sea Fleet) and the Luftwaffe in the bridgehead, captured in December 1941 as a result of a landing operation of Soviet troops. Particular attention is paid to the confrontation in the air during the battle for the key point – the city and the port of Feodosiya on 15-18 January 1942

Key words: Air Force component commands, military operations, bridgehead, landing, the composition of forces, flights.

РАЗВИТИЕ ЧАСТНОЙ ТОРГОВЛИ В СЕВАСТОПОЛЕ В 1921–1925 ГОДАХ

Юрченко В.С.

Тюменский государственный университет

Исследование посвящено особенностям развития частной торговой деятельности в Севастополе в период Новой экономической политики (1921–1925 годы). На основе архивных материалов показаны источники снабжения частного торгового капитала, его взаимодействие с государственными органами и конкуренция с кооперативными предприятиями.

Ключевые слова: Севастополь, новая экономическая политика, многоукладная экономика, частная торговля, конкуренция.

После X съезда РКП(б) (март 1921 г.), положившего начало новой экономической политике (НЭПу) в советском государстве был разрешен свободный товарообмен¹. Вначале предполагалось установить прямую связь между промышленностью и сельским хозяйством через потребительскую кооперацию, исключая куплю-продажу. Однако уже к лету 1921 г. из-за недостатка товарного фонда были фактически возобновлены рыночные отношения, которые пришлось подтвердить специальным декретом².

В Крыму и Севастополе НЭП был введен позднее, так как полуостров только в ноябре 1920 г. был присоединен к Советской России. Поэтому активизация торговли здесь началась в конце 1921 года [19, с. 89].

Развитие торговли в Севастополе в 1921–1925 гг. имело свою специфику. Во-первых, в городе была временно (до восстановления Черноморского флота) возобновлена деятельность торгового порта. Во-вторых, в 1920 г. в Севастополе было открыто отделение наркомата внешней торговли (контора Внешторга), которое действовало вплоть до 1923 года. Ввиду достаточно ограниченной местной промышленной базы и отсутствия нормальной связи с другими регионами России именно Внешторг стал главным источником распределения товаров для торговой сферы [8, л. 26, 28–29].

Помимо этого, значимое влияние оказывали общие условия развития торговли в государстве. Введение т.н. многоукладной экономики с тремя видами собственности (государственной, кооперативной и частной) сопровождалось большим давлением государства на частного предпринимателя, который изначально был поставлен в неравные условия. Он должен был платить патентный и уравнительный сборы, поимущественный и подоходный налоги, а также различные местные сборы [2, л. 78]. Поэтому есть смысл рассматривать данный период как противостояние различных форм собственности. Так, выделяется два этапа взаимоотношений с частным капиталом: период лояльного отношения из-за необходимости восстановления торгового оборота (1921–1923 гг.) и первая серьезная попытка вытеснения частника (1924–1925 гг.).

Первый этап характеризовался значительной активизацией частной торговли, которая имела целый ряд преимуществ перед кооперацией и государственными предприятиями. У частного торговца был опыт, и он не подчинялся государственной ценовой политике. Поэтому даже скидка кооперации в 25% на аренду помещений не позволила ей выйти в лидеры.

Также частный торговец приспособился умело обходить разнообразные препятствия. Согласно законодательству, в первую очередь товарами снабжались государственные и кооперативные торговые точки. Но ввиду отсутствия опытных кадров у потребительской

¹28 марта 1921 г. было издано постановление «О свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в губерниях, закончивших продразверстку» [33, с. 14].

²Декрет СНК от 24 мая 1921 «Об обмене» [1, с. 174].

кооперации и умения частника наладить взаимоотношения с представителями различных организаций (в том числе посредством взятки), кооперации нередко поставляли партии случайного товара, так что было сложно подстраиваться под спрос населения. От Областного продовольственного комитета в конце 1921 г. она получила *«пестрый ассортимент скобяного, галантерейного, строительного и других товаров в большей своей части слабой потребности»* [14, л. 4–5, 7, 17–18]. В отличие от кооперации, частный торговец оказывался более гибким и изворотливым и пополнял ассортимент более ходовыми товарами [20, с. 71].

Спектр источников его снабжения был более широким. Косвенное свидетельство этого – информация о хищениях из государственных учреждений, контрабанде и т.п. Не последнюю роль в этом играли сами служащие госучреждений, которые затем перепродавали товар частнику. В итоге к 1922 г. общая сумма хищений из госфонда составила 75,3 миллиона рублей [14, л. 18–22]. В особенности выделялся отдел социального обеспечения (собес). Так, летом 1922 г. правление кооператива «Инвалид» продало две партии муки (по 400 пудов каждая) для инвалидов на вольном рынке. В дальнейшем собес постоянно требовал увеличить нормы продуктов, которые отпускались Внешторгом. Полученное продовольствие в основном реализовывалось через частного торговца.

Под дело о контрабанде попали парусное судно «Нина» [9, л. 6, 8], лайба «Дервиш» [6, л. 282, 287, 312] и др. Распространение хищений и контрабанды стало возможным из-за плохой охраны судов [7, л. 9, 11] и госучреждений [6, л. 73], а также взяточничества [17, л. 1]. Даже создание особых троек по борьбе с этим явлением не привело к желаемым результатам [21, с. 2].

Вышесказанное свидетельствует о том, что на местном уровне должностные лица готовы были заключать нелегальные сделки с частником.

В итоге, продавая более ходовые товары, частный торговец мог получить большую прибыль. А отсутствие правильного учета площади торговых помещений вплоть до 1923 г. помогало существенно снижать стоимость аренды [5, л. 324].

Важным мероприятием, которое проводило государство в этот период, стало выявление крупного частного капитала. В Севастополе он был незначительным и долгое время не хотел обнаруживать себя, хотя позже финансировал мелкую торговлю и кооперацию, у которых практически не было собственных оборотных средств [6, л. 265].

Для реализации этой задачи 18 апреля 1922 г. в городе открылась товарная биржа¹. Товарные биржи должны были контролировать и регистрировать все крупные торговые сделки между государством, кооперацией и частной торговлей.

Но вначале учреждения разных форм собственности неохотно шли на контакт с этим органом, им было удобнее решать все *«в тиши кабинетов»*. За первые два месяца существования биржи никто не обратился за ее услугами². Чтобы привлечь частный капитал, в биржевой комитет в августе 1922 г. было введено 4 места (из одиннадцати) для частных торговцев, но такая мера не смогла повлиять на низкую посещаемость заседаний. Биржу никто не посещал, *«кроме нескольких служащих»* [4, л. 13–14].

После начала деятельности Биржи позиции распределились следующим образом: частники стали покупателями, а госучреждения и кооперация – продавцами. В среднем за частным торговцем числилось до 30% всего биржевого оборота, за кооперацией – 15%, госорганами – 55% [4, л. 14, 20, 88, 117–118, 124–125, 170–171, 218–219, 232–233]. К 1923 году членами биржи стали 22 из 44 государственных торговых предприятий, 4 из 5 кооперативных предприятий и 8 из 15 крупных частных оптовых фирм. Но главный орган биржи – биржевой комитет – продолжал бездействовать. А ценник на товары устанавливался случайно, в зависимости от интересов тех или иных лиц [4, л. 20]. Таким образом, создание товарной биржи в Севастополе так и не привело к установлению контроля над крупным частным капиталом.

Второй этап взаимоотношений с частным капиталом начался в 1924 году. Предпосылкой стал кризис сбыта 1923 года [34, с. 110]. Для севастопольского рынка этот год стал

¹ Товарные биржи были созданы по указанию IX съезда Советов в декабре 1921 [1, с. 38].

² Первая сделка была зарегистрирована в июне 1922 г. [3, л. 19].

двойне сложным из-за перевода Внешторга в Симферополь, так что экспортно-импортные операции были полностью прекращены.

С 1924 г. наблюдалось существенное повышение тарифов на арендные помещения для частных торговцев: с 1 января 1924 г. тариф на более прибыльные торговые помещения поднялся на 25% [10, л. 9–10]. В августе 1924 г. он увеличился на 50% [12, л. 815].

Источники снабжения частника также старались свести к минимуму. Госбанк снизил объемы кредитования частников: в 1923 г. наполовину, а в 1924 г. за частным торговцем осталось всего 10% всех активов [25, с. 2].

Кроме административных, государство использовало и экономические меры воздействия на частника. В этот период появилась артель торговцев в разнос – «Ларек», организованная для безработных биржей труда и Центральным рабочим кооперативом «Труд» (ЦРК «Труд», ЦРК) [23, с. 2]. В 1925 г. он насчитывал 6 распределителей, 3 буфета при клубах и несколько киосков на окраинах [28, с. 5]. ЦРК «Труд» в это время увеличил число своих распределителей в окраинных районах, куда направлялись наиболее популярные товары и новинки [25, с. 2]. В итоге он охватил 55% населения, а после слияния с Морской кооперацией – почти все краснофлотские и красноармейские части [18, с. 100]. Кроме того, государство проводило планомерную политику снижения цен. В течение 1924 г. цены в среднем понизились на 23% [16, л. 130].

Наступление на частника велось по отдельным категориям продукции. Так, торговля мясом и хлебом на 45–60% оказалась в руках государства и кооперации [11, л. 7]. В результате к 1925 г. за частной торговлей осталось всего 34,4% оборота, за государственной – 24,2%, кооперативной – 41,4%.

Но и частный торговец находил достойный ответ. Он использовал в свою пользу периоды, когда кооперации не поставляли те или иные товары (например, в мае 1924 г. был дефицит сахара) [22, с. 2]; пользовался он и недостаточным охватом рынка кооперацией [29, с. 6]. Например, некоторое время после ликвидации Уполбыта только у частного торговца можно было приобрести колониальные, химические и бакалейные товары [30, с. 8].

Частник продолжал выигрывать в обслуживании клиентов. Почти все распределители ЦРК «Труд» представляли собой небольшие лавочки, где постоянно образовывались очереди, что вызывало недовольство покупателей [26, с. 3].

Более того, продолжались нелегальные сделки с государственными учреждениями и кооперацией. Так, правление Кустсоюза передавало кредит от госбанка частникам, обращая в свою пользу разницу в процентах [24, с. 3]. В сентябре 1924 г. в суде рассматривалось крупное дело сотрудников Крымторгснаба. Их обвиняли в сговоре с частным капиталом, заключении с ним невыгодных сделок и взяточничестве. Всего к ответственности было привлечено 10 человек (вместе с местными торговцами) [27, с. 5]. Мошенники были и внутри потребительской кооперации. В 1925 г. в пяти мануфактурных отделениях ЦРК «на товарах висели сотни ярлыков с фиктивными ценами», которые были выше установленных (с надбавками на ходовые товары) [32, с. 8].

Наконец, политика вытеснения частного торговца привела к новому витку экономического кризиса. Кооперация не оправдала возложенных на нее надежд. Не имея достаточных оборотных средств, она брала кредиты на покупку товаров. В итоге уже к осени 1925 г. дефицит ЦРК «Труд» вырос до 210 тыс. рублей. У кооператива было множество должников, которых невозможно было привлечь к уплате за приобретенные товары (в основном из-за их неплатежеспособности). Из 16 тысяч членов полный пай внесло чуть более трех тысяч человек. Сеть распределителей сократилась с 78 единиц до 39 [15, л. 4]. От полного развала кооператив спас кредит из центра в размере 25 тыс. рублей, а также товарные кредиты и пролонгация векселей [31, с. 3].

Поэтому в 1925 г. эта политика была свернута, а для частного капитала установлены более лояльные условия деятельности. К концу года частник вернул свои позиции в торговле продовольственными товарами. В донесениях отмечалось, что *«стабильность частных торговых предприятий и их укрупнение характеризуется выбираемыми патентами на право производства торговли»* [13, л. 8–9].

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. частный капитал превалировал в торговле. Он быстро восстановил свои позиции после перехода к НЭПу. Попытки наступления на частного торговца не смогли изменить ситуацию, хотя и способствовали временному подъему кооперации.

Источники и литература.

1. Балашов А.М. Возрождение и развитие предпринимательства в России в период нэпа (государственно-частное партнерство с участием иностранного капитала). Старый Оскол: ТНТ 2012.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 38.
3. ГАРК. Ф. Р-558. Оп. 3. Д. 84.
4. ГАРК. Ф. Р-558. Оп. 3. Д. 216.
5. ГАРК. Ф. Р-558. Оп. 3. Д. 232.
6. ГАРК. Ф. Р-558. Оп. 5. Д. 11.
7. Архив города Севастополя АГС. Ф. Р-18. Оп. 2. Д. 10.
8. АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 28.
9. АГС. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 128.
10. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 68.
11. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 140.
12. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 178.
13. АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 332.
14. АГС. Ф. Р-420. Оп. 3. Д. 30.
15. АГС. Ф. Р-420. Оп. 5. Д. 57.
16. АГС. Ф. Р-420. Оп. 7. Д. 7.
17. АГС. Ф. Р-527. Оп. 2. Д. 66.
18. Иванова З.И. Севастополь в восстановительный период (1921–1925). Дис... к.и.н. Симферополь, 1955.
19. Исаев И.А. НЭП: Рыночные перспективы / НЭП. Приобретения и потери. Сб. ст. М.: Наука, 1994. С. 87–99.
20. История СССР. ТТ 7–12. От Великой октябрьской социалистической революции до наших дней / под ред. Б.Н. Пономарева. М.: Наука, 1967.
21. Маяк Коммуны. 24 октября 1922.
22. Маяк Коммуны. 11 мая 1924.
23. Маяк Коммуны. 18 мая 1924.
24. Маяк Коммуны. 1 июня 1924.
25. Маяк Коммуны. 5 июня 1924.
26. Маяк Коммуны. 20 сентября 1924.
27. Маяк Коммуны. 26 сентября 1924.
28. Маяк Коммуны. 13 марта 1925.
29. Маяк Коммуны. 10 апреля 1925.
30. Маяк Коммуны. 10 мая 1925.
31. Маяк Коммуны. 22 сентября 1925.
32. Маяк Коммуны. 23 октября 1925.
33. Поляков Ю.А., Дмитренко В.П. Переход к новой экономической политике. М.: Знание, 1972.
34. Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика: разработка и осуществление. М.: Политиздат, 1982.

References:

1. Balashov A.M. Vozrozhdeniye i razvitiye predprinimatel'stva v Rossii v period nepa (gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo s uchastiem inostrannogo kapitala). Stary Oskol: TNT, 2012.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Krym (GARK). F. R-137. Op. 1. D. 38.
3. GARK. F. R-558. Op. 3. D. 84.
4. GARK. F. R-558. Op. 3. D. 216.
5. GARK. F. R-558. Op. 3. D. 232.
6. GARK. F. R-558. Op. 5. D. 11.
7. Arkhiv goroda Sevastopolya GKU AGS. F. R-18. Op. 2. D. 10.
8. AGS. F. R-79. Op. 1. D. 28.
9. AGS. F. R-245. Op. 1. D. 128.
10. AGS. F. R-420. Op. 1. D. 68.
11. AGS. F. R-420. Op. 1. D. 140.
12. AGS. F. R-420. Op. 1. D. 178.
13. AGS. F. R-420. Op. 1. D. 332.
14. AGS. F. R-420. Op. 3. D. 30.
15. AGS. F. R-420. Op. 5. D. 57.

16. AGS. F. R-420. Op. 7. D. 7.
17. AGS. F. R-527. Op. 2. D. 66.
18. Ivanova Z.I. Sevastopol' v vosstanovitel'ny period (1921–1925). Dissertatsiya...k.i.n. Simferopol, 1955.
19. Isaev I.A. Nep: Rynochnye perspektivy / NEP. Priobreteniya i poteri. Sb.st. M.: Nauka, 1994. P. 87–99.
20. Istoriya SSSR. Ot Velikoy oktyabrs'koy sotsialisticheskoy revolyutsii do nashih dney / pod. red. B.N. Ponomareva. M.: Nauka, 1967.
21. Mayak Kommuny. 24 oktyabrya 1922.
22. Mayak Kommuny. 11 maya 1924.
23. Mayak Kommuny. 18 maya 1924.
24. Mayak Kommuny. 1 iyunya 1924.
25. Mayak Kommuny 5 iyunya 1924.
26. Mayak Kommuny. 20 sentyabrya 1924.
27. Mayak Kommuny. 26 sentyabrya 1924.
28. Mayak Kommuny. 13 marta 1925.
29. Mayak Kommuny. 10 aprelya 1925.
30. Mayak Kommuny. 10 maya 1925.
31. Mayak Kommuny. 22 sentyabrya 1925.
32. Mayak Kommuny. 23 oktyabrya 1925.
33. Polyakov Yu.A., Dmitrenko V.P. Perehod k novoy ekonomicheskoy politike. M.: Znaniye, 1972.
34. Polyakov Yu.A., Dmitrenko V.P., Shcherban' N.V. Novaya ekonomicheskaya politika: razrabotka i osushchestvleniye. M.: Poitizdat, 1982.

* * *

Iurchenko V.S. Development of private trade in Sevastopol in 1921–1925 / Iurchenko V.S. // *The Black Sea region. History, politics, culture.* – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 119–123.

The research is dedicated to the peculiarities of private trade development in Sevastopol during the period of new economic policy in 1921–1925. Based on the archives materials, there are revealed the sources of supply of private trade capital, its interaction with state authorities and competition with cooperation enterprises.

Key words: Sevastopol, new economic policy, multi mode economy, private trade, competition.

IV

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ

УДК 94(47).066.4

DOI 10.5281/zenodo.345115

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ КРЫМА
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ (1787–1791 гг.)

Бичаков С.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В статье рассмотрены действия по организации защиты Крыма от османских войск во время Второй русско-турецкой войны (1787–1791 гг.). Автор анализирует угрозы Крыму извне и внутренние проблемы полуострова, связанные с организацией его обороны: защиту побережья от высадки турецкого десанта, выселение коренного населения из прибрежных селений до конца войны, вооружение поселенцев для обороны поселений. Все эти мероприятия привели к тому, что Крым не был захвачен в ходе войны османскими войсками.

Ключевые слова: Крым, Русско-турецкая война (1787–1791), оборона.

В 1774 году Российской империи удалось одержать победу над Портой в продолжительной шестилетней войне (1768–1774 гг.). По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, подписанному 10(21) июля того же года, Россия получила земли Северного Приазовья, часть Причерноморья, право иметь флот на Черном море и возможность прохода ее кораблей через проливы Босфор и Дарданеллы; Крымское ханство объявлялось независимым и переходило под покровительство России. Первая крупная победа над турками привела к усилению позиций Российской империи в Причерноморье. Следующим логичным шагом во внешней политике России на южном направлении стало бескровное присоединение Крыма в 1783 году.

Выведение Крыма из под турецкого влияния стало тяжелым ударом для Османской империи. Она не только лишилась богатой природными дарами страны, но и потеряла военный и политический форпост в борьбе с Россией, лишилась «своей правой руки»¹ [1, с. 52]. В этих действиях турки видели прямую угрозу дальнейшей экспансии правительства Екатерины II, которая приведет к еще большему усилению позиций России на берегах

¹ Хотя по Кючук-Кайнарджийскому договору провозглашалась независимость Крымского ханства от Порты, значительная часть татарского дворянства продолжало ориентироваться на Стамбул до включения Крыма в состав России и даже после его присоединения.

Черного моря. Однако Порте нужно было время, чтобы собраться с силами и подготовиться к борьбе за возвращение утраченных территорий.

В Петербурге также понимали, что война неизбежна, но ее не ожидали так скоро. Однако 13(24) августа 1787 года Порта объявила Российской империи войну. Главкомандующий Екатеринославской армией Григорий Александрович Потемкин приказал выделить из ее состава отряды для обороны Крыма. Им был отдан приказ *«ограничиваться только обороной и переходить в наступление не ранее, как находящиеся перед ними неприятельские войска начнут наступательные действия главных сил»* [6, с. 82].

Также для усиления обороны Крыма предполагалось использовать корабли Севастопольской эскадры и крейсерские (корсарские) суда. Их задачей было патрулирование Крымского побережья с целью не допустить высадки турецкого десанта. Для строительства и ремонта судов предназначались верфи Херсона и Таганрога, а также новые верфи в устьях Ингула (там впоследствии возник город Николаев).

На Кинбурнской косе, фланкирующей Крым с северо-запада, и в одноименной крепости, были размещены войска под командованием генерал-аншефа Александра Васильевича Суворова: 20 батальонов пехоты и 16 эскадронов конницы; в резерве имелось 22 эскадрона драгун и легкоконных полков. Помимо Кинбурна, Суворову было приказано оборонять Херсон и оказывать поддержку войскам, находившимся в Крыму [6, с. 83].

На самом полуострове командующий войсками Михаил Васильевич Каховский начал распределять войска по угрожаемым направлениям, комплектовать полки и приводить их в боевое положение. Армия взяла под охрану все крымские города; особенно была усилена оборона Севастополя как базы флота [2, с. 74].

В ответ на враждебные действия Турции по отношению к русским купеческим судам и российским подданным, арест чрезвычайного посланника в Константинополе Я.И. Булгакова, русским командованием было принято решение об аресте турецких судов, стоявших в крымских портах и всех турецких поданных: как находившихся на судах, так и проживавших в Крыму. М.В. Каховский, не ожидая разрешения Г.А. Потемкина, распорядился арестовывать находившиеся у крымских берегов турецкие суда, а товары их сдавать в карантин. Всего было арестовано 30 судов [2, с. 83]. Позднее, с позволения главкомандующего, было разрешено продавать с аукциона арестованные товары. В итоге было выручено 61596 рублей, которые потратили на военные нужды [2, с. 84].

Кроме того, М.В. Каховский получил разрешение от князя Потемкина, принимать в русское подданство *«изъявивших на то свое желание»* турецко-поданных греков и армян. Желавших было достаточно, особенно среди греков, которые приводились к присяге в Севастополе, Балаклаве и Евпатории. Интересно, что первым указом М.В. Каховского после начала войны было распоряжение собрать всех греков, проживающих в Симферополе, но числящихся служащими в греческом батальоне, и отправить их к месту службы в Балаклаву [2, с. 74]. Греческие моряки служили на крейсерских кораблях, теперь к ним присоединились новые российские подданные.

Однако правитель Таврической области Василий Васильевич Каховский не доверял искренности верноподданства греческого и армянского населения и предлагал Г.А. Потемкину всех купцов и матросов-греков поселить в Таганроге, а армян в Нахичевани¹, оставив в Крыму лишь тех, *«кто занимается каким-либо мастерством»*. 29 октября 1787 года Потемкин ответил, что *«принуждение жить в одном городе было бы для них неволею; впрочем, объявите им, что, в рассуждении теперешних военных обстоятельств, для них гораздо выгоднее и спокойнее удалиться в Кременчуг, или другое место, нежели оставаться в Тавриде...»*². Этим же ордером Потемкин предписывает Каховскому *«отобранные у греков и армян товары продать, подобно тому, как было сделано с товарами других турецко-поданных, а вырученные за продажу деньги внести в приказ общественного призрения, отдавая их под проценты»*; *«если по окончании войны»*, говорится в бумаге, хозяева проданных таким образом товаров *«останутся непоколебимы в подданстве*

¹ Здесь – город на Дону, населенный армянами. Ныне – часть Пролетарского района г. Ростова-на-Дону (прим. ред.).

² Исключением были лишь греки, которые находились на действующей службе и в корабельных командах.

российском», то вырученные деньги возвратятся им с процентами [3, с. 79–80]. Таким образом, значительная часть населения покинула Крым, сняв опасения о возможном предательстве греков и армян и их содействии противнику. Однако многие из них были недовольны этим решением, и стали в дальнейшем проявлять недоверие к Г.А. Потемкину, который покровительствовал заселению Крыма иностранцами.

Но все перечисленные меры были лишь подготовкой к принятию более серьезного и существенного решения, которое бы обеспечило успех в борьбе за Крым, а именно – выселения жителей из приморских деревень вглубь полуострова. Делалось это потому, что во время войны у русского командования, в том числе и у Г.А. Потемкина, не было уверенности в том, что Крым устоит в случае турецкого десанта, зато были опасения, что турки воспользуются симпатией местного населения.

9 сентября 1787 года Черноморский флот потнес тяжелые потери. У мыса Калиакрия на Севастопольскую эскадру налетел жестокий шторм, длившийся пять суток. Большая часть флота была сильно повреждена, и кораблям требовался капитальный ремонт. Узнав о буре, погубивший эскадру, Потемкин впал в отчаяние. *«Я стал несчастлив, – писал он Екатерине, – флот Севастопольский разбит... корабли и фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки!»* [7, с. 256–257]. А в следующем письме он писал, что *«без флота в полуострове стоять войскам трудно, ибо флот турецкий в Черном море весь находится и многочислен кораблями и транспортом, а посему и в состоянии делать десанты в разных местах... Ежели вывести войска (из Крыма – С.Б.), силы наши умножатся, получив меньшую окружность для обороны...»* [5, с. 624]. Однако Екатерина не согласилась с мнением князя и даже пристыдила его. Поэтому письмо так и не было превращено в императорский указ об оставлении Крыма.

Вернувшись к вопросу о переселении с побережья местного населения, Г.А. Потемкин 8 ноября 1787 года писал областному правителю В.В. Каховскому: *«жители приморские в полуострове Таврическом требуют особенного внимания и наблюдения... Я считаю, что если фамилии их и имущество, под видом собственной их безопасности, будут взяты внутрь земли, то в случае приближения к берегам войск турецких, они не осмелятся и не в состоянии будут сделать им важной помощи. Я потому предписываю вашему превосходительству ныне же сие исполнить близ Алушты и во всей тамошней окрестности, приказав всем набережным обитателям отправить своих жен, детей и имение внутрь земли...»* [3, с. 82].

В 1788 году Г.А. Потемкина не покидали сомнения в благонадежности туземного населения Крыма. Поэтому князь решил пойти на дополнительные меры по обеспечению внутреннего и внешнего спокойствия полуострова. Опасаясь, что мусульмане, в случае высадки неприятеля, смогут воспользоваться имеющимся у них оружием (саблями, пистолетами, пиками и т.д.), а также лошадьми, 10 апреля того же года, он отдал секретный приказ *«выгнать лошадей татарских за Перекоп, а для нашего вещеого и благомыслящего успокоения предписывалось отобрать у татар оружие»*. Это указание было приказано выполнить мурзам, которые активно начали этим заниматься [4, с. 77]. Таким образом, в продолжение месяца имевшееся у татар-поселян, купцов и духовных лиц оружие было конфисковано и сдано на хранение, а лошади выведены за Перекоп.

Обезоружив местное население Крыма, правительство распорядилось взамен этого вооружить русских казенных поселян, живущих вдоль морского берега. Мысль эту подал М.В. Каховский. 10 апреля 1788 года он отправил брату Василию (областному правителю) секретное послание, в котором писал, что прибрежные жители не имеют оружия в случае внезапной высадки на берег турок, *«а между тем, есаул Тарханкутской побережной стражи слышал от одного татарина, что в случае приближения к берегу неприятельского флота, окрестные жители должны будут оказать свое содействие и напасть на расположенные по берегу казачьи посты»* [4, с. 77–78]. В ответ на это областной правитель изъявил полное свое согласие поддержать вооружение селян.

Последними из охранительных мер, предпринятых в 1788 году, был перевод всех присутственных мест из Симферополя в Перекоп. В указе Г.А. Потемкина от 9 мая того же года говорилось: *«чтобы не обессилить полевые войска в Тавриде многими отрядами, с другой же стороны, чтобы не остаться областному городу без всякого прикрытия... я*

счел областное правление со всеми присутственными местами и денежною казною *перевести в Перекоп*» [4, с. 78]. Получив такое предписание В.В. Каховский немедленно приступил к его исполнению: всем присутственным местам было велено собираться в дорогу. Начались приготовления, продолжавшиеся более недели.

Этот указ оказался последним документом, касающимся организации обороны Крыма. Уже в 1788 году русским войскам удалось добиться важных побед над турками как на суше (взятие крепости Очаков), так и на море (сражение у острова Фидониси). В войну вступила Австрия на стороне России. А в 1789 году русская армия начала наступление в направлении Нижнего Дуная. Корабли Черноморского флота продолжали крейсировать вдоль Крымского побережья до конца войны. Но в самом Крыму были устранены все угрозы переноса театра боевых действий на полуостров.

Источники и литература.

1. Лашков Ф.Ф. Охрана Крыма во Вторую турецкую войну 1787–1791 гг. (по архивным данным) // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). 1889. № 8. С. 52–87.
2. Лашков Ф.Ф. Материалы для истории Второй турецкой войны 1787–1791 гг. (по делам, хранящимся в архивах канцелярии Таврического губернатора) // ИТУАК. 1890. № 9. С. 71–98.
3. Лашков Ф.Ф. Материалы для истории Второй турецкой войны 1787–1791 гг. (по делам, хранящимся в архивах канцелярии Таврического губернатора) (продолжение) // ИТУАК. 1890. № 10. С. 79–106.
4. Лашков Ф.Ф. Материалы для истории Второй турецкой войны 1787–1791 гг. (по делам, хранящимся в архивах канцелярии Таврического губернатора) (окончание) // ИТУАК. 1891. № 12. С. 75–81.
5. Лопаткин В.С. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791 гг.). М.: Наука, 1997. 1828 с.
6. Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II 1787–1791 гг. СПб.: Типография Р. Голике, 1880. Т. I. 298 с.
7. Широкопад А.Б. Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. Минск: Харвест, 2000. 752 с.

References.

1. Lashkov F.F. Okhrana Kryma vo Vtoruyu turetskuyu voynu 1787–1791 gg. (po arkhivnym dannym) // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii (ITUAK). 1889. № 8. S. 52–87.
2. Lashkov F.F. Materialy dlya istorii Vtoroy turetskoy voyny 1787–1791 gg. (po delam. khranyashchimsya v arkhivakh kantselyarii Tavricheskogo gubernatora) // ITUAK. 1890. № 9. S. 71–98.
3. Lashkov F.F. Materialy dlya istorii Vtoroy turetskoy voyny 1787–1791 gg. (po delam. khranyashchimsya v arkhivakh kantselyarii Tavricheskogo gubernatora) (prodolzheniye) // ITUAK. 1890. № 10. S. 79–106.
4. Lashkov F.F. Materialy dlya istorii Vtoroy turetskoy voyny 1787–1791 gg. (po delam. khranyashchimsya v arkhivakh kantselyarii Tavricheskogo gubernatora) (okonchaniye) // ITUAK. 1891. № 12. S. 75–81.
5. Lopatkin V.S. Ekaterina II i G.A. Potemkin. Lichnaya perepiska (1769–1791 gg.). Moskva: Nauka, 1997. 1828 s.
6. Petrov A.N. Vtoraya turetskaya voyna v tsarstvovaniye imperatritsy Ekateriny II 1787–1791 gg. SPb.: Tipografiya R. Golike, 1880. T. I. 298 s.
7. Shirokorad A.B. Russko-turetskiye voyny 1676–1918 gg. Minsk: Kharvest, 2000. 752 s.

* * *

Bichakov S. A. *Crimea defense organization during the Russian-Turkish War (1787–1791)* / Bichakov S. A. // *The Black Sea region. History, politics, culture.* – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 124–127.

The article describes the steps of the Crimean protection organization against the Ottoman troops during the Russian-Turkish War (1787–1791). The author analyses the threats «from the outside», and the internal challenges associated with defense organization of the peninsula: protection of the coast from the Turkish troops landing, eviction of indigenous people from coastal villages until the end of the war, equipment of settlers to defend settlements. As a result, all these activities prevented the capture of Crimea by the Ottoman military forces.

Key words: *Crimea, Russian-Turkish war (1787–1791), defense.*

УДК 947.17

DOI 10.5281/zenodo.345117

РОССИЙСКИЕ КУПЕЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ К ОСТРОВАМ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА СЕРЕДИНЫ XVII – КОНЦА XVIII ВЕКА

ЖАЛЕЙКО К.А.

Филиал МГУ в городе Севастополе

В статье изучена история купеческих экспедиций, маршруты которых пролегли преимущественно в черте Алеутских островов и островов Гвоздева. Изучены особенности взаимоотношений русских мореплавателей и местного населения, а также меры по установлению контактов с жителями островов. Установлено, что эти взаимоотношения носили в основном военный характер, и мир устанавливался лишь в случае необходимости. В отсутствие военных столкновений контакты с местными жителями носили торговый характер.

Ключевые слова: острова, плавания, взаимоотношения, местные, столкновения, нападения, военный, торговля.

С середины XVII века российские ученые, путешественники и купцы отправлялись в плавание в направлении Северной Америки, внося значительный вклад в изучение этих ранее неосвоенных земель и населения, которое там проживало. Особого внимания заслуживают экспедиции, организованные российскими купцами. Как правило, они носили коммерческий характер и осуществлялись в условиях конкуренции. Соответственно, русские коммерсанты искали контактов с местными жителями, для которых острова близ Северо-Западного побережья Америки были средой постоянного обитания, а океан источником пищи и одежды.

Начало участию русских мореплавателей в открытии и освоении Америки было положено в середине XVII века экспедицией Семёна Дежнева, организованной с коммерческими целями: поводом для нее послужили бродившие среди казаков слухи о богатствах реки Погычи¹. В 1648 году из Нижнеколымска вышло и направилось на восток шесть кочей. В пути корабли настигла буря, один корабль погиб, но оставшиеся пять кочей за два с лишним месяца достигли мыса, который впоследствии получит имя Дежнева [2, с. 52].

О жителях мыса и прилегающих островов Диомида Дежнев писал, что «*живут на нем чукчи добре много*» [2, с. 52]. Об отношениях этой экспедиции с местным населением сохранилось мало сведений. Известно, что у Чукотского мыса кочи сделали остановку, но местное население встретило русских враждебно и им пришлось выйти в море.

В историографии встречается описание малоизвестных экспедиций, которые в основном были организованы купцами с торговыми целями. В 1745 году началась экспедиция во главе с М.В. Невочкиным. В сентябре 1745 года судно бросило якорь у острова Атту. Вскоре после этого команда увидела аборигенов. Навстречу им была послана лодка, но к берегу она причалить не смогла. Тогда три местных жителя отважились приблизиться к лодке. Русские путешественники подарили им складной ножик и полфунта табаку. После этого корабль отправился к острову Агатту. У этого острова население изначально встретило русских недружелюбно. Алеуты были вооружены, и посланный на разведку передовщик Я. Чупров сделал выстрел, которым ранил одного из алеутов. После этого начались столкновения. В результате было убито 42 алеута, которым было трудно обороняться, так как их вооружение состояло из каменных топоров и костяных ножей. У жителей отобрали продовольствие, вывели из улягамов (земляных юрт) женщин: старых убили, а молодых оставили себе. [3, с. 118]. Известно также, что инициаторами военных столкновений были сами русские мореплаватели и, в первую очередь, Чупров [6, с. 70]. Однако

¹ Погыча – одно из названий реки Анадырь на Чукотском полуострове (прим. ред.).

через некоторое время между враждующими сторонами установились мирные отношения, и алеуты даже помогали россиянам строить корабль для возвращения домой. По прибытии экспедиции Невочикова на Камчатку, власти узнали о совершенных ею злодеяниях в отношении местных жителей, и виновники были отданы под суд.

Другой русский купец Андреян Толстых совершил четыре плавания в период с 1749 по 1764 гг. Он старался установить с алеутами добрые отношения и доказал, что это вполне возможно. Во время одной из его экспедиций пятнадцать алеутских байдар причалили к судну. Толстых встретил их с радушием и гостеприимством. Понимая, что приветливым отношением и добротой добьется больших успехов, он дал каждому представителю местного населения *«по рубашке, по мотку ниток и игле, им дали также много китового мяса и двадцать кож для обтягивания байдар. А женам алеутов дали белой материи»* [1].

Когда Толстых отправлялся в 1764 г. обратно на Камчатку, он спросил у приглашенных с разных островов вождей (тойонов), не было ли алеутам от русских каких-либо обид. Тойоны *«единогласно при всех тогда находящихся людях объявили, что как тойонам, так и прочим никакой обиды, кроме одного оказуемого им всем всякого благосклонного благодеяния и приязни, чинено не было»* [3, с. 121].

В 1758 году купцом Трапезниковым была организована еще одна экспедиция во главе с С. Готовым на остров Умнак¹. Сразу по прибытии алеуты напали на русских и метали в них стрелы, которыми нескольких человек ранили, а одного убили. Дав залп из ружей, моряки заставили алеутов разбежаться. Но через некоторое время русским удалось договориться с местным населением. Они стали получать от алеутов путем обмена звериные туши и меха. Несколько аборигенов даже удалось привести в российское подданство [4].

В 1762 г. состоялось путешествие С.Г. Глотова на корабле «Св. Андриан и Наталия». В сентябре 1763 года судно достигло острова Кадьяк². Местные жители (русские называли их «конягами») сначала проявили интерес к пришельцам и даже посещали корабль небольшими группами. Моряки пытались привести конягов в российское подданство, требовали уплаты ясака³ и передачи нескольких детей аборигенов в качестве заложников (аманатов) [6, с. 91]. В результате, рано утром 1 октября, аборигены напали на корабль, чтобы поджечь его. Промышленники дали залп из ружей, разогнали нападавших, но атаки повторялись. 26 октября жители острова Кадьяк явились вновь, двигая перед собой толстые деревянные щиты, за которыми укрывалось по 30–40 человек с костяными копьями. Пули не пробивали щитов, поэтому, С.Г. Готов с командой сделал вылазку и отбросил нападавших.

Тем не менее, промышленникам пришлось вести осаду острова на протяжении долгого времени, и им не удалось заготовить провиант для зимовки. В результате, с наступлением зимы в команде началась цинга, и несколько членов экипажа скончалось. Однако, постепенно отношения с местным населением улучшились. Весной 1764 г. даже начался обмен, и отряд стал приобретать у алеутов меха [6, с. 91]. В мае судно покинуло остров Кадьяк и отправилось к острову Умнак, где местные жители встретили моряков враждебно: еще до прибытия С. Глотова они разорили русскую артель на своем острове. С. Готов ответил на это разорением алеутских селений и истреблением местных жителей. По окончании плавания и возвращении на Камчатку С. Готов писал: *«как скоро они приезд мой рассматривали, так скоро из жилищ своих убежали»* [6, с. 92].

Огромную роль в изучении и хозяйственном освоении американского континента сыграл Григорий Иванович Шелихов. 16 августа 1783 года он (вместе с супругой Натальей Алексеевной) отправился из Охотска в плавание на трех судах. 3 августа 1784 года они подошли к острову Кадьяк. Обосновавшись на острове, Шелихов отправил на поиск местных жителей два отряда. Вскоре доставили одного аборигена; на следующий день его отпустили, снабдив подарками. Впоследствии этот человек вернулся к русским морякам и сопровождал команду в дальнейших плаваниях.

¹ Умнак – один из крупных островов Алеутского архипелага (прим. ред.).

² Кадьяк – крупный остров к югу от Аляски (прим. ред.).

³ Ясак – натуральный налог, собиравшийся российскими властями с народов Сибири и Дальнего Востока, в основном, пушниной (прим. ред.).

Через несколько дней на остров был выслан отряд, который нашел убежище конягов. Шелихов отправился к ним и пытался объяснить, «что мы с нашей стороны не для каких-либо ссор и обид к ним пришли, но чтоб дружеским с ними обхождением приобрести их благосклонность, и в доказательство того обещал я по возможности своей одарить их из вещей, весьма ими любимых» [7, с. 440]. Но они начали стрелять из луков, и Шелихову пришлось уйти. 12 августа в полночь алеуты напали на русский лагерь, нападение с трудом удалось отразить. Вскоре команда узнала, что аборигены ожидают подкрепления с других островов. Шелихов решил не дожидаться этого и напасть первым. Крепость конягов была взята, в плен захватили более тысячи человек. Правда, в составленной вскоре «Записке о зверском обращении с алеутами (1789–1790)» указано, что в плен было взято от 200 до 300 человек. Зато там сказано, что Шелихов отобрал с десятков мужчин из числа пленных, «кои отведены были на тундру и переколоты копьями» [5, л. 5].

Остальных моряки продержали в плену еще полтора месяца. Впоследствии, выбрав из числа пленников предводителя и снабдив их всем жизненно необходимым, Шелихов их отпустил. Но туземцы не оставляли попыток выжить новых поселенцев с острова и нападали на байдары русских и их стоянку. Тем не менее, через некоторое время Шелихов сумел заслужить их уважение, и коняги «все называли меня своим отцом» [7, с. 444]. Учитывая трудности, возникшие в отношениях с местными жителями, Шелихов не стал требовать с них уплаты ясака и старался создать у аборигенов хорошее впечатление о русских моряках.

Таким образом, попытка русских мореплавателей установить торговые отношения с коренным населением прилегающих к Аляске островов сталкивалась с агрессивностью обитавших там алеутов по отношению к пришельцам. Столкновения между русскими моряками и аборигенами препятствовали налаживанию постоянного торгового обмена. Порой моряки сами провоцировали агрессию в свой адрес: требуя уплаты ясака, грабя добычу алеутов и даже их имущество, чиня насилие над женщинами. Стычки, как правило, оканчивались победой пришельцев благодаря наличию у них огнестрельного оружия. Большинство русских купцов именно через демонстрацию военного превосходства и запугивание пыталось установить мирные торговые отношения с алеутами, хотя имели место и противоположные примеры – стремление мореплавателей продемонстрировать желание установить добрососедские и взаимовыгодные отношения.

Источники и литература.

1. Алексеев А.И. Судьба Русской Америки [Электронный ресурс] // Сайт «Русская Америка аннотированный указатель литературы». Режим доступа: http://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_4.html.
2. Берг Л.С. История великих русских географических открытий. М.: Эксмо, 2011. 637 с.
3. Берг Л.С. История русских географических открытий. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 296 с.
4. Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 годах [Электронный ресурс] // Сайт «Большой информационный архив». Режим доступа: http://bigarchive.ru/geography/sketches_from_the_history_of_geographical_research_in_1725-1765_years/18.php.
5. Записка о зверском обращении с алеутами (1789–1790) // Российской государственный архив древних актов. Ф. 1605. Оп. 1. Д. № 367.
6. История Русской Америки (1732–1867) / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Международные отношения, 1997. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799). 480 с.
7. Колумбы земли русской. Сборник документальных описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII–XVIII вв. Хабаровск: Книжное издательство, 1989. 464 с.

References.

1. Alekseyev A.I. Sudba Russkoy Ameriki [Elektronnyy resurs] // Sayt «Russkaya Amerika annotirovannyi ukazatel literatury». Rezhim dostupa: http://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_4.html
2. Berg L.S. Istoriya velikikh russkikh geograficheskikh otkrytiy. M.: Eksmo, 2011. 637 s.
3. Berg L.S. Istoriya russkikh geograficheskikh otkrytiy. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. 296 s.
4. Grekov V.I. Ocherki iz istorii russkikh geograficheskikh issledovaniy v 1725–1765 godakh [Elektronnyy resurs] // Sayt «Bolshoy informatsionnyy arkhiv». Rezhim dostupa: http://bigarchive.ru/geography/sketches_from_the_history_of_geographical_research_in_1725-1765_years/18.php.

5. Zapiska o zverskom obrashchenii s aleutami (1789–1790) // Rossiyskoy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 1605. Op. 1. D. № 367.
6. Istoriya Russkoy Ameriki (1732–1867) / otv. red. N.N. Bolkhovitinov. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1997. T. 1. Osnovaniye Russkoy Ameriki (1732–1799). 480 s.
7. Kolumby zemli russkoy. Sbornik dokumentalnykh opisaniy ob otkrytiyakh i izuchenii Sibiri. Dalnego Vostoka i Severa v XVII–XVIII vv. Khabarovsk: Knizhnoye izdatelstvo, 1989. 464 s.

* * *

Zhaleiko K. A. *Russian merchant expeditions to the islands in the North-Eastern Pacific (mid 17th – late 18th centuries) / Zhaleiko K. A. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 128–131.*

This article discusses some merchant expeditions, which took place mostly in regions of the Aleutian Islands and Gvozdev Islands. The article presents the features of relationship of Russian sailors with the local population, as well as measures for establishing contacts with the islanders. In the end, it clarified that these relationships were largely military, and the peace was made only in case of need. When military collisions were absent, contacts with indigenous people were mainly commercial.

Key words: *islands, voyages, relationship, locals, conflicts, attacks, military, trade.*

УДК 94(48).083

DOI 10.5281/zenodo.345119

**СОВЕТСКИЕ НАДВОДНЫЕ БОЕВЫЕ КОРАБЛИ,
НЕЗАВЕРШЕННЫЕ СТРОИТЕЛЬСТВОМ В 1937–1946 ГОДАХ****Солодкий В.А.****Филиал МГУ в городе Севастополе**

В статье рассмотрены проекты советских военных кораблей, спроектированных или начатых строительством в конце 30-х – начале 40-х годов XX в. Установлено, что уже к середине 40-х годов советская промышленность была готова поставить флоту десятки единиц новейших кораблей различных классов. Однако, с началом Великой Отечественной войны, работы были приостановлены, а после ее окончания, в условиях новой геополитической реальности, стране были нужны корабли другого класса с иными характеристиками. Поэтому, строительство кораблей довоенных проектов так и не было завершено.

Ключевые слова: СССР, ВМФ, Великая Отечественная война, лидеры эсминцев, крейсеры, линкоры, авианосцы.

В XX веке военно-морской флот имел особое значение для великих держав. Дело не только в его военной мощи. Развитый флот позволял контролировать единственный на тот момент способ трансатлантических коммуникаций; его создание и боеготовность могла позволить себе только держава с развитой промышленностью и передовыми технологиями. Каждый корабль, спущенный со стапелей, был воплощением передовой инженерной мысли, работавшей над тем, чтобы сделать его быстрее, лучше вооруженным, с большей дальностью хода, чем у однотипного корабля потенциального противника. По уровню престижа и напряжения ресурсов государства военно-морское соперничество первой половины XX века можно сравнить с гонкой космических технологий во второй половине столетия. Советская Россия, после разорительных Первой мировой и Гражданской войн, была вынуждена догонять другие морские державы одновременно с преодолением разрухи, в условиях острого дефицита финансов и времени.

И до, и после Второй мировой войны в Советском Союзе разрабатывалось несколько проектов крупных надводных кораблей. Это объяснялось тем, что западные страны и к началу войны, и после ее окончания, имели флоты, значительно превосходившие советский, как количественно, так и качественно.

В рамках программы оснащения ВМФ СССР современными боевыми кораблями были разработаны проекты линкоров, крейсеров и лидеров эсминцев. Однако большинство из них так и не вошли в строй [4, с. 2–20]. Причиной тому была Великая Отечественная война, которая вынудила советскую промышленность сосредоточить усилия на достройке уже заложенных кораблей и модернизации старых.

Новые проекты были отложены, в том числе и такие перспективные, как лидеры эсминцев типа «Киев» (проект 48), хотя их корпуса уже были спущены на воду. К 1938 году проект был готов, и 29 сентября 1939 г. на Николаевской верфи заложены первые лидеры: «Киев» (С-357) и «Ереван» (С-358). В том же году в Ленинграде на военном судостроительном заводе № 190 закладывается «Сталинобад» (С-542). В 1940 спущены на воду корпуса «Киева» и «Еревана» и заложены новые: «Петрозаводск» (С-359), «Очаков» (С-360) и «Перекоп» (С-361). Тогда же в Ленинграде были заложены лидеры «Ашхабад» (С-545) и «Алма-Ата» (С-546). В 1941 году промышленность получила еще два заказа – «Батуми» и «Мурманск», однако их строительство пришлось отложить, поэтому, они не успели получить заводской номер.

Новые лидеры, создаваемые по образцу закупленных в Италии, должны были усилить ВМФ СССР и закрепить превосходство на море отечественных эсминцев проекта 7

типа «Гневный», поставки которых значительно усилили Северный и Тихоокеанский флоты. Новые лидеры проекта 48 в ходе Второй мировой войны могли бы сыграть важную роль в десантных операциях и сопровождении конвоев [3, с. 7–25]. Но этого, к сожалению, не случилось.

Особое внимание в СССР уделялось артиллерийским кораблям и подводным лодкам. Строительство авианосцев, несмотря на то, что они хорошо зарекомендовали себя в ходе мировых войн, не предполагалось, так как для этого у страны, с одной стороны, не было возможности, с другой – потребности, т.к. практически до любого потенциального противника можно было «достать» с сухопутных аэродромов. Кроме того, советская военная доктрина была преимущественно оборонительной, а не наступательной. Соответственно, было избрано отличное от других стран направление развития ВМФ: приоритет был отдан строительству крейсеров.

Десятилетняя программа (1937–1946 гг.) строительства «большого океанского флота» предусматривала ввод в строй 15 тяжелых крейсеров. Отечественные кораблестроители и конструкторские бюро исходили из имеющихся промышленных возможностей, которых не хватало для постройки крупных кораблей. Однако, зная пристрастие И.В. Сталина к тяжелым крейсерам, никто не решался возражать. В июле 1936 года СНК СССР поручил кораблестроителям начать разработку легкого крейсера «сопровождения эскадры». В августе того же года начальник Морских сил РККА В.М. Орлов утвердил тактико-технические требования для этого корабля. Вплоть до начала Великой Отечественной войны на имя И.В. Сталина почти ежедневно поступали рапорты о ходе проектирования и строительства линейных крейсеров проекта 69 типа «Кронштадт» и легких крейсеров проектов 28, 68 и 94.

Легкие крейсера проекта 28 строились в соответствии с июльским (1936 года) поручением СНК СССР о необходимости создания быстроходного боевого корабля для сопровождения эскадры. Крейсера проекта 28 должны были усилить Балтийский (3 корабля) и Северный (2 корабля) флоты. В.М. Орлов, начальник Морских сил РККА, утвердил тактико-технические требования для этого корабля в августе того же года. Эскиз нового легкого крейсера был выполнен Ленинградским проектным институтом в июне 1937 года. Одновременно аналогичный проект готовило ЦКБС-1 (ЦКБ-17). Чертежи создавались в соответствии с Лондонским морским договором 1936 года, но в процессе проектирования предпочтение было отдано более перспективному проекту 68 [2, с. 152].

В июне 1940 Н.Г. Кузнецов, новый нарком ВМФ СССР, поручил Главному морскому штабу выработать ОТЗ (общее техническое задание) на разработку еще одного типа легких крейсеров, и в том же году был спроектирован легкий крейсер под кодовым названием «Проект 94». Он рассматривался как развитие проекта 26-бис («Максим Горький»), однако, имел существенные отличия: 180 миллиметровые орудия планировалось заменить на 152 мм орудия главного калибра (вначале в двух башнях) для более скорострельной стрельбы. Считалось, что скорострельность станет решающим аргументом в боях на Черном и Балтийском морях. Также предполагалось усилить броню и увеличить скорость до 38 узлов, что превышало показатели крейсеров проекта 26 типа «Киров». В связи с загруженностью основных конструкторских судостроительных бюро, разработкой проекта 94 занялось ОКБ 196, специализировавшееся на проектировании подводных лодок. Так, в непрофильном КБ, был разработан второй проект легкого крейсера, но с началом войны в 1941 г., разработки были свернуты [7].

Самой перспективной задачей считалась постройка линейных кораблей как символов престижа первого социалистического государства [1, с. 7]. В соответствии с утвержденной 16 июля 1936 г. программой «Крупного морского судостроения», за семь лет (1937–1943 гг.) намечалось построить восемь линейных кораблей типа «А» с 406-мм артиллерией главного калибра (ГК) и 16 кораблей типа «Б» с 305-мм ГК. При этом строительство первых восьми кораблей (по четыре каждого типа) должно было начаться в 1937 году. Их надлежало спустить на воду в 1939 г. и ввести в строй в 1941 г.

Программа была очень сложной и затратной, однако, к ее выполнению приступили: было заложено 4 линейных корабля: в 1938 году «Советский Союз» на Балтийском заводе в Ленинграде и «Советская Украина» на заводе им. А. Марти в Николаеве, оба на еще не-

законченных стапелях; в 1939–1940 гг. – «Советская Белоруссия» и «Советская Россия» в строительных доках-эллингах недостроенного завода № 402 в Молотовске¹ [6, с. 38]. Участвия в войне эти корабли, естественно, принять не смогли, ввиду того, что большинство из них остались на верфях недостроенными [1, с. 114].

В послевоенный период конструкторам пришлось подстраиваться под новые реалии, учитывать опыт боевых столкновений кораблей на Тихом и Атлантическом океанах. Поэтому, проекты 1939–1941 гг. устарели. К созданию авианесущих кораблей СССР подошел только в 60–80-е гг. XX в., а от строительства линкоров было решено отказаться.

Источники и литература.

1. Васильев А.М. Линейные корабли типа «Советский Союз». СПб.: Галейя Принт, 2006. 176 с.
2. Васюнькин В.В. Крейсера Советского военно-морского флота. СПб.: Галейя Принт, 2014. Ч. I. 152 с.
3. Качур П.И., Морин А.Б. Лидеры эскадренных миноносцев ВМФ СССР. СПб.: Остров, ЛеКо, 2003. 244 с.
4. Грибовский. В.Ю. На пути к «большому морскому и океанскому» флоту (Кораблестроительные программы Военно-Морского Флота СССР в предвоенные годы) // Гангут. 1995. Вып. 9. С. 2–21.
5. Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат, 1966. 344 с.
6. Ачкасов В.И., Басов А.В., Сумин А.И. и др. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М.: Воениздат, 1988. 607 с.
7. Объяснительная записка к предварительному проекту малого крейсера дальнего действия // Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 1.

References.

1. Vasilyev A.M. Lineynyye korabli tipa «Sovetskiy Soyuz». SPb: Galeya Print, 2006. 176 s.
2. Vasyunkin V.V. Kreysera Sovetskogo voyenno-morskogo flota. SPb.: Galeya Print, 2014. Ch. I. 152 s.
3. Kachur P.I., Morin A.B. Lidery eskadrennykh minonostsev VMF SSSR. SPb.: Ostrov, LeKo, 2003. 244 s.
4. Gribovskiy. V.Yu. Na puti k «bolshomu morskому i okeanskому» flotu (Korablestroitelnyye programmy Voyenno-Morskogo Flota SSSR v predvoyennyye gody) // Gangut. 1995. Vyp. 9. S. 2–21.
5. Kuznetsov N.G. Nakanune. M.: Voenizdat, 1966. 344 s.
6. Achkasov V.I., Basov A.V., Sumin A.I. i dr. Boyevoy put Sovetskogo Voyenno-Morskogo Flota. M.: Voenizdat, 1988. 607 s.
7. Obyasnitelnaya zapiska k predvaritelnomu proyektu malogo kreysera dalnego deystviya // Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voyenno-morskogo flota. F. R-441. Op. 1. D. 1.

* * *

Solodkiy V. A. *Unfinished Soviet surface warships (1937–1946)* / Solodkiy V. A. // *The Black Sea region. History, politics, culture.* – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 132–134.

This article discusses the Soviet ship designs developed or put into construction in the late 1930s – early 1940s. In the mid 1940s the Soviet industry was ready to supply the Navy with dozens of modern ships of various classes. But with the outbreak of the Great Patriotic War the construction was called to a halt and after the end of the war a new geopolitical reality conditioned the necessity of other classes of ships with alternative specifications. This resulted in the unfinished state of the prewar ships design.

Keywords: the USSR, Navy, The Great Patriotic War, destroyer leaders, cruisers, battleships, aircraft carriers.

¹ Ныне – г. Северодвинск Архангельской области (прим. ред.).

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БЕЛОГВАРДЕЙСКОЙ ПРЕССЫ В 1917–1921 ГОДАХ

Тузов В.В.

Филиал МГУ в городе Севастополе

Исследование посвящено изучению прессы 1917–1921 гг. на территориях, подконтрольных белогвардейским формированиям. Описаны особенности антибольшевистских газет согласно следующим критериям: авторство и издание, аудиторный фактор, оформительская стилистика. Особое внимание уделено антибольшевистской пропаганде в белогвардейской прессе.

Ключевые слова: журналистика, пресса, белогвардейский, Гражданская война, газеты.

Развитие отечественной журналистики в начале XX века – процесс, напрямую связанный с потрясениями, происходившими на территории России: революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции, Гражданская война. Решающим в процессе трансформации журналистики был период Гражданской войны, когда отечественная печать разделилась на два противоборствующих лагеря: белогвардейскую прессу, использовавшую устаревшие методы пропаганды, и новаторскую для того времени большевистскую печать, значительно увеличившую влияние журналистики на общество и ставшую важнейшим пропагандистским фактором победы Красной армии.

После поражения белогвардейцев их пресса прекратила существование на территории России и стала издаваться за границей, превратившись в эмигрантскую печать. Но влияние прессы антибольшевистских сил на российскую журналистику невозможно недооценить – это неотъемлемая часть истории отечественной прессы [1, с. 7].

В годы Гражданской войны главными центрами белогвардейской печати были «Отдел печати при канцелярии Омского правительства» и «Отдел печати при начальнике гражданского управления в Правительстве Юга России». Отделы функционировали на территориях, подконтрольных власти А.В. Колчака и А.И. Деникина, а затем П.Н. Врангеля, соответственно. Однако деятельность периодических изданий на территории этих образований осуществлялась по-разному. Поэтому две системы периодической печати рассматриваются как две различные составляющие белогвардейской прессы.

После утверждения власти А.В. Колчака в Омске начался процесс реформирования печати и ее изменения в соответствии с новыми политическими реалиями. Наряду с существовавшими ранее изданиями создаются новые: военные, церковные и правительственные газеты. В этот период появляется и само понятие «белогвардейская печать», информировавшая население об успехах белогвардейцев на фронте и событиях, связанных с деятельностью Омского правительства и его союзников [23, с. 189]. Количество газет и журналов на территории, подконтрольной Омскому правительству, значительно увеличилось, и на 27 ноября 1918 года, по данным газеты «Правительственный вестник», издавалось: *«136 органов периодической печати – 103 газеты и 33 журнала. Из них в Западной Сибири: 39 газет и 20 журналов»* [18, с. 1]. Среди новых изданий наибольшую известность приобрели: «Русский воин», «Утренняя заря», «Сенатские объявления», «Вестник Омской железной дороги», «Известия министерства земледелия», «Известия Омской епархии», «Сибирский благовестник», «Заря трудовой школы», «Омский голос», «Земля и труд» и «Свободный голос Сибири».

«Расцвет» наблюдался только в буржуазной прессе и изданиях, пропагандировавших идею возрождения «единой и неделимой России», и поддерживавших ее «Верховного правителя» А.В. Колчака. Более тяжелое положение складывалось в мелкобуржуазных изданиях, которые подвергались жесткой цензуре и находились под постоянным контролем. Поэтому причиной закрытия того или иного мелкобуржуазного издания мог стать

любой материал, не соответствовавший политическому курсу Омского правительства. К началу 1919 года их численность значительно сократилась и, по данным подконтрольных правительству органов правопорядка, в Омске регулярно издавалось лишь шесть мелко-буржуазных газет [15, с. 16].

Не менее разносторонним было развитие прессы на Юге России, подконтрольном А.И. Деникину, а затем П.Н. Врангелю. Основным контролирующим органом печати при Правительстве Юга России был «Отдел печати при начальнике гражданского управления в Правительстве Юга России», который находился в ведении министерства внутренних дел. В 1920 г. на посту главы отдела успели побывать сын выдающегося российского театрального деятеля Г.В. Немирович-Данченко и известный историк, приват-доцент Таврического университета В.Г. Вернадский.

В отличие от политики Омского правительства, П.Н. Врангель не стремился создавать новые периодические издания: за основу были взяты уже существовавшие на тот момент газеты и журналы. Их деятельность начала финансироваться правительством, благодаря чему информационное пространство было фактически очищено от изданий, симпатизировавших большевикам. Исключением стали лишь четыре газеты: «Юг» и «Крымский вестник» в Севастополе, «Наш Путь» в Ялте и «Южные ведомости» в Симферополе, которые, хотя и не поддерживали большевиков, но высказывали идеи, противоречившие политике Врангеля. Поэтому они назывались «буржуазно-либеральными» и подвергались преследованиям со стороны власти [12, с. 173]. С началом правления П.Н. Врангеля все печатные органы передавались из военного ведомства в полномочия министерства внутренних дел.

Белогвардейская пресса стремилась к увеличению количества сторонников идей белого движения, поэтому, была ориентирована на широкий круг читателей. Для разных слоев общества выпускались газеты различных тематических направленностей: общественно-политические, экономические, военные, религиозные. При этом выпуск периодических изданий был приоритетной задачей властей каждого города, переходившего под контроль белогвардейцев.

Таким образом, на Юге России была создана обширная сеть по распространению газет и журналов. В каждом городе Крыма выпускалась одна или две газеты, которые в той или иной мере финансировались правительством. Несмотря на блокаду Крымского полуострова с суши, выпуск газет не прекращался вплоть до эвакуации Русской армии из Крыма. Происходило это благодаря постоянной доставке бумаги из-за границы, а также хорошей оснащенности крымских редакций и наличию передовых технических средств.

Вплоть до вывода белогвардейских войск с территорий Кубани и Малороссии, во всех крупных и средних городах этих регионов осуществлялся выпуск газет. При этом издания были рассчитаны не только на гражданское население, но и информировали солдат, а также проводили среди них агитационную работу. Так начали работу первые военные газеты Юга России: «Военный голос» в Севастополе и «Голос Фронта» в Мелитополе.

Тяжелая ситуация складывалась в сфере информирования и пропаганды среди крестьянского населения Северной Таврии. Все попытки создания крестьянской прессы, которая была бы понятной для этого слоя общества, оказались неудачными. В итоге, «Отдел печати при начальнике гражданского управления при Правительстве Юга России» принимает решение о выпуске поддельных номеров большевистской «Бедноты», которая была самым популярным периодическим изданием среди малограмотной части населения. Подобные газеты имели также свою собственную структуру, отличную от остальной белогвардейской прессы.

Несмотря на определенные успехи печатных органов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, ареал и система распространения прессы на территории, подконтрольной Омскому правительству, оказались лучше. А.В. Колчак сумел наладить выпуск газет в крупных городах Предуралья, Западной, Восточной и Южной Сибири, а также на Дальнем Востоке и в Приморье. В свою очередь, при «Отделе печати при канцелярии Омского правительства» были созданы «Российское телеграфное агентство», «Пресс-бюро» и «Бюро иностранной информации». Особую роль в распространении и обмене информацией сыграло РТА (Российское телеграфное агентство), которое передавало сообщения о действиях Западной

и Оренбургской армий, позволяло вести обмен данными на контролируемых Колчаком территориях [16, с. 133].

Главными центрами издания газет, которые контролировались Омским правительством, стали Томск, Омск, Пермь, Иркутск и Екатеринбург. К самым ярким городским изданиям того периода можно отнести газеты «Отечество» и «Свободная Пермь»; первая из них позиционировала себя как большую военно-общественную, литературную газету. В свою очередь, со «Свободной Пермью» сотрудничали видные представители интеллигенции, профессора Пермского университета.

Однако, помимо городского читателя, выпускалась периодика, ориентированная на крестьянина, рассказывавшая простым языком о сельской жизни. Согласно редакционной политике подобных изданий, экономическая ситуация в целом описывалась как благоприятная, а кризисные явления подавались как следствие Великой и Гражданской войн. К газетам такого типа относился «Народный вестник», издававшийся Томским губернским комитетом помощи армии.

Другой метод подачи использовался в редакции газеты «Наша деревня», которая издавалась Иркутским союзом потребительных кооперативов и была рассчитана на сельских производителей и предпринимателей, торговавших сельскохозяйственной продукцией. Журналисты этой газеты старались быть беспристрастными и сохраняли аналитический тон в своих материалах.

При этом, наиболее общим официальным изданием Омского правительства был «Правительственный вестник», который ориентировался в своей деятельности как на городского, так и на сельского жителя, предоставляя информацию о последних экономических, политических и культурных событиях в регионе. В газете также размещались сводки с фронтов Гражданской войны [2, с. 3].

Несмотря на определенные успехи в создании печатных органов и контроле за действующими изданиями, создать целостную систему по доставке периодических изданий в города, а тем более в отдаленные населенные пункты так и не удалось. Поэтому на территориях, подконтрольных белогвардейским силам, информационные агентства традиционно использовались как основное средство по распространению прессы. Наиболее эффективно эта работа была организована на территории белой Сибири, где А.В. Колчаком было организовано Русское общество печатного дела (РОПД). Однако его работники занимались распространением только газет, издаваемых самим обществом, и изданий, финансируемых правительством, редакционная политика которых соответствовала политике Омского правительства. В результате этого, происходило значительное удорожание неправительственной буржуазной и мелкобуржуазной прессы, поэтому, такие газеты значительно уступали в количестве выпускаемых экземпляров и ценовой привлекательности для читателя [10, л. 10]. Для распространения военных газет и листовок Омским правительством также были созданы специальные военные осведомительные учреждения, они доставляли информацию в штабы белых армий и передавали сообщения между ними.

Наиболее тяжелая ситуация в области распространения прессы наблюдалась на белом Юге России, на территории которого даже доставка основных правительственных изданий была нерегулярной: номера поступали со значительными задержками, а в некоторые населенные пункты и вовсе не завозились.

Основными причинами плохой организации системы распространения были недостаток профессиональных кадров и отсутствие продуманных механизмов доставки печати. Таким образом, большинство печатных изданий оставалось и циркулировало в пределах крупного города или железнодорожной станции.

В свою очередь, трудности с доставкой прессы влияли не только на ценовую политику редакций; в большей степени эта проблема проявлялась в тиражах выпускаемых изданий, а точнее в их малотиражности. Несмотря на всевозможную финансовую поддержку центральных и региональных изданий, белогвардейская пресса уступала большевистской печати по количеству выпускаемых экземпляров в несколько десятков раз. Даже на территории, подконтрольной Колчаку, где периодическая печать была наиболее развита, тиражи финансируемых правительством газет не поднимались выше 7500 экземпляров. Для сравнения, советская профсоюзная газета «Гудок» выходила тиражом в 250000 эк-

земпляров, что в 33 раза больше, чем тираж главной правительственной газеты белой Сибири «Правительственный вестник» (7500 экземпляров).

Объем всех выпускаемых газет в совокупности не мог быть соизмерим с темпами производства советских изданий. Например, газета «Красная армия» (Наркомвоен Украины) выходила тиражом от 30 до 70 тысяч экземпляров, газеты Восточного фронта «Призыв» и «Красная правда» имели тираж от 10 до 75 тысяч экземпляров. В общей сложности издания Красной армии ежедневно выпускали 300–400 тысяч экземпляров газет, что в несколько раз больше, чем объем всей белогвардейской печати [20, л. 107].

Белогвардейские правительства понимали необходимость существования подконтрольных печатных органов, поэтому, важнейшим критерием развития подобной прессы стало ее финансирование. Таким образом, их деятельность осуществлялась на всех территориях, которые были под властью белого движения: Юг России, белая Сибирь, Север и Северо-Запад.

Однако самые внушительные финансовые вливания в печатную деятельность осуществлялись Омским правительством (Временное сибирское правительство), которое проводило все операции через структуры МВД. Существовала даже отдельная статья расходов: «*на ведение агитационной работы и выпуск газет*». При этом средства выделялись не только на поддержание текущей деятельности редакций, но и на увеличение тиража, а также периодичности издания прессы [9, л. 114–115].

Вливание государственных денег не было единственным методом поддержки газет. В годы Гражданской войны, в условиях постоянной нехватки материалов и продовольствия, для организации стабильного выпуска периодических изданий требовалась бумага, которая за время войны стала дефицитным ресурсом. Поэтому белогвардейские правительства манипулировали этим фактором и предоставляли на льготных условиях бумагу только тем изданиям, которые соглашались с политическим курсом властей. На территории, контролируемой А.В. Колчаком, правительство сумело организовать специальный состав, который отвозил бумагу в редакции официальных газет крупнейших городов: Владивостока, Красноярска, Иркутска, Семипалатинска, Томска, Барнаула и Новониколаевска [7, с. 2].

Наиболее тяжелая ситуация с поставками бумаги складывалась на территории Крымского полуострова, который был под контролем П.Н. Врангеля. Из-за блокады со стороны суши, ресурсы доставлялись только морским транспортом, вследствие чего стоимость бумаги в Крыму за годы Гражданской войны выросла с 3 до 80 тысяч рублей за пуд. Из-за недостатка бумаги Врангель сумел подчинить себе практически все издания на полуострове, так как предоставлял бумагу по льготной цене. В свою очередь, редакции, оппозиционные существующему режиму, покупали бумагу с трехкратной наценкой [8, л. 62].

Финансирование газет во времена Деникинского правительства осуществлялось по схожей схеме: все средства и ресурсы передавались отделу пропаганды, который оказывал поддержку только изданиям, поддерживавшим существующее правительство. Таким образом, в условиях военной цензуры и постоянной нехватки средств, деятельность оппозиционных редакций становилась невозможной.

В итоге, из-за целого ряда факторов выстраивалась цена каждой отдельной газеты. К важнейшим критериям формирования стоимости номера можно отнести наличие или отсутствие финансирования издания, систему распространения газеты, а также общие экономические показатели контролируемой белогвардейскими войсками территории.

Самые низкие цены на периодические издания сохранялись во времена правления А.В. Колчака и А.И. Деникина: стоимость «Правительственного вестника» (главного официального издания белой Сибири) в 1918 году составляла 50 копеек в городе и 60 копеек на железнодорожных станциях [17, с. 1], в 1919 году стоимость номера повысилась до 1 рубля 20 копеек в городе и 1 рубля 30 копеек на станциях [19, с. 1].

К началу 1920 года средняя цена на прессу резко возрастает: один выпуск газеты «Великая Россия» (Новороссийск) стоил 10 рублей [4, с. 1], «Черноморский маяк» (Новороссийск) – 10 рублей [22, с. 1], «Крымская мысль» (Феодосия) – также 10 рублей, «Одесский листок» (Одесса) – 25 рублей.

Однако самые высокие цены на периодические издания наблюдались во времена правления П.Н. Врангеля (середина 1920 года): стоимость одного номера газеты «Юг России» (Севастополь) составляла 150 рублей [24, с. 1], газета «Евпаторийский курьер» (Евпатория) – 200 рублей [11, с. 1]. Такая ценовая политика делала прессу недоступной как для крестьянства, так и для более состоятельной части общества. Поэтому «Отдел печати при начальнике гражданского управления при Правительстве Юга России» принимает решение о создании и распространении первых агитационных плакатов и воззваний, которыми начали обклеивать витрины магазинов и стены зданий, но ожидаемого эффекта эти меры также не принесли [12, с. 174].

Оформительская стилистика белогвардейской прессы не была уникальной для того времени, так как газеты использовали стиль, существовавший еще в правление императора Николая II. На первой полосе размещалось название издания, дата выпуска, цена и город, где была расположена редакция. Также в выпуске всегда указывалась цена на полугодовую подписку и подписку на год. После этой формы в газете сразу же подавалась официальная информация, которая сопровождалась анонсами событий. Форма подачи анонсов была различной, но чаще всего их помещали в отдельные рамки и печатали более крупным шрифтом [21, с. 1].

Коммерческие издания могли публиковать объявления на первой полосе вместо официальной информации, их стоимость при этом возрастала в несколько раз. Но более распространенной была печать объявлений и писем читателей на последнем развороте газеты. Их оформление было схоже со стилистикой оформления анонсов, но в этом случае величина шрифта подбиралась сообразно платежеспособности клиента [25, с. 3].

Однако стандарты печати выдерживались далеко не во всех периодических изданиях, поэтому, общее стилистическое оформление газет было на низком уровне. При незначительных объемах номеров, полосы газет могли выходить с некачественной версткой и сбитыми шрифтами. Особенностью белогвардейской печати стало также использование как старой, так и новой орфографии: на территории Сибирской республики выходило 31 издание, использовавшее новую орфографию.

Структурирование информации в белогвардейских изданиях происходило по единой схеме: все материалы делились на официальные, неофициальные, и раздел объявлений. Важнейшую роль играл официальный отдел, который в правительственных изданиях мог занимать практически весь газетный объем. Там публиковались законы, распоряжения, декреты, приказы и постановления местных и центральных органов, правительственных учреждений, военного командования, политических и общественных объединений, сводки с фронтов Гражданской войны, резолюции торгово-промышленных собраний, союзов предпринимателей. Однако центральное место занимали указы и постановления верховных правителей белогвардейских квазигосударств: А.В. Колчака, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, Е.К. Миллера и Н.Н. Юденича [13, с. 171].

Согласно редакционной политике большинства белогвардейских изданий, основной смысл информационных текстов мог упрощаться, а политической составляющей события придавалось главенствующее значение. Исходя из этого, редакторами практиковалось дробление больших текстов на небольшие материалы с применением крупного шрифта в заголовках.

Более разнообразная информация помещалась в отделе неофициальных материалов, их основной тематикой могла быть как политика (не противоречившая главенствующим идеям), так и экономические статьи, культурные обзоры. На страницах газет также помещались сообщения читателей, которые представляли собой особый жанр российской печати. Перед публикацией подобные письма тщательно отбирались и редактировались; нередко печатались сообщения сотрудников редакций: корреспондентов и редакторов.

Завершением газетного номера традиционно являлись объявления, которые перед выпуском также редактировались согласно редакционной политике и требованиям клиента. Однако размещение объявления было достаточно затратным делом. Например, в издании «Юг России» (Севастополь) *«строка печати впереди текста стоила 150 рублей, позади текста – 100 рублей»*, при этом цена за полный номер составляла 150 рублей [24, с. 1].

Создание мифов, искажение реальных фактов, пропаганда и агитация – все эти явления свойственны прессе различных политических образований на территории бывшей Российской империи. К таким относилась и белогвардейская печать, которая в первую очередь создавалась как орган пропаганды идей антибольшевистских правительств. Поэтому, вслед за большевистской прессой, белогвардейские издания начали создавать мифы антибольшевистской направленности, призванные доказать временный характер власти большевиков, повествовали о скором расцвете России, *«построенной на началах истинной свободы»* [3, с. 7]. Основная задача этой пропаганды заключалась в создании картины скорого и неминуемого краха советского режима. Для этого подбирались, а нередко и искажались данные о сложном экономическом положении на территориях, контролируемых большевиками, подчеркивалась драматичная ситуация, которая якобы сложилась в тылу Красной армии и на основных фронтах Гражданской войны.

Статьи и заметки пестрили сенсационными заголовками: «Махно в тылу у красных», «Крестьянские восстания в тылу у красных» и т.д. В газетах также были созданы специальные разделы под названиями: «Из Советской печати», «В Советской России», в которых рассказывалось о катастрофическом положении большевиков во внутренней политике и в военном отношении [12, с. 178]. Например, издание «Наша газета» создало специальную рубрику «У большевиков», где демонстрировалась необразованность, невежество и жестокость большевиков и некоторых их сторонников [14, с. 3].

Действия белогвардейских властей в области политики и экономики не подвергались критике: об экономическом спаде писали как о явлении, вызванном последствиями войны и масштабными спекуляциями со стороны торговцев и предпринимателей. Если же публиковался материал о резонансном событии, то в статье звучали призывы с требованием провести объективное расследование и найти виновных в совершенном преступлении [5, с. 2].

В свою очередь, основные проблемы белогвардейских правительств, по мнению большинства изданий, исходили не из внутренних неурядиц, а были связаны с деятельностью большевиков. При этом свершившаяся революция воспринималась как успешная операция германских спецслужб по подкупу русской интеллигенции и мобилизации населения. Советские партийные лидеры (в том числе В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий) рисовались в образе фанатиков, потерявших рассудок, или в качестве немецких ставленников, преследовавших цель ослабить и поработить Россию [6, с. 3].

Некоторые издания, такие как «Вечернее время» редактора Б.А. Суворина, придерживались монархических идей и выступали за возрождение единой и неделимой России во главе с новым императором. При этом, подобные газеты соблюдали «культ Николая II и его семьи», идеализируя биографию последнего императора и изображая его как *«личность глубоко трагическую, семьянина и патриота, не признававшего ничего, кроме русского, даже в мелочах домашнего обихода...»* [13, с. 194].

Таким образом, становление и развитие белогвардейской прессы проходило в условиях жесткой цензуры, продовольственного кризиса и экономического спада, а также отсутствия какой-либо политической стабильности. В свою очередь, постоянная неопределенность границ контролируемых белогвардейцами территорий и изменение линии фронта делало невозможным мирное развитие прессы: редакции газет вынуждены были переезжать в другие населенные пункты или вовсе закрываться. Выстраивание систем периодической печати на территориях белогвардейских республик шло с переменным успехом и уступало по воздействию на население большевистским органам пропаганды. Стремясь овладеть новыми методами агитации, белогвардейское руководство нередко копировало аналогичные действия советской власти, однако, это не приносило ожидаемого эффекта.

Потеря качества прессы наиболее остро ощущалась в базовых для любой газеты составляющих: бумаге и верстке. Из-за недостатка квалифицированных кадров и спешки при выпуске изданий, газетные полосы имели низкокачественную верстку и сбитые шрифты.

Несмотря на значительное государственное финансирование и всеобъемлющую поддержку со стороны правительств, белогвардейская пресса не смогла состояться как целостная система периодической печати. Превратившись в орган агрессивной пропаганды, она отличалась лишь своей ангажированностью и непрофессионализмом. Формирование этой системы происходило в условиях отсутствия ключевых компонентов: односторон-

ленной и лаконичной политики в области печати, а также профессиональных кадров в издательствах газет. При наличии этих факторов, белогвардейская пресса могла бы на равных конкурировать с большевистской пропагандой и получить влияние на все слои населения, необходимое для распространения идей белого движения.

Источники и литература.

1. Акопян Т.В., Алексеева Э.Е., Давиденко Н.А., Луковская М.А. Несоветские газеты (1918–1922 гг.). СПб.: Издательство Российской национальной библиотеки, ОП, 2003. 168 с.
2. Алексеев А. Периодическая печать как источник по истории экономической политики антибольшевистских правительств Сибири // Новый исторический вестник. 2002. № 2 (7). С. 62–72.
3. Валентинов А.А. Крымская эпопея (по дневникам участников и документам). Архив русской революции (АРР). В 22-х кн. Кн. 5. М., 1995.
4. Великая Россия, 1920, 22 февраля.
5. Вестник Всесибирских кооперативных съездов, 1919, январь.
6. Вестник ВУСО, 1918, 27 сентября.
7. Вольная Кубань, 1919, 11 июля.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 122.
10. ГАРФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 507.
11. Евпаторийский курьер, 1920, 17 июня.
12. Маслов Д. Печать при Врангеле // Антанта и Врангель. Сборник статей. М.–Пг.: Государственное издательство, 1923. С. 172–209.
13. Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. 272 с.
14. Наша газета, 1919, 27 ноября.
15. Никитин А.Н. Периодическая печать г. Омска в годы гражданской войны // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию г. Омска. Секция: История Омска и Омской области. Омск: Ом. гос. ун-т, Ом. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького, 1991.
16. Обухов Л. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны (на примере газет г. Перми периода колчаковщины) // Власть. 2012. № 4. С. 131–133.
17. Правительственный вестник, 1918, 21 ноября.
18. Правительственный вестник, 1918, 27 ноября.
19. Правительственный вестник, 1919, 6 ноября.
20. Российский государственный военный архив. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 73.
21. Россия, 1918, 17 ноября.
22. Черноморский маяк, 1920, 17 января.
23. Шинкарев Л. Сибирь: откуда она пошла и куда идет. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1985. 608 с.
24. Юг России, 1920, 17 мая.
25. Южный край, 1919, 23 июня.

References.

1. Akopyan T.V., Alekseyeva E.E., Davidenko N.A., Lukovskaya M.A. Nesovetskiye gazety (1918–1922 gg.). SPb.: Izdatel'stvo Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki, OP, 2003. 168 s.
2. Alekseyev A. Periodicheskaya pechat kak istochnik po istorii ekonomicheskoy politiki antibolshevistskikh pravitelstv Sibiri. // Novyy istoricheskoy vestnik. 2002. № 2 (7). S. 62–72.
3. Valentinov A.A. Krymskaya epopeya (po dnevnikam uchastnikov i dokumentam). Arkhiv russkoy revolyutsii (ARR). V 22-kh kn. Kn. 5. M., 1995.
4. Velikaya Rossiya. 1920. 22 fevralya.
5. Vestnik Vsesibirskikh kooperativnykh syezdov. 1919. yanvar.
6. Vestnik VUSO. 1918. 27 sentyabrya.
7. Volnaya Kuban. 1919. 11 iyulya.
8. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 19. Op. 1. D. 2.
9. GARF. F. 446. Op. 2. D. 122.
10. GARF. F. 952. Op. 1. D. 507.
11. Evpatoriyskiy kuryer. 1920. 17 iyunya.
12. Maslov D. Pechat pri Vrangele. Antanta i Vrangeli. sbornik statey. M.–Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. S. 172–209.
13. Molchanov L.A. Gazetnaya pressa Rossii v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (okt. 1917–1920 gg.). M.: Izdatprofpress, 2002. 272 s.
14. Nasha gazeta. 1919. 27 noyabrya.

15. Nikitin A.N. Periodicheskaya pechat g. Omska v gody grazhdanskoy voyny // Obl. nauchno-prakticheskaya konferentsiya. posvyashchennaya 275-letiyu g. Omska. Sektsiya: Istoriya Omska i Omskoy oblasti. Omsk: Om. gos. un-t, Om. gos. ped. in-t im. A.M. Gorkogo, 1991.
16. Obukhov L. Periodicheskaya pechat kak istochnik po istorii grazhdanskoy voyny (na primere gazet g. Permi perioda kolchakovshchiny) // Vlast. 2012. № 4. S. 131–133.
17. Pravitelstvennyy vestnik. 1918. 21 noyabrya.
18. Pravitelstvennyy vestnik. 1918. 27 noyabrya.
19. Pravitelstvennyy vestnik. 1919. 6 noyabrya.
20. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenny arkhiv. F. 39499. Op. 1. D. 73.
21. Rossiya. 1918. 17 noyabrya.
22. Chernomorskiy mayak. 1920. 17 yanvarya.
23. Shinkarev L. Sibir: otkuda ona poshla i kuda idet. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1985. 608 s.
24. Yug Rossii. 1920. 17 maya.
25. Yuzhnyy kray. 1919. 23 iyunya.

* * *

Tuzov V. V. The White Guard press development in 1917–1921 / Tuzov V. V. // *The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 135–142.*

The research deals with the newspapers issued in 1917–1921 on the territories controlled by the White Guard forces. The features of the anti-Bolshevik newspapers are described according to the key criteria: the author and the publisher, readership, typographical stylistics. Special attention is focused on the anti-Bolshevik propaganda in the White Guard press.

Key words: journalism, press, the White Guard, the Civil War, newspapers.

V

ПРОБА ПЕРА

УДК 94(4)"1914/19"

DOI 10.5281/zenodo.345123

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

БАРАНОВ А.П.

Средняя общеобразовательная школа № 47 города Севастополя

В статье представлен анализ состава химического оружия периода Первой Мировой войны. Рассматриваются его поражающие факторы, способ воздействия на организм человека и токсичность. Описаны ключевые сражения с применением боевых отравляющих веществ (БОВ), факторы, повлиявшие на их удачное применение и то, какие средства индивидуальной защиты были изобретены в ответ на усовершенствование БОВ. Автор приходит к выводу, что на полях сражений Первой Мировой войны химическое оружие сыграло ключевую роль, и хотя существовали международные акты, регулировавшие применение химического оружия, когда началась война, они утратили свою силу.

Ключевые слова: химическое оружие, Первая мировая война, Болимов, Зелинский, Фриц Габер.

Газы и отравляющие вещества, которые легли в основу химического оружия, были открыты или синтезированы в XVIII–XIX веках. Это – хлор (1774 г.), синильная кислота (1782 г.), фосген или дихлорангидрид угольной кислоты (1811 г.), иприт или дихлордиэтилсульфид (1822 г.), дифосген (1847 г.), хлорпикрин (1848 г.), и др.

Попытки применения химического оружия были зафиксированы еще в 1854 г., однако широко применяться оно стало лишь с началом Первой Мировой войны. Впервые на полях сражений химическое оружие применили французы. Это были 26 мм гранаты, начинённые слезоточивым газом этилбромацетатом. Однако, запасы этого вещества быстро иссякли, и в связи со сложностью производства он был заменен хлорацетоном.

Применение отравляющих веществ (ОВ) в ходе военных действий регулировалось конвенциями, принятыми на двух Гаагских конференциях 1899 и 1907 годов «О законах и обычаях войны». В этих конференциях участвовало 26 (на первой) и 44 (на второй) государств мира. В том числе наиболее влиятельные: Россия, Османская империя, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Франция, Испания, Великобритания, США. На конференции 1899 года были приняты 3 конвенции, одна из которых запрещала применение снарядов с ОВ. А на конференции 1907 года была принята конвенция «О законах и обычаях ведения сухопутной войны». Статья 23 второй главы этого документа гласила: «Кроме ограничений, установленных особыми соглашениями, воспрещается:

а) употреблять яд или отравленное оружие...

д) употреблять оружие, снаряды или вещества, способные причинять излишние страдания...» [1].

Первой попыткой применения слезоточивых газов со стороны кайзеровской Германии стал обстрел русских позиций в битве при Болимове 31 января 1915 года 155 мм снарядами «Т», в которых содержалось примерно 3 килограмма ксилобромида. Несмотря на масштабность проведённого обстрела (было выпущено около 18 тысяч снарядов, которые в сумме содержали 54 тонны активного вещества), ксилобромид оказался неэффективен из-за отсутствия испарения газа при низких температурах [7, с. 166].

Незадолго до этого германский химик, лауреат Нобелевской премии, директор Физико-химического института им. Кайзера Вильгельма, Габер Фриц, предложил, в связи с нехваткой корпусов снарядов, осуществлять пуски хлора напрямую из баллонов. Это был революционный способ доставки отравляющих веществ, ведь до этого использовалась только артиллерия (газомёт Ливенса 1916 года и др.) и ручные гранаты. 22 апреля 1915 года у бельгийского города Ипр германцы осуществили газобаллонную атаку, выпустив около 180 тонн хлора. В результате союзники потерпели поражение, было отравлено более 15 000 солдат, из них около 5 000 погибли, фронт был прорван на протяжении 8 километров. Это был первый опыт использования боевых отравляющих веществ. Тем самым Германия нарушила международные договорённости, запрещавшие их применение.

25 сентября 1915 года англичане впервые применили хлор в битве при Лоосе, но эта попытка не принесла им успеха: ветер в тот день был переменчив, в результате чего хлор остался между позициями противников, и частично вернулся на английскую сторону.

Первое применение химического оружия частями русской императорской армии было осуществлено 21 марта 1916 года во время Нарочской операции. Но наиболее широко-масштабное применение боевых отравляющих веществ русская армия произвела во время Брусиловского прорыва, с мая по сентябрь 1916 года. Это были 76 мм снаряды с удушающим (хлорпикрин) и отравляющим (венсинит, фосген) действиями. Они показали высокую эффективность в подавлении артиллерийских батарей противника. Однако химическое оружие в руках русской армии, кроме борьбы с артиллерией, нашло и другое применение: отравляющие вещества использовались как вспомогательные средства, чтобы заставить противника покинуть укрытие и сделать его легкой мишенью для артиллерийского огня осколочно-фугасными боеприпасами. Также использовалась тактика комбинированной атаки – совместное применение газобаллонного пуска отравляющих веществ химическими снарядами с обстрелом зон, недоступных для газового облака [2, с. 389–391].

Но это был лишь первый опыт применения химического оружия, которым еще только предстояло научиться пользоваться. 24 июля 1916 года газобаллонная атака, организованная русскими под Сморгонью, была сорвана огнем германской артиллерии в связи с неправильно выбранным участком для газопуска. Также было замечено свойство некоторых газов создавать «газовые болота» в связи с их большей плотностью относительно воздуха. Из-за этого тактика наступления после пусков газа оказалась неэффективной: не имея средств личной защиты, при таких атаках гибли тысячи людей, попадая под действие отравляющих веществ, пущенных со своей же стороны.

В условиях нехватки защитной экипировки, по обе стороны линии противостояния проходили испытания все новых и новых средств индивидуальной защиты. Первая германская «газовая маска» представляла собой подушечку ваты, пропитанную раствором гипосульфита натрия. Вскоре после Второй битвы при Ипре такие маски стали повсеместно использоваться всеми странами, участвовавшими в войне. Однако эти средства защиты имели очень низкую эффективность ввиду их негерметичности, и солдат вынужден был прижимать маску к лицу рукой, что мешало ему использовать оружие. В противном случае солдат вдыхал отравляющее вещество, попадавшее в щели между лицом и маской [4, с. 36–37].

К началу осени 1915 года сложилось два подхода к созданию противогазов: первый заключался в использовании ткани, пропитанной специальным раствором, второй – в использовании коробки с твердым веществом, проходя сквозь которое отравляющие вещества нейтрализовывались или абсорбировались.

К первым относился респиратор из черной кисеи («черная вуаль»), в котором находилась вымоченная в растворе гипосульфита натрия, соды и глицерина вата. К этому же типу относятся шлемы «Нуро», толчком к разработке которых стали показания канадского солда-

та, который во время газовой атаки якобы видел германских солдат с «мешками» на головах. Шлем «Нуро» состоял из фланелевого мешка, пропитанного различными растворами, и отверстий для глаз, закрытых стеклом или целлулоидом. Обозначение такого шлема варьировалось в зависимости от пропитки, и маркировалось буквами «Р», «Н», «РН».

Ко второму типу относился шлем Зелинского-Кумманта – первый противогаз, способный поглощать широкий спектр отравляющих веществ. Он состоял из каучуковой маски Кумманта и фильтра, в качестве которого выдающийся русский химик Н.Д. Зелинский предложил использовать коробку с активированным берёзовым или липовым углем [3; 4, с. 50–52]. Модель была доработана И.Д. Аваловым и внедрена в массовое производство: был заказан миллион экземпляров. С началом использования этого противогаза, людские потери в русской армии резко снизились [5].

С учетом эффективности противогаза Зелинского-Кумманта, германскими специалистами был изобретен аналогичный фильтрующий патрон 11-С-11 (двухслойный патрон образца 1918 года), состоявший из активированного угля и слоя химвсасывателя, предназначенного для адсорбции продуктов разложения отравляющих веществ. Этот патрон использовался совместно с тканевой прорезиненной маской с отверстиями для глаз, аналогичными русскому противогазу.

С появлением шлема Зелинского-Кумманта и его зарубежных аналогов, применение хлора потеряло смысл, и в качестве химического оружия стали использовать более эффективные вещества. 21 февраля 1916 года в боях под Верденом французами впервые был применен газ удушающего действия фосген, который, из-за низкой температуры кипения, после взрыва снаряда быстро испарялся и создавал смертельное облако. Фосген в меньшей степени задерживался противогазами того времени и имел бóльшую смертельность в сравнении с хлором, не имел резкого запаха и был бесцветен. Но, несмотря на вышеперечисленные плюсы, он имел недостаток – симптомы отравления фосгеном проявлялись не сразу, и летальный исход наступал в период от нескольких часов до суток после отравления. Фосген часто использовали в комбинации с хлором, и эту смесь союзники называли «Белая звезда», так как снаряды с нею маркировались белой звездой.

В ночь с 10 на 11 июля 1917 года немцы с успехом использовали против англичан снаряды с арсином (дифенилхлорарсин). Арсины – это неорганические мышьяковые соединения. Они обладают зловонным запахом, вызывающим рвоту. Эти твердые вещества после взрыва создают облако из мельчайших кристалликов размером до одного микрона. Твердые частицы такого размера не задерживались в угольных фильтрах противогазов и, попадая в дыхательные пути, помимо отравления, вызывали рвотные позывы, вынуждавшие снять противогаз [6].

На следующий день, 12 июля 1917 года, германские войска обстреляли французов 77 и 105 миллиметровыми снарядами с маслянистой жидкостью. Это был газ Lost, позже названный ипритом (он же «горчичный газ») в честь бельгийского города Ипр, у которого впервые был применен хлор. Иприт оказался самым эффективным отравляющим веществом Первой Мировой войны. Его эффективность была связана с тем, что он действовал «в обход противогаза», вызывая кожные нарывы, а также воздействовал на глаза, легкие и имел токсичность, превышающую токсичность фосгена.

В тактику германских войск входил так называемый обстрел «разноцветным крестом». Это означало, что сначала позиции противника обстреливались снарядами с «синим крестом» (осколочно-химические снаряды с арсинами), а затем с «зелёным» крестом (фосген, дифосген). А с середины 1917 года германские артиллеристы стали активно применять снаряды «жёлтого креста», содержавшие иприт. В сражении при Камбрэ 20 ноября 1917 года английские войска выбили германские части с их позиций, овладели складом так называемых снарядов «жёлтого креста», и тут же применили их против немцев. А затем, 13 июля 1918 г., иприт был применён французами против 2-й Баварской дивизии. Гонка химических вооружений продолжалась вплоть до конца войны, а 1918 год ознаменовался пиком применения тактики «разноцветного креста» с немецкой стороны. Стоит отметить, что снаряды осколочно-химического действия применялись только германской стороной [6].

Учитывая вышеизложенное, можно выделить специфику применения химического оружия в годы Первой Мировой войны.

1. Химические атаки имели три основных цели:

- а) заставить противника покинуть оборонительные сооружения и деморализовать его;
- б) подавить огонь неприятельских батарей;
- в) закрыть противнику доступ к стратегическим точкам путем химического заражения последних.

2. Химическое оружие развивалось на протяжении всей войны; параллельно развивались и средства индивидуальной защиты.

3. Итог применения химического оружия зачастую определялся погодными условиями.

Таким образом, можно заключить, что химическое оружие сыграло ведущую роль в сражениях Первой Мировой войны. Такого масштаба применения боевых отравляющих веществ, как в годы той войны, человечество еще не знало. Воздействие химического оружия на живую силу противника принципиально отличалось от воздействия осколочно-фугасных снарядов, пуль и холодного оружия. От пули может укрыть окоп, от штыка ловкость и сила, от снаряда укроет блиндаж, а от газа не спасало ни то, ни другое, ни третье. Размах, с которым применялся новый тип вооружения, наряду с другими «новинками» (танки, тактика применения снайперов), дал толчок новому витку гонки вооружений. Стали активно разрабатываться средства, снижающие пагубное воздействие отравляющих веществ. В целом, опыт применения химического оружия должен послужить примером того, какую опасность таит в себе оружие массового поражения. Ведь цена его применения равна миллионам человеческих жизней.

Источники и литература.

1. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны, 18 октября 1907 года. 18-10-1907 Договор с приложением: Положение о законах и обычаях сухопутной войны [Электронный ресурс] // Сайт «Международный Комитет Красного Креста». Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm>.
2. Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. М.: Воениздат, 1938. Т. 1. [Электронный ресурс] // «Сайт Военная литература». Режим доступа: <http://militera.lib.ru/science/barsukov/index.html>.
3. Де-Лазари А.Н. Комментарии // Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг. Краткий исторический очерк / науч. ред. и коммент. М.В. Супотницкого [Электронный ресурс] // Сайт Супотницкого М.В. Режим доступа: http://supotnitskiy.ru/book/book5_kommentarii44.htm.
4. Нечаев И. Химическое оружие. М.–Л.: Детгиз, 1942. 112 с.
5. Нилов Е.И. Зелинский. М.: Молодая Гвардия, 1964. 256 с.
6. Супотницкий М.В. Забытая химическая война. I. Отравляющие вещества и химическое оружие Первой мировой войны // Офицеры. 2010. № 3 (47). С. 56–61.
7. Der Weltkrieg von 1914 bis 1918. Band 7: Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Winter und Frühjahr. Berlin: E.S. Mittler, 1931. 493 s.

References.

1. Konventsiya o zakonakh i obychayakh sukhoputnoy voyny. 18 oktyabrya 1907 goda. 18-10-1907 Dogovor s prilozheniyem: Polozheniye o zakonakh i obychayakh sukhoputnoy voyny [Elektronnyy resurs] // Sayt «Mezhdunarodnyy Komitet Krasnogo Kresta». Rezhim dostupa: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm>
2. Barsukov E.Z. Russkaya artilleriya v mirovuyu voynu. voynu. M.: Voenizdat, 1938. T. 1. [Elektronnyy resurs] // «Sayt Voyennaya literatura». Rezhim dostupa: <http://militera.lib.ru/science/barsukov/index.html>
3. De-Lazari A.N. Kommentarii // Khimicheskoye oruzhiye na frontakh Mirovoy voyny 1914–1918 gg. Kratkii istoricheskiy ocherk / nauch. red. ikomment. M.V. Supotnitskogo [Elektronnyy resurs] // Sayt Supotnitskogo M.V. Rezhim dostupa: http://supotnitskiy.ru/book/book5_kommentarii44.htm
4. Nechayev I. Khimicheskoye oruzhiye. M.–L.: Detgiz, 1942. 112 s.
5. Nilov E.I. Zelinskiy. M.: Molodaya Gvardiya, 1964. 256 s.
6. Supotnitskiy M.V. Zabytaya khimicheskaya voyna. I. Otravlyayushchiye veshchestva i khimicheskoye oruzhiye Pervoy mirovoy voyny // Ofitsery. 2010. № 3 (47). S. 56–61.
7. Der Weltkrieg von 1914 bis 1918. Band 7: Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Winter und Frühjahr. Berlin: E.S. Mittler, 1931. 493 s.

* * *

Baranov A. P. *Use of chemical weapons during World War I / Baranov A. P. // The Black Sea region. History, politics, culture. – № XX(IX). Series B: Modern and Contemporary history. – Sevastopol: Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 2017. – P. 143–147.*

This paper deals with the analysis of chemical weapons use in the First World War. The author discusses chemical weapons effects, methods of their influence on a human body and toxicity. The paper contains an account of the key battles conducted with the use of chemical warfares, factors conditioning their successful application as well as individual protective equipment designed to counteract the improved agents. The author emphasises the key role played by chemical weapons in WWI inspite of international agreements controlling the use of chemical weapons. With the outset of the war these agreements ceased to be in force.

Key words: Chemical weapons, First World War, Bolimow, Zelinsky, Fritz Haber.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАТОВА Мария Александровна	Аспирант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия) E-mail: agatovamasher@mail.ru
ДАНИЛЬЧЕНКО Сергей Леонидович	Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры управления Филиала МГУ в городе Севастополе E-mail: sldistorik@bk.ru
ДЕДКОВА Гюльнара Рауфовна	Аспирант. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Таврическая академия) E-mail: gyulnara_ahmedova@mail.ru
КАШЛЯВИК Кира Юрьевна	Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород) E-mail: kachlavi@rambler.ru
КИРНОЗЕ Зоя Ивановна	Доктор филологических наук, профессор кафедры философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории им. М.И. Глинки E-mail: z-kirnoze@yandex.ru
КРЕСТЬЯННИКОВ Валерий Васильевич	Исследователь. В 1998–2008 годах директор Государственного архива г. Севастополя E-mail: krestyannikow@mail.ru
ЛАЗАРЕВА Ольга Геннадьевна	Архивист Государственного архива Республики Крым (г. Симферополь) E-mail: o.lazareva.1802@yandex.ru
ЛОБКОВ Александр Евгеньевич	Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Севастопольского государственного университета E-mail: alobkow@rambler.ru
НЕДЕЛЬКИН Евгений Владимирович	Магистр истории, младший научный сотрудник Института археологического наследия (г. Алушта, Республика Крым). E-mail: nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru
НИКИТИНА Ирина Витальевна	Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя E-mail: IrinaNikita@yandex.ru
ОСТРОВСКАЯ Инна Валериевна	Зав. отделом Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя E-mail: ostrov-33@mail.ru
ПОПОВА Анна Дмитриевна	Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии Рязанского государственного университета имени С. Есенина E-mail: a.d.porova@mail.ru, od-porova@mail.ru
РОСЕНКО Мария Ивановна	Доктор политических наук, профессор кафедры управления Филиала МГУ в городе Севастополе E-mail: Mariyair@mail.ru
ТИХОНОВА Анастасия Андреевна	Магистрант. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Исторический факультет) E-mail: anastasi-smile@mail.ru

ТКАЧЕНКО

Сергей Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии факультета истории и права Тульского педагогического университета им. Л.Н. Толстого, Председатель Ученого совета Научно-исследовательского центра «Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (г. Феодосия)
E-mail: tkserg1@yandex.ru

ФИЛИМОНОВ

Сергей Борисович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
E-mail: sergfilimon@crimea.edu

ЧЕРКАССКАЯ

Надежда Алексеевна

Аспирант. Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
E-mail: interdepomgu@rambler.ru

ЮРЧЕНКО

Валерия Сергеевна

Аспирант. Тюменский государственный университет
E-mail: ducho-vel@list.ru

* * *

БИЧАКОВ

Сергей Александрович

Студент IV курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений **Хапаев Вадим Вадимович**)
E-mail: bichakov@mail.ru

ЖАЛЕЙКО

Кристина Андреевна

Студентка IV курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений **Бойцова Елена Евгеньевна**)
E-mail: k-zhaleiko@mail.ru

СОЛОДКИЙ

Владислав Анатольевич

Студент IV курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе (научный руководитель – доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений **Усов Сергей Андреевич**)
E-mail: sabrefight@mail.ru

ТУЗОВ

Виктор Викторович

Студент III курса отделения «Журналистика» Филиала МГУ в городе Севастополе (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений **Хапаев Вадим Вадимович**)
E-mail: viktorgood2011@gmail.com

* * *

БАРАНОВ

Алексей Павлович

Ученик 11 класса ГБОУ «Средняя общеобразовательная школа №47» г. Севастополя (научный руководитель – студент III курса отделения «История» Филиала МГУ в городе Севастополе **Баранов Михаил Павлович**)
E-mail: smart.user.michael@gmail.ru

ABOUT THE AUTHORS

AGATOVA

Mariya Aleksandrovna

Postgraduate. History faculty of Vernadsky Crimean Federal University (Taurida Academy).
E-mail: agatovamasher@mail.ru

DANILCHENKO

Sergey Leonidovich

Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Management. Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
E-mail: sldistorik@bk.ru

DEDKOVA

Gulnara Raufovna

Postgraduate. History faculty of Vernadsky Crimean Federal University (Taurida Academy).
E-mail: gyulnara_ahmedova@mail.ru

KACHLYAVIK

Kira Yurievna

Doctor of Philology, Professor at the Department of Literature and Intercultural Communication, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics" Nizhny Novgorod
E-mail: kachlavi@rambler.ru

KIRNOZE

Zoia Ivanovna

Doctor of Philology, Professor at the Department of Philosophy and Aesthetics, Glinka Nizhny Novgorod State Conservatory
E-mail: z-kirnoze@yandex.ru

KRESTYANNIKOV

Valeriy Vasilyevich

Researcher. Director of the Sevastopol State Archives (1998-2008)
E-mail: krestyannikow@mail.ru

LAZAREVA

Olga Gennadievna

Archivist. State Archives of the Republic of Crimea (Simferopol)
E-mail: o.lazareva.1802@yandex.ru

LOBKOV

Alexander Evgenyevitch

Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Translation, Sevastopol State University
E-mail: alobkow@rambler.ru

NEDELKIN

Evgeniy Vladimirovich

MA in history, Junior Researcher at the Institute of Archaeological Heritage (Alushta, Crimea)
E-mail: nedelkin-evgeniy2014@yandex.ru

NIKITINA

Irina Vitalyovna

Candidate of History, Chief Researcher. State Museum of Heroic Defense and Liberation of Sevastopol
E-mail: IrinaNikita@yandex.ru

OSTROVSKAYA

Inna Valerievna

Head of the Department. State Museum of Heroic Defense and Liberation of Sevastopol
E-mail: ostrov-33@mail.ru

POPOVA

Anna Dmitrievna

Doctor of History, Professor, Professor at the Department of Philosophy, Yesenin Ryazan State University
E-mail: a.d.popova@mail.ru, od-popova@mail.ru

ROSENKO

Mariia Ivanovna

Doctor of Politics, Professor at the Department of Management, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University.
E-mail: Mariyair@mail.ru

TIKHONOVA

Anastasiia Andreevna

Master's Degree Student. Faculty of History, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: anastasi-smile@mail.ru

TKACHENKO

Sergey Nikolaevich

Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and Archeology. Faculty of History and Law, Tolstoy Tula State Pedagogical University; Chairman of the Academic Council at the Research Center «Crimea in the Great Patriotic War of 1941–1945» (Feodosiya)
E-mail: tkserg1@yandex.ru

FILIMONOV

Sergey Borisovich

Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Faculty of History, Vernadsky Crimean Federal University (Taurida Academy).
E-mail: sergfilimon@crimea.edu

CHERKASSKAYA
Nadezhda Alekseyevna

Postgraduate. Dostoevsky Omsk State University.
E-mail: interdepomgu@rambler.ru

IURCHENKO
Valeriya Sergeyevna

Postgraduate. Tyumen state University.
E-mail: ducho-vel@list.ru

* * *

BICHAKOV
Sergey Aleksandrovich

Fourth-year student of the Department of History and International Relations. Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University. (Research Advisor – **Khapaev Vadim Vadimovich**, Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations)
E-mail: bichakov@mail.ru

ZHALEIKO
Kristina Andreevna

Fourth-year student of the Department of History and International Relations. Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University. (Research Advisor – **Boytsova Elena Evgenyevna**, Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations)
E-mail: k-zhaleiko@mail.ru

SOLODKIY
Vladislav Anatolievich

Fourth-year student of the Department of History and International Relations. Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University. (Research Advisor – **Usov Sergey Andreevich**, Doctor of Politics, Professor at the Department of History and International Relations)
E-mail: sabrefight@mail.ru

TUZOV
Viktor Viktorovich

Third-year student of the Department of Journalism. Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University. (Research Advisor – **Khapaev Vadim Vadimovich**, Candidate of History, Associate Professor at the Department of History and International Relations)
E-mail: viktorgood2011@gmail.com

* * *

BARANOV
Aleksey Pavlovich

11th grade student of Sevastopol school № 47 (Research Advisor – **Baranov Mikhail Pavlovich**, third-year student of the Department of History and International Relations, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University)
E-mail: smart.user.michael@gmail.ru

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секциях «Новая и новейшая история России и стран Причерноморья» на XIV Всероссийской научной конференции «Лазаревские чтения» в 2016 году / под редакцией С.Б. Филимонова.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

В.В. ХАПАЕВ

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР:

Е.В. НЕДЕЛЬКИН

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редколлегии.

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе**

**Подписано к публикации 01.03.17 г.
Формат 70 x 108 1/8
Объем 19 п.л., уч. изд. л. 13,1
Распространяется через сеть Интернет**

